

15130
31 K

Ср. фонд
1912 г. № 467

Спр. фонд

В. О. ЖЕРЕБЦОВЪ

ВОСПОМИНАНІЯ

О
САРАТОВСКОЙ ПЕРВОЙ МУЖСКОЙ
ГИМНАЗИИ
И
С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

Цѣна 40 коп.

САРАТОВЪ
Т-во ТИПОГРАФІЯ „ЭНЕРГІЯ“
1912

85

15130

ЖЕРЕБЦОВЪ.

Ивану Александровичу
 Жеребцову въ память
 Мемуары о жизни
 В. Жеребцову

ВОСПОМИНАНІЯ

○

САРАТОВСКОЙ ПЕРВОЙ МУЖСКОЙ ГИМНАЗИИ

И

С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ЦѢНА 40 КОП.

15130

86

95-

nr.

САРАТОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ „ЭНЕРГІЯ“.

1912.

Предисловіе.

Что прошло—то стало мило, сказала поэтъ. По отношенію къ школьнымъ годамъ это особенно вѣрно, Какъ-бы ни былъ иногда горекъ корень ученья, но все исцѣляющее, все примиряющее время и на него накидываетъ свою поэтическую дымку, и прошлое намъ не кажется столь суровымъ, столь будничнымъ, какъ оно, можетъ быть, было въ дѣйствительности. Вспоминая о далекомъ прошломъ, невольное чувство умиленія заставляетъ прощать и забывать горе и обиды, причиненныя людьми или находить имъ оправданія и, на оборотъ, благодарить ихъ за все сдѣланное ими доброе. Подъ такимъ настроеніемъ писалъ я свои школьныя воспоминанія и невольно исключилъ многое, что оставило въ моей душѣ мрачный слѣдъ изъ гимназической жизни. Цѣлью воспоминаній было оживить, какъ въ собственной памяти, такъ и въ памяти моихъ многочисленныхъ товарищей, давно забытыя, родныя картины дорогого вѣмъ дѣтства, а также, по возможности, представить живой матеріалъ для лицъ, желающихъ писать исторію Саратовской гимназій. Ввиду предстоящаго въ скоромъ времени юбилея этого старѣйшаго въ Саратовѣ разсадника просвѣщенія, слѣдуетъ ожидать появленія серьезныхъ историческихъ изслѣдованій изъ жизни гимназій, и, потому, я надѣюсь, что мой скромный трудъ можетъ явиться своевременнымъ и не бесполезнымъ сырымъ матеріаломъ для таковыхъ трудовъ. Большинство фактовъ, приведенныхъ въ моей книгѣ, составляютъ мои личныя воспоминанія, и только нѣкоторые изложены мною по разсказамъ болѣе старшихъ меня товарищей, на правдивость которыхъ я могъ вполне положиться.

Что касается присоединенныхъ воспоминаній о Петербургскомъ Университетѣ, то матеріалы для таковыхъ взяты также, преимущественно изъ собственной памяти, и, только, нѣкоторые факты переданы со словъ другихъ товарищей. Въ этой части воспоминаній я меньше всего претендую на вѣрность въ изображеніи общаго характера жизни студенчества того времени, и отношенія его къ университету и профессурѣ. Ввиду громаднаго, разнокалибернаго состава слушателей университета и большого персонала преподавателей и профессоровъ, не имѣя многочисленныхъ знакомствъ въ той и другой средѣ, трудно было составить себѣ вполне отчетливое и объективно вѣрное представленіе о сложной жизни столь громаднаго учрежденія, какъ университетъ, и дать правильную характеристику студенчества, наиболѣе совпадающую съ дѣйствительно доминирующими въ немъ настроеніями, идеями, отношеніемъ къ университету и образомъ жизни.

Во всякомъ случаѣ, мною будутъ приняты съ благодарностью всякія указанія на допущенныя ошибки, и въ случаѣ, если настоящей книгѣ суждено будетъ увидать второе изданіе, то всѣ такія ошибки будутъ исправлены.

Авторъ.

ГЛАВА I.

Въ Саратовскую гимназію я поступилъ въ 1873 году, въ директорство популярнаго въ свое время Михаила Алексѣевича Лакомтэ, и приемъ же кончилъ курсъ въ 1883 году. Не смотря на свои, нѣкоторые весьма крупныя, недостатки (о которыхъ будетъ сказано ниже), Лакомтэ былъ любимъ своими учениками и цѣнимъ обществомъ, какъ гуманный педагогъ и хорошо воспитанный свѣтскій человѣкъ. Въ теченіи продолжительнаго гимназическаго курса я имѣлъ возможность близко узнать этого добраго, симпатичнаго, но слабовольнаго человѣка, и мнѣ хотѣлось бы въ своихъ воспоминаніяхъ, по возможности, отбѣнить наиболѣе свѣтлыя стороны этой незаурядной личности, такъ какъ отрицательныя черты его уже слишкомъ сгущались разными лицами, писавшими воспоминанія о Саратовской гимназіи. Этимъ я отдамъ дань благодарности памяти человѣка, не омрачившаго ничѣмъ дней моей юности въ школьные годы ученія.

Мнѣ еще небыло полныхъ девяти лѣтъ, когда я поступилъ въ приготовительный классъ. Въ то блаженное время поступающіе въ гимназію и ихъ родители не трепетали такъ передъ экзаменами, какъ теперь. О конкуренныхъ испытаніяхъ, о подавливаньи экзаменующихя разными каверзными вопросами, какъ это практикуется въ настоящее время, и помину небыло. Не было тогда и той торжественной обстановки приемныхъ экзаменовъ съ совершеннымъ устраненіемъ родителей, которая теперь столь часто служитъ причиной провала безчисленныхъ малышей, робѣющихъ отъ такой непривычной, пугающей ихъ торжественности. Экзамены происходили въ классахъ, безъ всякой помпы, имѣя совѣсь домашній, будничныи характеръ. Родителямъ не препятствовали присутствовать на экзаменахъ, и это, съ одной стороны, ободряющимъ образомъ дѣйствовало на дѣтей, а съ другой, избавляло учителей отъ часто несправедливыхъ нареканій со стороны родителей за пристраст-

ную оцѣнку знаній экзаменующихся. Программа испытаній для поступленія въ подготовительный классъ въ то время была тождественною съ настоящею. Экзамены производились по закону Божьему, по ариѳметикѣ и по русскому языку. По всѣмъ тремъ предметамъ я получилъ по четверкѣ, и тутъ же моимъ родителямъ было объявлено, что я буду принять въ подготовительный классъ, ибо, какъ я упомянулъ уже раньше, конкурса поступающихъ тогда не существовало. Экзаменовали меня по закону Божьему священникъ о. Груздевъ, а по русскому языку и по ариѳметикѣ Семень Григорьевичъ Иллюминарскій. Послѣдній одинъ состоялъ преподавателемъ подготовительнаго класса; черезъ руки этого почтеннаго педагога прошли почти все учившіеся въ Саратовской гимназій въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія, ибо онъ на своемъ скромномъ поприщѣ подвизался болѣе 30 лѣтъ. Я засталъ Семена Григорьевича еще молодымъ человѣкомъ, здоровымъ, цвѣтущимъ, полнымъ силъ и энергіи. Отличительными свойствами его, какъ учителя, были мягкость въ обращеніи, невозмутимый, спокойный, ровный характеръ, чрезвычайно аккуратное и добросовѣстное отношеніе къ дѣлу, и стремленіе къ справедливости. Какъ человѣкъ, Семень Григорьевичъ, принадлежалъ къ типу резонеровъ, любилъ разсуждать и поощрялъ это качество въ своихъ ученикахъ, разумѣется, въ предѣлахъ вопросовъ, доступныхъ ихъ пониманію. Не смотря однако на свою мягкость въ обращеніи, Семень Григорьевичъ умѣлъ поддерживать должную дисциплину въ классѣ, чего достигалъ не столько карательными мѣрами, сколько умѣньемъ поддерживать неослабное вниманіе и интересъ учащихся къ предмету въ теченіи всего часоваго урока. Для шаловливыхъ и непослушныхъ учениковъ С. Г. практиковалъ слѣдующіе карательные приемы: 1) въ особой книжкѣ, лежащей передъ нимъ на кафедрѣ, онъ записывалъ фамиліи учениковъ, замѣченныхъ въ какой либо шалости во время урока; записи эти назывались „замѣчаніями“. По окончаніи всѣхъ уроковъ С. Г. прочитывалъ фамиліи записанныхъ учениковъ, и, у которыхъ оказывалось три замѣчанія—тѣ оставлялись безъ обѣда—на часъ, а у которыхъ было четыре и болѣе замѣчаній, тѣмъ срокъ оставленія „безъ—обѣда“ удлинялся въ соотвѣтственной пропорціи. Не

смотря на мягкость характера С. Г., никакія просьбы и да даже слезы не могли воздѣйствовать на него для отмѣны наказаній за эти замѣчанія, и, даже, для ослабленія ихъ. Эта неизбѣжность кары, въ связи съ пугающею неизвѣстностью о числѣ замѣчаній (С. Г. дѣлалъ ихъ молча и незамѣтно) до конца уроковъ дѣйствовали весьма устрашающе на самые непокорные элементы, и потому порядокъ въ классѣ былъ образцовый. 2) Слѣдующимъ по строгости наказаніемъ было стояніе въ углу за доскою во время большой перемѣны. Такое стояніе назначалось обыкновенно на нѣсколько дней, иногда даже на недѣлю и болѣе. Дурной стороной этого наказанія, какъ педагогическаго приѣма воздѣйствія, былъ унижительный характеръ его, ввиду того, что для наблюденія за стоящими въ углу избирался С. Г. одинъ, изъ такъ называемыхъ, любимчиковъ его, которому ввѣрялось нѣчто въ родѣ дисциплинарной власти надъ своими товарищами. Понятно, что такихъ „любимчиковъ“, „надсмотрщиковъ“ очень недолюбливали, и этимъ антипедагогическимъ приѣмомъ впервые отравлялись дѣтскія души чувствами подхалимства, высокомерія, злобы и метительности. 3) слѣдующимъ, самымъ сильнымъ наказаніемъ, было письменное извѣщеніе родителей С. Г. о какой либо изъ ряда вонъ выходящей шалости, устроенной ученикомъ. С. Г. собственноручно писалъ родителямъ провинившагося ученика письмо и отсылалъ его со сторожемъ. Угрожающее значеніе этой мѣры, конечно, зависѣло, главнымъ образомъ, отъ личностей родителей. Имѣющіе очень строгихъ родителей боялись этого наказанія, какъ огня, и потому иногда приходилось видѣть тяжелыя сцены, когда дѣти такихъ родителей ползали на колѣняхъ передъ С. Г., цѣловали его руки, умоляя не посылать „карательныхъ“ писемъ родителямъ. Иногда С. Г. на такія прособы сдавался, и ограничивался угрозою послать письмо при первомъ повтореніи подобнаго проступка.

Не смотря на то, что въ мое время въ приготовительномъ классѣ были мальчики возраста до 13 лѣтъ, я за два года, которые провелъ тамъ, не помню, чтобы шалости выходили изъ обычнаго уровня дѣтскихъ провинностей, или когда ибудь носили злостный или хулиганскій характеръ. Всѣ провинности сводились къ дракамъ между собою, къ порчѣ

классной обстановки, къ исчезновенію подъ разными вымышленными предлогами изъ класса, къ подсказыванію и списыванію другъ у друга.

Наибольшимъ наказаніемъ облагались С. Г. драки, что, вѣроятно, проистекало изъ его мирнаго характера, которому были противны сцены всякаго насилія, хотя бы и ввидѣ дѣтской драки, имѣющей, конечно, болѣе характеръ игры, чѣмъ дѣйствительной драки.

Другимъ преподавателемъ въ приготовительномъ классѣ былъ законоучитель о. Груздевъ, Яковъ Васильевичъ. Это былъ очень умный и образованный священникъ (если не ошибаюсь, съ академическимъ образованіемъ), обладающій прекраснымъ даромъ слова. Высокій ростъ, мощное сложеніе, красивое открытое лицо, съ выраженіемъ истинно русскаго простодушія, дѣлали его очень представительнымъ и симпатичнымъ. Къ сожалѣнію, Я. В., не смотря на свой духовный санъ, подверженъ былъ извѣстной русской слабости, сгубившей у насъ столь многихъ талантливыхъ людей, и эта слабость, съ теченіемъ времени, особенно послѣ его вдовства, такъ завладѣла имъ, что значительно затемнила его хорошія, душевныя качества, отразилась дурно на характерѣ и послужила причиною его преждевременной, скоропотижной смерти. Въ обществѣ Я. В. былъ милый, пріятный собесѣдникъ, остроумный и веселый. Въ классахъ же мы видѣли его преимущественно хмурымъ, озабоченнымъ и строгимъ. Возможно, что пребываніе въ бурсѣ добраго, стараго времени укоренило въ добродушномъ отъ природы Я. В. убѣжденіе, что въ классѣ съ учениками должно быть всегда строгимъ и требовательнымъ. Таковымъ онъ и былъ. Малѣйшая ошибка при отвѣтѣ урока, случайное запоминаніе хотя бы одного слова молитвы, перестановка, или перевираніе непонятныхъ славянскихъ словъ и фразъ—вели неукоснительно къ единицѣ, и къ оставленію безъ обѣда, иногда до 6 часовъ вечера. Наказаніе это усугублялось тѣмъ, что время „безъ обѣда“ нельзя было проводить въ пріятномъ бездѣльи, или въ какихъ либо шалостяхъ, и надо было учить на зубокъ невыученный своевременно урокъ, т. к. въ 6 часовъ вечера Я. В. являлся въ классѣ или вызывалъ безобѣдника къ себѣ на квартиру (онъ жилъ на гимназическомъ дворѣ) и строжайшимъ образомъ спра-

шивалъ урокъ. Недостаточное знаніе влекло за собою сидѣніе до 8 часовъ вечера.

Неудивительно, что при такой строгости Я. В., ученики боялись его, какъ огня, и его уроки считали самыми страшными. Отрицательною староною Я. В., какъ педагога, была его склонность къ насмѣшкамъ. Всѣмъ извѣстно, какъ вредно на дѣтскую психику вліяетъ, позволяемая неосторожными педагогами, насмѣшка надъ отвѣтами или надъ личностями учениковъ. Я. В. много взялъ на свою душу грѣха, прибавивъ къ чувству страха, который онъ внушалъ ученикамъ, чувство униженія отъ насмѣшекъ и издѣвательства.

Онъ высмѣивалъ неудачные отвѣты растерявшагося мальчика, заставлялъ надъ нимъ смѣяться весь классъ и давалъ разныя обидныя клички, которыя затѣмъ подхватывались находящимися въ каждомъ классѣ любителями подразнить товарища, и эти клички дѣлались истиннымъ мученіемъ для дѣтей, имѣющихъ несчастье ихъ получить. Хорошею чертою Я. В., какъ преподавателя, было безпристрастное отношеніе къ личностямъ учениковъ. У него не было любимцевъ, и, ни частное знакомство, ни родство съ нимъ, ни благонравное поведеніе, ни участіе въ церковномъ хору не спасали учениковъ отъ его строгихъ требованій и наказаній. Такъ, мои родители хорошо были съ нимъ знакомы (даже были въ нѣкоторомъ родствѣ), но это несколько не мѣшало ему при случаѣ издѣваться надо мною въ классѣ, какъ и надъ другими и оставлять безъ обѣда до 6 и до 8 часовъ вечера. Однажды я невольно отомстилъ ему за его строгости. Обладая порядочною памятью, и подгоняемой страхомъ сидѣнія безъ обѣда до 6 часовъ, я всѣ молитвы, заповѣди и проч., что требовалось, изучилъ, что называется, на зубокъ, и сдѣлался у Я. В. первымъ ученикамъ по закону Божьему. Ввиду этого онъ, однажды, во время посѣщенія его урока попечителемъ учебнаго округа, вызвалъ для отвѣта меня, думая блеснуть моими познаніями; между тѣмъ я, ослѣпленный величіемъ представшей передо мною картины: видомъ попечителя, директора, инспектора и прочей свиты въ мундирахъ, орденнахъ, лентахъ и другихъ регаліяхъ, такъ растерялся, что не могъ прочесть правильно двѣ самыя главныя молитвы: „Отче нашъ“ и „Царю небесный“, а въ молитвѣ послѣ ученія

окончательно „зарѣзаль“ не только батюшку, но и весь учительскій персоналъ, сказавши вмѣсто „учителей, ведущихъ насъ къ познанію блага — „учителей, ведущихъ насъ къ познанію добра и зла“. Нѣсколько лѣтъ послѣ этаго Я. В. не могъ простить мнѣ подобной „подводки“. Долгое время не было мнѣ такъ-же прохода отъ товарищей, дразнившихъ меня этимъ „познаніемъ добра и зла“.

Оканчивая воспоминанія о приготовительномъ классѣ, скажу въ заключеніе нѣсколько словъ объ общихъ школьныхъ условіяхъ, въ которыхъ мы тогда находились. Приготовительный классъ въ то время еще небылъ такъ слитъ съ гимназію, такъ въ настоящее время, а составлялъ нѣчто, въ родѣ отдѣльнаго пансіона при гимназіи. Вытекало это изъ того, что помѣщеніе для приготовительнаго класса было совершенно отдѣльное отъ остальныхъ классовъ, не имѣющее съ ними ни—какого сообщенія; онъ помѣщался въ нижнемъ этажѣ, въ пристройкѣ къ заднему фасаду гимназіи, въ глубинѣ двора, и имѣлъ отдѣльный входъ, прихожую и шинельную. Для приготовительнаго класса былъ отдѣльный, спеціальныи учитель; ученики его не имѣли права ношенія формы, которая тогда была обязательна для всѣхъ остальныхъ гимназистовъ. Инспекція гимназіи не имѣла никакого касательства къ приготовительному классу. Директора и инспектора мы видѣли въ классѣ въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ, напр. во время пріѣзда попечителя учебнаго округа. Такое изолированное положеніе учениковъ приготовительнаго класса было безусловно выгодно, ибо препятствовало дурному вліянію старшихъ учениковъ на „приготовишекъ“, и этимъ, я думаю, объясняется то явленіе, что среди учениковъ приготовительнаго класса не замѣчалось особенно рѣзкихъ проявленій грубости, сквернословія и цинизма, что обычно наблюдается при единеніи младшихъ учениковъ со старшими, въ силу закона подражательности.

Помѣщенье класса состояло изъ двухъ обширныхъ комнатъ, изъ которыхъ одна составляла, собственно, классъ, а другая служила рекреационнымъ заломъ. Учебныя занятія начинались, какъ и теперь, въ 9 часовъ утра, но большинство учениковъ, чтобы имѣть возможность на свободѣ пошалить и порѣзвиться забирались гораздо ранѣе, иногда

часовъ съ семи. Въ классъ пускали только около 9 часовъ утра, а до этого предоставлялось проводить время на дворѣ или въ холодныхъ сѣняхъ. Зимой, въ сильные морозы, ожидающіе иногда сильно обмораживались, и, чтобы согрѣться, бѣгали въ квартиру добродушнаго сторожа, эгарика Богданыча. Насколько мнѣ помнится, сынъ этого сторожа учился съ нами же въ приготовительномъ классѣ. Положеніе его отца несколько не отражалось на отношеніяхъ къ нему товарищей, проникнутыхъ полнымъ дѣтскимъ демократизмомъ. Классъ хорошо былъ снабженъ необходимыми школьными принадлежностями: картами, глобусами, наглядными картинами, преимущественно изъ жизни русской деревни; имѣлась также, очень хорошо подобранная, дѣтская бібліотека, книгъ изъ которой выдавались бесплатно.

Обычными играми учениковъ служили: въ теплое время игра на дворѣ въ лапту, въ казаки-разбойники, въ примѣрныя сраженія, въ чехарду. Въ холодное время, въ рекреационномъ залѣ при отсутствіи Семена Григорьевича, не долюбившаго сильный шумъ и крикъ, стѣняло, конечно, проявленіе рѣзости, и игры принимали болѣе спокойный, мирный характеръ: играли въ перышки, въ шашки, въ прятки, и т. под. Гимнастикой занимались только въ теплое время года на плохенькихъ трапещяхъ, устроенныхъ на задней площадкѣ двора; учителей гимнастики не было, и каждый выдѣлывалъ трюки, какіе ему заблагоразудятся. Результатамъ этого, хотя рѣдко, но бывали разные несчастныя случаи сильныхъ ушибовъ или вывиховъ при паденіи съ высокихъ трапещей. Начальство на это смотрѣло равнодушно, а отъ родителей жалобъ за недосмотръ не поступало. На сколько гимназическое начальство въ то время равнодушно относилось къ виѣшкольнымъ развлеченіямъ учениковъ, показываютъ слѣдующіе два примѣра. На пустырѣ гимназическаго двора, лежало огромное бревно, и любимымъ развлеченіемъ мальшей гимназистовъ было—вкатывать это бревно на довольно крутую и высокую горку, и смотрѣть, какъ оно потомъ съ грохотомъ и трескомъ скатывалось внизъ и ударялось о заборъ. Любители особенно сильныхъ ощущеній забирались въ небольшую яму, имѣющуюся въ полугорѣ, и тамъ наслаждались трепетнымъ ощущеніемъ, когда надъ ними, грохоча, скатывалось огром-

ное бревно, едва не задѣвая ихъ за головы. Насколько опасна была подобная забава, очевидно было для всякаго, но начальство незапрещало ее и не убирало бревно. Однажды произошелъ и несчастный случай, окончившійся, впрочемъ, благополучно. При вкатываньи бревна, кто то споткнулся и закричалъ, произошло замѣшательство, бревно не могли сдержать, и оно покатилося назадъ. Всѣ бывшіе ближе къ краямъ успѣли отбѣжать, а одинъ ученикъ приготовительнаго класса Прорвичъ, бывший въ серединѣ, былъ сшибленъ съ ногъ бревномъ, и послѣднее прокатилось черезъ него, сильно помявъ ему животъ и грудь. Прорвича подняли безъ сознанія и отправили домой; тамъ онъ прохворалъ недѣли съ двѣ, но благодаря крѣпкой организаціи, выздоровѣлъ. Послѣ этого случая бревно приказано было убрать.

Также равнодушно относилось начальство къ кулачнымъ боямъ, происходившимъ почти ежедневно около самой гимназіи съ учениками сосѣдняго Срѣтенскаго училища. Это были цѣлыя побоища, на которыхъ участвовали ученики, начиная съ приготовительнаго класса, до четвертаго и пятаго включительно. Иногда ареной этихъ сраженій служили Липки, гдѣ сражающихся окружали толпы любопытныхъ, подзадоривающихъ своими возгласами и замѣчаніями дерущихся.

Въ приготовительномъ классѣ я пробылъ два года, потому что первый годъ большую часть времени прохворалъ корью и коклюшемъ, и не могъ идти въ уровень съ товарищами. Къ экзаменамъ я, хотя былъ допущенъ, но „срѣзался“. На второй годъ мнѣ, конечно, легко было учиться, и я впоследствии не жалѣлъ, что пробылъ лишній годъ въ приготовительномъ классѣ, т. к. это благотворно отозвалось на ходѣ всѣхъ послѣдующихъ занятій.

Во всѣхъ старшихъ классахъ мое развитіе нѣсколько опережало трудности программъ, и я учился свободно, не напрягая своихъ силъ и здоровья.

Въ первомъ классѣ я сразу окунулся въ гущу классической премудрости. Это было въ разгаръ увлеченія классическою системою. Министромъ народнаго просвѣщенія былъ Толстой, и въ гимназіяхъ, что называется, „душили“ древними языками. Въ первомъ классѣ были ежедневные уроки ла-

тинскаго языка, а въ нѣкоторые дни и по два урока подрядъ. Когда вспоминаешь объ этомъ, становится странно и смѣшно: куда такъ торопились съ изученіемъ этой мертвечины, что даже, не давъ, сколько нибудь сносно, ознакомиться съ роднымъ языкомъ, заставляли по десять часовъ въ недѣлю заниматься схоластическою латынью! Изученіе новыхъ языковъ и то начиналось только со второго класса. Другими предметами обученія въ первомъ классѣ были: русскій языкъ, ариѳметика, законъ Божій, географія, чистописаніе и рисованіе (необязательно).

Преподавателями въ первомъ классѣ состояли: Владиміръ Васильевичъ Павловскій (русскій и латинскій языкъ), Карлъ Карловичъ Горенбургъ (ариѳметика), Николай Александровичъ Воробьевъ (географія), Михаилъ Михайловичъ Потаповъ (чистописаніе и рисованіе). Законъ Божій во всѣхъ классахъ преподавалъ вышеупомянутый священникъ о. Груздевъ.

Каждый изъ нихъ представлялъ изъ себя совершенно оригинальный типъ, и потому не безъ интересно будетъ вспомнить о нихъ отдѣльно и подробно. Общее, что можно сказать объ нихъ—то, что они были педагоги уже новой формаціи, ничего не имѣющіе общаго съ типами грубыхъ бурсацкихъ, преподавателей пятидесятыхъ, и частью шестидесятыхъ годовъ. Всѣ они были вѣжливы въ обращеніи съ учениками, держали себя въ классѣ, за рѣдкими исключеніями, вполне корректно, и имѣли весьма приличный внѣшній видъ. Современному читателю можетъ показаться—страннымъ, что о такихъ, собственно говоря, необходимыхъ, нормальныхъ качествахъ учителей приходится отмѣчать особо, но, если принять во вниманіе невозможные типы учителей дореформеннаго періода, то понятнымъ станетъ необходимость отмѣтить эволюцію въ прогрессѣ типа гимназическаго учителя. Одинъ бывший воспитанникъ Саратовской гимназіи, человекъ очень почтенный, которому нельзя было недовѣрять, передавалъ мнѣ невѣроятные факты изъ жизни и дѣятельности Саратовскихъ гимназическихъ учителей 50—60 годовъ. Такъ, по его рассказамъ, учителя нерѣдко являлись въ классы въ совершенно пьяномъ, безобразномъ видѣ, опохмѣлялись въ классѣ, разпивая водку вмѣстѣ съ учениками, и ставили наилучшія

отмѣтки тѣмъ ученикамъ, которые приносили любимыя ихъ закуски къ водкѣ. Засыпаніе въ классѣ пьяныхъ учителей было явленіемъ самымъ ординарнымъ, равно какъ и рукопашныя схватки съ учениками. Битье учениковъ линейками, щелчки, затрецины, ругань, самая отборная, были необходимыми атрибутами учителей. Въ мое же время, я не засталъ даже намековъ на что либо подобное, за весьма рѣдкими исключеніями, о чемъ будетъ сказано ниже.

Возвращаюсь къ преподавателямъ перваго класса. Владиміръ Васильевичъ Павловскій спеціально преподавалъ русскій языкъ и словесность во всѣхъ классахъ, а въ младшихъ, кромѣ того, латинскій языкъ.

По виѣшности это былъ молодой человѣкъ, не высокаго роста, коренастый, блондинъ, съ роскошной шевелюрой— въ общемъ, очень красивый. Онъ весьма заботился о своей виѣшности, щеголевато одѣвался, отчаянно душился, держался нѣсколько фатовато, стараясь вмѣстѣ съ тѣмъ напустить на себя видъ какой то профессорской важности. Не лишень былъ дара краснорѣчія, но, по преимуществу, безсодержательнаго. Любилъ красивыя и цвѣтистыя фразы, говорилъ ихъ съ апломбомъ и вообще мнилъ себя большимъ ораторомъ. Въ общемъ, это былъ неглупый, добродушный малый, съ напускными свѣтскими манерами, и не идущую къ нему, какъ семинаристу, бонтонностью. Въ первомъ классѣ онъ былъ грозою учениковъ, особенно какъ преподаватель латинскаго языка. Малыши были проникнуты необычайнымъ почтеніемъ къ его, казавшейся имъ огромной, эрудиціи въ этомъ архаическомъ языкѣ. Вѣра же въ эту эрудицію возникла только потому, что въ началѣ латинскій языкъ представлялся намъ недосыгаемою мудростью, а щедро расточаемые В. В. единицы, двойки и „безъ обѣды“ наводили на робкихъ панику.

Впослѣдствіи мы узнали, что латинскія познанія В. В. были болѣе чѣмъ скромны, но тогда намъ казалось что „сильнѣе кошки звѣря нѣтъ“. Методъ преподаванія В. В. былъ одинъ изъ наиболѣе продуктивныхъ для привитія и правильной провѣрки знаній учениковъ. Обыкновенно онъ вызывалъ къ каѳедрѣ нѣсколько человѣкъ и возился съ ними цѣлый часъ, спрашивая заданный урокъ, старые уроки, грамматику, Всѣ словесныя разъясненія, дѣлаемыя

имъ въ классѣ, все непонятное, разъясняли по нѣскольку разъ, добиваясь того, что все его ученики, подъ конецъ года, прекрасно знали весь курсъ. Готовиться приходилось къ каждому уроку, потому что В. В., то и дѣло „подлавливалъ“, т. е. спрашивалъ иногда нѣсколько разъ подрядъ, и, вообще, не значай, а не такъ, какъ большинство учителей, по очереди выставленныхъ отмѣтокъ. Преподаватель ариѳметики, популярный въ Саратовѣ педагогъ, нынѣ здравствующій Карлъ Карловичъ Горенбургъ извѣстенъ прежде всего былъ, какъ замѣчательный математикъ; въ немъ соединялись выдающіеся математическія способности съ громадною эрудиціею. Такой математикъ несомнѣнно былъ бы украшеніемъ любого математическаго факультета, и меня всегда удивляло, почему онъ избралъ скромную карьеру учителя гимназій. Уроки его отличались замѣчательною ясностью изложенія. Какъ учитель, онъ былъ чрезвычайно строгъ и требователенъ. Будучи самъ природнымъ математикомъ, онъ не мирился съ мыслью объ окончательномъ отсутствіи у нѣкоторыхъ учениковъ математическихъ способностей и предъявлялъ ко всемъ одинаково строгія требованія; такая неправильная нивелировка способностей имѣла для многихъ учениковъ печальныя послѣдствія, и немало молодыхъ людей должны были покинуть гимназію изъ за невозможности удовлетворить предъявляемымъ къ нимъ непосильнымъ требованіямъ. Зато тѣ ученики, которые проходили весь гимназическій курсъ у Карла Карловича великолѣпно знали математику, и поступавшіе изъ нихъ на математическій факультетъ, имѣли прекрасную подготовку. Другою отрицательной стороною этого педагога была его насмѣшливость, подчасъ нѣсколько грубаго свойства. Въ общемъ же, по отзыву близко знавшихъ его людей, это былъ простой, добрый и отзывчивый къ нуждамъ учениковъ человекъ. Онъ обладалъ сильнымъ и властнымъ характеромъ, имѣлъ большое вліяніе на слабовольнаго директора Лакомтѣ; говорили, что фактически болѣе завѣдывалъ гимназіею К. К. чѣмъ директоръ. На сколько были достовѣрны эти слухи, я, однако, не ручаюсь.

Преподаватель географіи Николай Александровичъ Воробьевъ былъ человекъ невозмутимо спокойнаго характера, и представлялъ изъ себя типичнаго учителя—чинов-

ника. Это была какая то учащая машина, а не человекъ. У него была разъ навсегда заведенная манера распредѣленія класснаго времени, отъ которой онъ никогда не отступалъ. Прежде чѣмъ приступить къ описанію его оригинальныхъ уроковъ, я скажу нѣсколько словъ о его внѣшности, дабы читатель могъ себѣ яенѣе представить картину, происходившую въ классѣ. Н. А. былъ мужчина, лѣтъ около сорока, худощавый, поджарый и длинный, со скудною растительностью на лицѣ. Лицо всегда задумчиво серьезное, почти никогда не улыбающееся; одѣтъ всегда былъ въ вицмундиръ, застегнутый на все пуговицы. Никогда онъ не сердился, не возвышалъ голоса, не спорилъ, и что-бы ученикъ ему не рассказывалъ, онъ терпѣливо и долго слушалъ молча, а потомъ ставилъ отмѣтку. Являлся онъ аккуратно послѣ звонка, усаживался на кафедру, вызывалъ ученика, котораго давно не спрашивалъ, и предлагалъ ему рассказать урокъ.

Какъ только ученикъ начиналъ говорить, онъ сходилъ съ кафедры и неторопливыми шагами ходилъ взадъ и впередъ по классу, заложа руки въ карманы, и какъ то грустно поглядывалъ по сторонамъ. Если ученикъ не зналъ урока, завирался, и несъ, Богъ знаетъ, какую чепуху, онъ, всетаки, его не останавливалъ и ждалъ, когда тотъ кончитъ рассказывать урокъ, или безнадежно замолчить. Тогда онъ подходилъ къ кафедрѣ, ставилъ отмѣтку и вызывалъ слѣдующаго, очереднаго. Иногда случалось, что ученикъ знающій, вообще, урокъ, останавливался только потому, что терялъ нить разказа. Въ этихъ случаяхъ Н. А. не препятствовалъ обдумывать и вспоминать вылетѣвшее изъ памяти и терпѣливо ждалъ, очень по долгу, но самъ никогда не приходилъ на помощь какими либо наводящими вопросами. Иногда случалось, что и хорошо знающій урокъ ученикъ, забывъ о чемъ надо рассказывать дальше, умолкалъ безнадежно, и только поэтому получалъ неудовлетворительную отмѣтку. Гробовое молчаніе учителя и равномерное матаніе его по классу, въ родѣ маятника, наводило на учениковъ сплинъ, и весь классъ, во время его урока, находился въ какомъ то дремотномъ состояннн. Ровно за четверть часа до звонка Н. А. прекращалъ спрашивать уроковъ и принимался рассказывать содержаніе

слѣдующаго урока. Говорилъ онъ не дурно, но монотонно, безъ повышенія и пониженія голоса, безъ жестыкуляціи, продолжая вмѣстѣ съ тѣмъ прежнее равномерное хожденіе изъ угла въ уголъ. Такою рѣчью, журчащею какъ ручеекъ, онъ окончательно убаюкивалъ своихъ слушателей, и послѣ его ухода, всѣ какъ то потягивались, расправлялись, какъ будто проснулись отъ сна.

Совершенно также онъ преподавалъ исторію въ старшихъ классахъ. Такою системою Н. А., конечно, никому не могу внушить интереса и любви къ преподаваемымъ имъ предметамъ, но самъ онъ, лично, пользовался уваженіемъ и любовью учениковъ за свою справедливость, гуманность, безпристрастіе и ровность обращенія.

Изъ Саратова Н. А. былъ переведенъ инспекторомъ въ одну изъ поволжескихъ гимназій, и я не сомнѣваюсь, что онъ и тамъ снискалъ всеобщую любовь и уваженіе за свой добрый и гуманный характеръ.

Учителемъ рисованія и чистописанія былъ Михаилъ Михайловичъ Потаповъ. Рисованіе было предметомъ не обязательнымъ, и потому Потаповъ преподавалъ его за отдѣльную плату (если не ошибаюсь — 3 р. въ годъ). Я не бралъ уроковъ рисованія, но отъ товарищей, учившихся у М. М., слыхалъ что у него также было трудно научиться рисовать, какъ у курицы плавать. Уроки чистописанія заключались въ томъ что М. М. въ первый же урокъ написалъ на доскѣ фразу: „все въ природѣ хорошо, но вода красота всей природы“ и заставлялъ ее безконечно писать въ теченіи цѣлаго года; эту-же фразу мы писали цѣлый годъ и во второмъ классѣ.

При такой оригинальной системѣ, если бы неприходилось писать вообще по другимъ предметамъ, то можно было бы забыть начертаніе буквъ, не входящихъ въ слова этой фразы.

Въ концѣ каждой трети М. М. просматривалъ тетрадки учениковъ и выставялъ отмѣтки въ журналѣ.

Ни замѣчаній, ни разъясненій, ни объясненій — ничего этого не полагалось. М. М. былъ человекъ неглупый, очень хитрый, большой дипломатъ въ сношеніяхъ съ начальствомъ. Кромѣ должности учителя рисованія и чистописанія, онъ состоялъ класснымъ надзирателемъ, и ученики очень его не

любили за разныя его хитрости и уловки, употребляемыя имъ для излавливанья учениковъ въ нарушеніи разныхъ гимназическихъ правилъ (о не куреньи табаку, не посѣщеніи мѣстъ увеселеній, несоблюденіи формы и т. под.).

Въ противоположность Потапову другой, занимавшій такую же должность надзирателя, Владиміръ Тимофѣевичъ Завулоновъ пользовался всеобщю любовью и уваженіемъ, не смотря на то, что онъ былъ совершенно необразованный, грубый человѣкъ, доходившій иногда до „рукоприкладства“ (болѣе, впрочемъ, въ шутку). Это былъ человѣкъ не высокаго роста, коренастый, съ некрасивымъ, но выразительнымъ и добрымъ лицомъ. Онъ былъ изъ простыхъ солдатъ, дослужившійся до чина фельдфебеля, и по какой то протекціи, попалъ въ надзиратели въ гимназію. Грубость манеръ въ немъ была результатомъ солдатской муштровки николаевского времени. Ругательства, иногда очень и очень нецензурнаго свойства, и подзатыльники частенько сыпались на наши головы. Однако, на него никто не обижался, потому что все знали, что онъ человѣкъ добрый, прямой, честный, но вспыльчивый. Съ малышами онъ предпочиталъ расправляться пинками и другими подобными приемами, но никогда не оставлялъ „безъ обѣда“ и не обращался съ жалобами къ инспектору.

Послѣдняго все какъ то особенно не любили и не выносили. Хотя онъ былъ человѣкъ очень спокойный, не возвышающій голоса и говорилъ мягко и вѣжливо, выбирая какія то особенно корректныя выраженія, но одинъ видъ его — мрачный, насупившійся, интонація голоса, какъ бы природой созданная для обличенія преступниковъ, вкрадчивыя манеры, кошачья походка, все это въ немъ отталкивало и заставляло чуткую ко всему молодежь, чувствовать въ немъ врага, а не друга. Звали его Алексѣй Степановичъ Никольскій. Гимназисты въ шутку звали его „Алексѣй Сметанычъ“.

Провинившимся ученикамъ онъ тихимъ, вкрадчивымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ брезгливымъ голосомъ объявлялъ что онъ будетъ „арестованъ“ до такого то часа. Слово „безъ обѣда“ инспекторъ никогда не употреблялъ. Это слово „арестованъ“ въ нашихъ ушахъ звучало какъ то особенно неприятно. Почему ему нравилось вносить терминологию

полицейскаго участка въ стѣны гимназіи, было непонятно. Видъ у инспектора былъ болѣзненный, лицо геморроидальнаго цвѣта, обрюзгшее. Онъ часто хворалъ и страдалъ, вѣроятно, болѣзнию почекъ. Въ противоположность ему, Владиміръ Тимофѣевичъ былъ необычайно крѣпкаго сложенія, никогда не хворалъ и каждый день, зимою и лѣтомъ, купался въ Волгѣ.

Помѣщался при мнѣ первый классъ во второмъ этажѣ, въ первой комнатѣ изъ корридора направо, тамъ же, гдѣ, кажется, онъ находится и въ настоящее время. Комната эта небольшая, и была безусловно тѣсна по количеству учениковъ (около 40 чел.) Это было основное отдѣленіе, а параллельное помѣщалось въ противоположной комнатѣ. Часть корридора, раздѣлявшая эти два класса, служила постоянной ареной для сраженій основниковъ съ „параллельниками“. Какъ начальство для искорененія этихъ боевъ не догадывалось разъединить параллельные классы съ основными на болѣе приличную дистанцію—трудно понять. Въ мое время, въ первомъ классѣ были молодцы до 15 лѣтъ, и сраженія, потому, выходили иногда за предѣлы дѣтскихъ дракъ, и окончивались серьезными поврежденіями физиономій.

Развлеченія учениковъ 1-го класса были такія же, какъ и въ приготовительномъ классѣ, съ тою только разницею, что драки имѣли болѣе серьезный и ожесточенный характеръ.

Во второмъ классѣ учительскій персоналъ состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ: 1) Адольфъ Ивановичъ Бесѣдовскій (латинскій языкъ), 2) К. К. Горенбургъ (математика), 3) Павелъ Петровичъ Вѣляевскій (русскій языкъ), 4) Эммануилъ Вильгельмовичъ Пичъ (нѣмецкій языкъ), директоръ М. А. Лакомтэ (французскій языкъ) и М. М. Потаповъ (чистописаніе). Изъ нихъ самымъ типичнымъ былъ А. И. Бесѣдовскій. Это былъ педагогъ старой, дореформенной школы, видоизмѣнившійся и примѣнившійся къ новымъ условіямъ жизни. По происхожденію, онъ былъ полякъ, по словамъ однихъ,—французъ, взятый въ плѣнъ, въ крымскую компанію, по словамъ другихъ. Въ точности намъ, гимназистамъ, было неизвѣстно его происхожденіе, равно какъ неизвѣстенъ былъ его обра-

зовательный цензъ. Судя по его фамилии и по произношенію, его наиболѣе можно было принять за поляка. Преподавателемъ гимназіи онъ состоялъ за много лѣтъ до моего поступленія, и я засталъ его въ почтенномъ возрастѣ, лѣтъ за пятьдесятъ. По внѣшности это былъ очень высокаго роста, крѣпко сложенный мужчина съ энергичнымъ, красивымъ лицомъ. Голосъ имѣлъ — громкій, басистый. Выправка и манеры изобличали въ немъ бывшаго военнаго. Онъ отличался какою то нечувствительностью ко всему окружающему и сосредоточенностью къ предмету разговора, и въ тоже время казалось, что онъ всегда думаетъ о чемъ то другомъ, что онъ чѣмъ то озабоченъ. Вѣроятно такая особенность характера образовалась у него влѣдствіе продолжительнаго, однообразнаго преподаванія въ младшихъ классахъ предмета, который онъ и мало зналъ и которымъ мало интересовался. У него развилась привычка преподавать машинально; онъ спрашивалъ всякія подробности, самъ объяснялъ детали и все это дѣлалъ, какъ по заученному, машинально, а мысли его витали гдѣ то въ сторонѣ. Оригинально было то, что латинскій языкъ онъ могъ преподавать только во второмъ и въ четвертомъ классахъ; курсы двухъ другихъ младшихъ классовъ онъ не зналъ. Въ старшихъ классахъ онъ совсѣмъ не могъ преподавать. Когда вздумали однажды дать ему уроки латинскаго языка въ пятомъ классѣ, то онъ спасовалъ на первый же день, будучи не въ состояннн переводить зауряднаго Соллюстія, который тамъ проходился. Другою особенностью Адольфа Ивановича была его способность поддаваться гипнозу учениковъ, тому гипнозу, специально ученическому, который впервые подмѣченъ и описанъ Короленко въ его прекрасныхъ воспоминанія о гимназической жизни. Гипнотизація Адольфа Ивановича состояла въ слѣдующемъ. Во время его урока происходилъ всегда неизмогѣрный шумъ и гвалтъ, на который онъ, обыкновенно, не обращалъ никакого вниманія, всецѣло погруженный въ спрашиваніе урока. Благодаря своему необычайно обширному и басистому голосу, онъ иногда покрывалъ имъ шумъ сорока галдѣвшихъ учениковъ. По временамъ получался такой невообразимый гвалтъ, что въ сосѣднихъ классахъ нельзя было заниматься, и учителя присылали просить Адольфа Ивановича усми-

рить своихъ учениковъ, Случалось, что во время такого гвалта, какой либо ученикъ начиналъ пристально смотрѣть на Адольфа Ивановича и молча показывать пальцемъ на какого либо особеннаго крикуна. А. И. медленно поворачивалъ голову по направлению пальца и смотрѣлъ на крикуна, при чемъ лицо его принимало постепенно все болѣе и болѣе удивленное выраженіе; наконецъ оно застывало на нѣсколько мгновеній; все также въ классѣ замолкали и слѣдили за обычной забавной сценой, приготовляясь смѣяться. Какъ бы придя себя отъ изумленья, А. И. разражался обычной тирадой, обращаясь ко всему классу: „нѣтъ, вы посмотрите какъ онъ шумитъ, какъ онъ кричитъ, чего онъ такъ шумитъ? Взрывъ хохота былъ обычнымъ отвѣтомъ на эту тираду. Нельзя было не смѣяться, потому что А. И. вкладывалъ въ интонацію голоса столько серьезнаго возмущенія и удивленія, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прониц, что это было необычайно забавно. Смѣшно, конечно, еще было то, что А. И. замѣчалъ неистоваго крикуна только когда на него указывали пальцемъ. Виновникъ этой сцены, чувствуя послѣдующее за ней возмездіе, ввидѣ записи въ журналѣ для безобѣдниковъ, начиналъ неистовымъ голосомъ кричать: „Адольфъ Ивановичъ, больше не буду.“! Рука Адольфа Ивановича, преисполненная гнѣва и негодованія, уже писала фамилію преступника въ журналѣ. Преступникъ, не унимаясь, продолжалъ взывать: „Адольфъ Ивановичъ! Адольфъ Ивановичъ!“ за каждый выкрикъ прибавлялось часъ „безобѣда“. Иногда случалось, что кричавшій умолкалъ болѣе отъ хрипоты, чѣмъ отъ страха наказанія, и А. И. съ торжествующимъ, побѣдоноснымъ видомъ, объявлялъ: „до восьми часовъ!“ Этого никто не боялся, ибо знали, что послѣ класса воспослѣдуетъ всеѣмъ провинившимся общая амнистія, а если не воспослѣдуетъ, то можно и самому будетъ вычеркнуть себя изъ журнала, ибо А. И. никогда не помнилъ кого онъ записывалъ и кого вычеркивалъ. Обыкновенно, при выходѣ его изъ класса, его облѣпляли со всехъ сторонъ ученики и приставали съ страшнымъ крикомъ и гамомъ, чтобы онъ вычеркнулъ записанныхъ въ журналѣ. Онъ, хотя не сразу, но почти всегда сдавался и вычеркивалъ обреченныхъ, причемъ неизмѣнно своимъ громоподобнымъ голосомъ предоостерегалъ: „еще

только одно слово и будете записаны“. Иногда происходили такія сценки. Былъ у насъ одинъ ученикъ, сынъ доктора К., высокаго роста, худой какъ щепка, съ мефистофельскимъ лицомъ, имѣющій способность, смѣша другихъ, оставаться самъ серьезнымъ. Въ самый разгаръ объясненія какого либо грамматическаго правила, эта жердь поднималась и молча стояла нѣкоторое время А. И. сначала не обращалъ на него вниманія, но потомъ переставалъ объяснять, поворачивался къ нему лицомъ и нѣсколько времени молча смотрѣлъ на него со скрещенными на груди руками. Все лицо, фигура и поза его выражали какъ бы крайнее возмущеніе и изумленіе видомъ этой торчащей и молчащей фигуры. К-въ смотрѣлъ ему пристально въ глаза и нѣкоторое время еще молчалъ, какъ бы гипнотизируя его взглядомъ, . потомъ онъ произносилъ обычное: „Адольфъ Ивановичъ!“ и опять нѣсколько времени молчалъ. Потомъ опять: „Адольфъ Ивановичъ!“ и снова молчаніе. Лицо Адольфа Ивановича принимало постепенно оттѣнки, сначала изумленія, потомъ возмущенія, и послѣднее, казалось, такъ нарастало, что приводило въ оцепѣнѣніе языкъ. Лицо же К-ва было по прежнему не возмутимо и безстрастно. Наконецъ онъ совершенно спокойнымъ и не торопливымъ голосомъ задавалъ Адольфу Ивановичу такой „умѣтный“ вопросъ: „какъ это Васъ, Адольфъ Ивановичъ, такого здороваго мушину могли взять въ плѣнъ?“ „А, слышите, что онъ говоритъ,—это относится къ грамматикѣ!“—разражался при общемъ хохотѣ А. И. и добавлялъ неизмѣнно: „еще одно только слово, и сейчасъ будете записаны“. Комизмъ положенія усиливался тѣмъ, что царившій до этого крикъ и гвалтъ въ классѣ смѣнялся гробовою тишиною, и К-въ свои глупые вопросы задавалъ съ необычайно серьезнымъ видомъ, отчеканивая каждое слово. Сцены такія повторялись довольно часто, и К-въ въ своихъ вопросахъ былъ очень изобрѣтателенъ; то онъ спрашивалъ А. И.—, правда ли, что онъ хорошо въ карты играетъ, то ухаживаетъ ли онъ за дамами, то чѣмъ онъ лѣчится отъ похмѣлья и т. под.

Въ общемъ, А. И. былъ очень снисходительнымъ и добрымъ учителемъ; ученики очень его любили. Къ обязанностямъ своимъ онъ относился очень добросовѣстно, но научить насъ ничему не могъ, частью отъ того, что въ

классѣ отсутствовала всякая дисциплина, частью отъ того, что пользовались его разсѣянностью и глухотою, и мололи ему всякій вздоръ, стараясь это дѣлать громче и безъ перерыва, чѣмъ онъ вполнѣ удовлетворялся. Подсказываніе при немъ было въ апогеѣ разсѣвѣта. Учениковъ А. И. вызывалъ не по журналу, а начиналъ спрашивать обыкновенно кого либо сидящаго съ края скамьи (тогда еще были длинныя скамьи, на которыхъ сидѣло по 7 человѣкъ) и когда тотъ кончалъ, то кричалъ отрывисто: „слѣдующій!“ Случалось иногда, что спрошенные уже, пересаживались впередъ, а не спрошенные и не знающіе урока занимали ихъ мѣста. А. И. этого не замѣчалъ и кричалъ свое: „слѣдующій!“ и раза по два, а иногда по три въ одинъ урокъ спрашивалъ одного и того же ученика. Случалось еще такъ, что когда съ парты, стоящей у стѣны, кончалъ отвѣчать послѣдній въ ея ряду, А. И. кричалъ „слѣдующій!“, никто не поднимался. А. И. изумленно поводилъ глазами и нетерпѣливо кричалъ; „ну, слѣдующій!“ Слѣдующая стѣна, отвѣчалъ чей нибудь голосъ. „Ну, слѣдующій за стѣною, гремѣлъ А. И; кто нибудь стучалъ въ стѣнку и докладывалъ, что за стѣною никого нѣтъ. Слѣдующій съ другого ряда, объяснялъ А. И. Съ другого ряда, одновременно съ обоихъ концовъ, поднимались два человѣка и начинали одновременно отвѣчать, а потомъ спорить, кто изъ нихъ „слѣдующій“. Поднимался шумъ, крикъ, гвалтъ, а время подходило къ звонку, что только и нужно было проказникамъ.

Въ дореформенный періодъ своей педагогической дѣятельности А. И. говорятъ, ухитрился подъ такой адекій шумъ и гвалтъ засыпать на каѳедрѣ, и тогда ему вмѣсто урока городили всевозможную чепуху, иногда счень неместную по его же адресу.

Выведенный чѣмъ либо изъ терпѣнія, онъ иногда кидался съ линейкою на ученика и бѣгалъ за нимъ по партамъ, тщетно стараясь его догнать.

Преподаватель нѣмецкаго языка Эммануилъ Вильгельмовичъ Пичъ былъ карликъ, возраста лѣтъ около тридцати. Среди гимназистовъ настойчиво ходила версія, будто онъ былъ гдѣ то въ Саксоніи, или въ Силезіи сапожникомъ

и съ этой профессіи прямо попасть къ намъ въ гимназію въ преподаватели.

Конечно это была шутка, сказанная кѣмъ либо изъ взрослыхъ и подхваченная малышами, понявшими ее въ буквальномъ смыслѣ. Но, дѣйствительно, Пичъ преподавалъ хуже всякаго сапожника. На преподаваніе новыхъ языковъ въ гимназіи никогда не обращалось вниманія, и потому Пичъ, какъ учитель, ничему не научающій, былъ явленіемъ обыкновеннымъ.

Условія преподаванія, въ которыя онъ былъ поставленъ, также мало способствовали успѣху занятій. Въ то время обязательнымъ былъ только одинъ изъ новыхъ языковъ, и громадное большинство учениковъ, считая изученіе французскаго языка болѣе труднымъ, записывалось на нѣмецкій языкъ. На время уроковъ параллельный и основной классы соединялись (вѣроятно ради экономіи), и число учениковъ въ такомъ смѣшанномъ классѣ доходило до 60 человекъ, а иногда и болѣе.

При подобномъ комплектѣ и самому хорошему учителю трудно было бы вести успѣшно занятія. Пичу же, къ этому, сильно мѣшали его физическій недостатокъ и плохое знаніе русскаго языка.

То и другое вызывали въ ученикахъ насмѣшливое отношенію къ учителю и подрывали его авторитетъ.

Плохо владѣя русскимъ языкомъ, Пичъ не могъ ни чего толкомъ объяснить, а также на половину не понималъ что ему отвѣчали. При подобныхъ условіяхъ, конечно, не могло быть рѣчи объ успѣшности занятій. У Пича была одна особенность, свойственная, сколько мнѣ приходилось наблюдать, преимущественно нѣмцамъ, а именно: онъ всегда старался при переводахъ съ нѣмецкаго языка, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, отыскивать изъ разныхъ русскихъ синонимовъ наиболѣе подходящій къ переводимому слову. Плохое знаніе русскаго языка мѣшало ему быстро отыскивать нужныя слова, а незнаніе учениками нѣмецкаго языка мѣшало помочь ему въ этомъ затрудненіи.

На поиски подходящихъ словъ тратилось безплодно много времени, въ которое можно было бы сдѣлать кое что полезное. Кромѣ того, ученики, всегда подмѣчающіе слабыя стороны учителя и умѣющіе ихъ эксплуатировать, быстро

подмѣтили любовь Пича къ „точнымъ“ словамъ, и умышленно затягивали отысканіе ихъ, нагораживая цѣлую кучу такихъ словъ, въ которыхъ Пичъ не могъ разобраться и тщетно старался понять ихъ оттѣнки и выбрать изъ нихъ какое либо предпочтительное слово.

Начиналось это обыкновенно такъ, что когда какойнибудь ученикъ, переводя съ нѣмецкаго, употреблялъ слово, у котораго было много синонимовъ, ктонибудь вставлялъ и говорилъ Пичу, что по русски болѣе правильно и болѣе подходяще употребить другое слово, и называлъ его. Пичъ не успѣвалъ еще разобрать, дѣйствительно ли рекомендуемое слово болѣе подходящее, какъ со всѣхъ концовъ класса уже сыпались другія рекомендаціи, сопровождаемыя смѣхомъ, т. к. они уже выбирались преимущественно изъ грубаго народнаго лексикона.

Такъ, напр., слово „лицо“ сначала рекомендовалось замѣнить словомъ физиономія, потомъ физиомордіею, мордой, рожей, хайлой, моськой образной, рыломъ и т. под. слово „ѣсть“ замѣнялось словами: кушать, жрать, лопать, трескать, уплетать, чавкать и т. под. Однажды на урокъ нѣмецкаго языка невзначай зашелъ директоръ, какъ разъ въ то время, когда подыскивалось подходящее слово нѣмецкому Naht (глупый), и былъ пораженъ раздававшимися со всѣхъ сторонъ криками: „дуракъ, осель, болванъ, идіотъ-безмозглый и т. под. Директоръ въ недоумѣннн остановился и спросилъ Пича: „что это у васъ за ругань неприличная въ классѣ?“ — „Это ми переводимъ переводъ съ нѣмецкнн на русски“ — объяснилъ Пичъ. Директоръ только пожалъ плечами.

Въ результатъ такого обученія, къ концу гимназическаго курса, рѣдко кто выучивался хотябы только правильно читать и писать по нѣмецки. Пичъ иногда съ удивленіемъ уже въ седьмомъ классѣ, узнавалъ, что его ученики умѣютъ писать не всѣ буквы, особенно заглавныя.

Преподаваніе французскаго языка шло столь же блестяще. Хотя тамъ было и мало учениковъ, и преподавалъ самъ директоръ Лакомтэ, но учили рѣшительно ничему не выучивались.

Преподаватель русскаго языка Павелъ Петровичъ Вѣляевскій былъ серьезный педагогъ, добросовѣстно старав-

шейся внѣдрить въ насъ мудренныя правила россійской грамматики.

Училъ П. П. по учебнику, составленному имъ самимъ. Это, сколько мнѣ помнится, единственный случай литературнаго творчества Саратовскихъ педагоговъ того времени.

Учебникъ былъ хорошо и толково составленъ, но продержался только при жизни его автора. П. П. былъ человѣкъ безъ всякихъ рѣзкихъ особенностей, которыя могли бы запечатлѣться въ памяти. Помню я, что онъ былъ очень болѣзненный, страдалъ чахоткою, отъ которой и умеръ, когда я еще былъ во второмъ классѣ.

Несмотря на мало удовлетворительную постановку учебнаго дѣла и на невысокій педагогическій уровень тогдашнихъ преподавателей, мы всетаки приобрѣтали кое какія знанія, и развитіемъ своимъ, на сколько мнѣ припоминается, ученики второго класса небыли ниже своихъ теперешнихъ товарищей. Отчасти это можно объяснить возрастомъ. Во второмъ классѣ большинство учениковъ, по возрасту, соответствовало теперешнимъ ученикамъ третьяго, и, даже, четвертаго классовъ. Мнѣ, напр. тогда было уже двѣнадцать лѣтъ. Я очень много читалъ, пользуясь книгами изъ частной бібліотеки Мосоловой (чуть ли единственной въ то время въ городѣ); я зачитывался сочиненіями Майнъ Рида, Купера, Жюль-Верна и тому подобными. Большинство моихъ товарищей интересовалось такою же литературою.

Игры и забавы приняли болѣе серьезный характеръ; часто можно было видѣть во время перемѣнъ мальчиковъ, бесѣдующихъ о чемъ нибудь между собою, а не бѣгающихъ или дерущихся.

Въ третьемъ классѣ къ прежнимъ предметамъ прибавились еще греческій языкъ и исторія. Составъ преподавателей измѣнился слѣдующимъ образомъ: латинскій языкъ преподавалъ самъ директоръ Лакомтэ, математику Петръ Романовичъ Полетика, исторію тотъ же Эммануиль Вильгельмовичъ Пичъ, и греческій языкъ Иванъ Федотовичъ Лебедевъ. Всѣ эти лица, кромѣ Пича, долгое время состояли учителями въ Саратовской гимназіи, и, особенно, имя Лакомтэ тѣсно связано съ исторіею гимназіи, и потому я подробнѣе остановлюсь на воспоминаніяхъ объ этихъ лицахъ.

Самымъ любопытнымъ типомъ въ этой галлерей, теперь уже историческихъ личностей, является несомнѣнно самъ директоръ Лакомтэ. Его имя часто встрѣчается въ историческихъ и беллетристическихъ произведеніяхъ мѣстныхъ авторовъ. Такое вниманіе къ личности Лакомтэ нельзя объяснить однимъ только продолжительнымъ пребываніемъ его на видномъ посту директора гимназіи, но, несомнѣнно, также его личными качествами и достоинствами, какъ руководителя молодежи и культурнаго общественнаго дѣятеля. У Лакомтэ было не мало отрицательныхъ сторонъ, которыя при его видномъ положеніи, рѣзко бросались въ глаза, и по пословицѣ „добрая слава лежитъ, а худая бѣжитъ“ быстро дѣлались всеобщимъ достояніемъ, и, при неизбѣжномъ наслоеніи разныхъ сплетенъ, несправедливо исказили въ слишкомъ дурную и каррикатурную сторону личность добраго директора, заслуживавшаго, во всякомъ случаѣ, болѣе благодарности и сожалѣнія, чѣмъ глумленія и насмѣшки. Я надѣюсь, что сохранившіеся у меня воспоминанія объ отдѣльныхъ моментахъ изъ жизни Саратовской гимназіи, послужить къ подтвержденію моей мысли о томъ, что дурное въ личности этого человѣка было не столь важное, чтобы могло въ памяти его учениковъ заслонить добро, сдѣланное имъ юншествомъ, которое онъ, несомнѣнно, любилъ.

Лакомтэ, какъ указываетъ его фамилія, былъ по происхожденію французъ. Такое происхожденіе его, типично сказывалось во внѣшнихъ чертахъ: онъ былъ невысокаго роста, брюнетъ, худощавый, съ характернымъ горбатымъ носомъ; непринужденныя, изящныя манеры, ловкость, свѣтскость, умѣнье хорошо говорить, театральность жестовъ, аффектація—все напоминала о его французскомъ происхожденіи. За это же говорило его произношеніе, немного въ носъ. Въ лицѣ и въ осанкѣ Михаила Алексѣевича всегда было что то торжественно властное и повелительное. Частію, это было дѣланное, частію, могло развиться отъ продолжительнаго пребыванія на, сравнительно, высокомъ посту директора гимназіи.

По внутреннему своему содержанію М. А. представлялъ изъ себя достаточно образованнаго человѣка, интеллигентнаго, начитаннаго, разносторонне-развитаго, и съ большимъ запасомъ свѣдѣній по своей спеціальности (исторія).

Изъ душевныхъ качествъ его слѣдуетъ отмѣтить безусловную доброту и гуманность. Многіе изъ знавшихъ Михаила Алексѣевича, считали его недостаточно умнымъ человекомъ; показателемъ его не дальности считалась его излишняя болтливость съ учениками, или о предметахъ, недоступныхъ ихъ пониманію, или неудобныхъ, по соображеніямъ этики и дисциплины. Также ставили въ минусъ его уму несвойственныя его возрасту и положенію легкомысленный образъ жизни и увлеченія женщинами. Таковое мнѣніе о Лакомтѣ я всегда считалъ ошибочнымъ, возникшимъ на почвѣ смѣшенія различныхъ понятій: ума и характера. Что Лакомтѣ обладалъ излишнею болтливостью, часто неумѣтной, иногда не умною—это вѣрно, равно какъ вѣрно и то, что, по временамъ, онъ держалъ себя легкомысленно, какъ юноша,—но это еще не можетъ служить показателемъ серьезнаго недостатка его ума, а скорѣе должно быть отнесено къ свойствамъ его характера, слабого, неуравновѣшеннаго и экспансивнаго. Легкомысліе его и театральность можно отчасти объяснить его французскимъ происхожденіемъ. Кромѣ легкомыслія и слабоволія, Лакомтѣ обладалъ еще однимъ незавиднымъ качествомъ, особенно змѣтнымъ подъ конецъ его директорства,—самовлюбленностью, развившеюся на почвѣ тщеславія. Привыкнувъ къ преклоненью передъ собою въ стѣнахъ гимназій отъ своихъ учениковъ и подчиненныхъ, онъ иногда проводялъ свое высокомеріе за стѣнами ея, требуя особеннаго уваженія отъ людей постороннихъ, ему не подчиненныхъ. Иногда онъ за это получалъ публично щелчки

Разъ онъ въ театрѣ придрался къ одному реалисту за то, что тотъ ему не поклонился. Реалистъ довольно дерзко ему отвѣтилъ что у него на лбу не написано, что онъ директоръ, да если бы и было написано, такъ онъ не сталъ бы ему кланяться, такъ какъ у него есть свое начальство.

Лакомтѣ позвалъ полицейскаго и велѣлъ ему арестовать дерзкаго реалиста, но полицейскій, узнавъ въ чемъ дѣло, отказался исполнить незаконное требованіе, и Лакомтѣ получилъ фіаско.

По поводу разсѣянной и легкомысленной жизни Михаила Алексѣевича въ городѣ разсказывали слѣдующіе

анекдоты. Однажды, онъ, въ шестомъ часу утра, возвращался домой изъ клуба, гдѣ заигрался въ карты. Его нагналъ ѣхавшій въ каретѣ къ заутрени въ Старый Соборъ Архіерей (если не ошибаюсь, Аѳонасій). Будучи лично знакомъ съ директоромъ, Архіерей велѣлъ остановить карету, и любезно предложилъ Михаилу Алексѣевичу подвезти его до дому. Дорогою Владыка освѣдомился, куда это такъ рано шель директоръ. Михаилъ Алексѣевичъ находчиво отвѣтилъ, что шель къ заутрени и добавилъ, что онъ очень любитъ утреннія службы. Владыка былъ пріятно удивленъ, довелъ Михаила Алексѣевича до Стараго Собора и сказалъ ему, что будетъ каждый разъ заѣзжать къ нему, по дорогѣ къ заутренѣ.

Михаилу Алексѣевичу оставалось только поблагодарить за любезность, и на нѣкоторое время свой разсѣянный образъ жизни перемѣнить на строго монашескій. Какъ впоследствии удалось Михаилу Алексѣевичу избавиться отъ этой любезности Владыки, не знаю. Послѣ этого былъ случай, что и свѣтское начальство, да еще непосредственное изъ округа, не взначай освѣдомилось о грѣшкахъ директора насчетъ ежедневнаго посѣщенія имъ клуба. Однажды, путешествуя по Волгѣ, въ Саратовъ экспромтомъ заѣхавъ вновь назначенный помощникъ попечителя учебнаго округа. Ему пришла мысль воспользоваться временемъ стоянки парохода, чтобы посѣтить гимназію, которая, какъ ему сказали, находилась недалеко отъ пристани. По случаю ранняго времени (было около 7 ч. утра) и хорошей погоды, сановный путешественникъ пошелъ пѣшкомъ. По ошибкѣ онъ, вмѣсто гимназіи, попалъ въ коммерческій клубъ, находящійся на той же улицѣ.

Со встрѣтившимъ его швейцаромъ у него произошелъ слѣдующій діалогъ.

— „Можно мнѣ видѣть директора?“

— „Они съ были, но часъ тому назадъ ушли.“

— „Странно, такъ рано уходитъ изъ дому!“

— „Они съ каждый день такъ.“

— „А инспекторъ?“

— „Они съ никогда здѣсь не бываютъ.“

— „Какъ, инспекторъ, и ни когда не бываетъ въ гимназіи?“

— „Извините-съ, здѣсь не гимназія. а коммерческій клубъ-съ.“

— „А а“. . .

Михаилъ Алексѣевичъ былъ болѣзненно самолюбивъ и имѣлъ слабость къ чинамъ и орденамъ. Долгое нахождение въ чинѣ статскаго совѣтника его раздражало, и онъ спалъ и видѣлъ получить титулъ Превосходительства. Но, какъ говорится, бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ. Михаила Алексѣевича манили, дразнили этимъ чинамъ, обѣщали, что вотъ, вотъ наградятъ, и все почему то не давали. Уязвленное самолюбіе болѣзненно работало, и Михаилъ Алексѣевичъ не могъ равнодушно слышать, когда кого либо награждали чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Вѣроятно не безъизвѣстно ему было, что нѣкоторые лица въ обществѣ очень не двусмысленно отзывались о его умственныхъ способностяхъ, и потому онъ особенно реагировалъ, когда что либо подобное доходило до его свѣдѣнія, особенно черезъ учениковъ. По этому можно себѣ представить его возмущеніе, когда ему пришлось однажды своими ушами услышать, какъ одинъ изъ учениковъ назвалъ его дуракомъ. Произошло это слѣдующимъ образомъ.

Въ одну изъ большихъ перемѣнъ М. А. проходилъ по двору, направляясь изъ гимназіи въ свою квартиру.

Вдругъ онъ слышитъ сзади себя громко и отчетливо произнесенныя слова: статскій совѣтникъ Михаилъ Алексѣевичъ Лакомтѣ ду—уракъ“. Оглянувшись назадъ, онъ никого не замѣтилъ, но догадался, что крикнули изъ открытаго окна второго этажа, гдѣ среди младшихъ помѣщался одинъ только старшій—нашъ шестой классъ. Еще до окончанія перемѣны, онъ влетѣлъ бомбой въ нашъ классъ и крикнулъ: „по мѣстамъ!“ Царившіе крикъ, шумъ, гамъ моментально стихли, и смѣнились глубокою тишиною. Всѣ были удивлены. Кромѣ одного—виновника сказанной дерзости никому не было понятнымъ, почему въ классѣ внезапно появился директоръ, и столь разъяренный. Во время перемѣны въ классѣ было очень шумно, и ни кто не обратилъ вниманія.—какъ и кто высовывался изъ окна, и что тамъ кричалъ. Первые сказанныя директоромъ слова еще болѣе повергли классъ въ изумленіе.

„Можетъ ли быть директоръ дуракомъ?“ обращаясь сразу ко всѣмъ, не спросилъ, а закричалъ громкимъ, грознымъ голосомъ Мих. Алекс. Мы всѣ въ недоумѣнны переглянулись, и ни кто ни чего не нашелся отвѣтить на столь неожиданный вопросъ.

— „А, понимаю, вы молчите, значить вы согласны въ негодеямъ, который это сказалъ!“ Мы продолжали молчать, ничего не понимая.

— „А статскій совѣтникъ можетъ быть дуракомъ?“ еще грознѣе спросилъ М. А.

Тутъ нѣкоторые изъ насъ успѣли сообразить, что произошло что либо не ладное, и что кто либо нелестно отозвался о Мих. Алексѣвичѣ, задѣвъ его большое мѣсто, и гаркнули, что этого никогда неможетъ быть, т. е., чтобы директоръ, и статскій совѣтникъ вдобавокъ, были дуракъ. Такой отвѣтъ не сразу успокоилъ Мих. Алексѣвича, и онъ волнуясь, долго доказывалъ намъ, что дурака не могутъ назначить директоромъ, и тѣмъ болѣе наградить чиномъ статскаго совѣтника. Такъ какъ все время онъ въ примѣръ доказательства справедливости своего мнѣнiя приводилъ самого себя, то мы окончателно поняли, что кто то называлъ его сейчасъ дуракомъ, но кто и какъ, намъ было совершенно, неизвѣстно, равно, какъ и то, почему онъ насъ избралъ для разрѣшенiя столь щекотливыхъ вопросовъ. Только, когда онъ уже исчерпалъ всѣ доказательства и перечислилъ всѣ свои заслуги, онъ объяснилъ намъ, что сейчасъ одинъ изъ нашего класса, крикнулъ ему въ огню вышеприведенныя оскорбительныя слова. Онъ намъ, предложилъ добровольно выдать виноватаго, но мы ни какъ не могли этого сдѣлать, потому что рѣшительно никто не видалъ, какъ это случилось. Самъ виновникъ этой кутерьмы ничѣмъ себя не выдавалъ. Тогда М. А. употребилъ довольно оригинальный способъ для розысканiя виновнаго, увѣнчавшiйся, однако, полнымъ успѣхомъ. Онъ объявилъ намъ, что въ нѣкоторой части учениковъ исполнѣ увѣренъ, что они не способны на столь гадкiй поступокъ, какъ обозвать своего директора дуракомъ, и потому онъ этихъ учениковъ съ миромъ отпускаетъ домой, а другихъ, въ которыхъ сомнѣвается оставляетъ послѣ уроковъ безъ обѣда на неопредѣленное

время, именно, до тѣхъ поръ, пока не сознается несомнѣнно находящейся среди нихъ преступникъ.

Подозрительныхъ было выбрано человекъ 10—12, и между ними, дѣйствительно, какъ оказалось послѣ, попалъ виновный. Я имѣлъ счастье быть отпущеннымъ домой, и на другой день отъ остававшихся товарищей узналъ, какъ они обнаружили виновника. Просидѣвъ часа полтора въ заперти, и вдостоль наспорившись между собою—, кто изъ нихъ по своимъ наклонностямъ наиболѣе способенъ на подобную продѣлку,—все пришли къ единогласному заключенію, что на это способенъ только Е—въ, вообще отличавшійся дерзкимъ характеромъ. Е—въ категорично отрицалъ свою виновность, но ему общими усилиями дали порядочную „бучу“, и онъ сознался. Все таки рѣшено было Е—ва не выдавать, и объявить, что виновникъ не найденъ. Однако Е—въ не принялъ такой жертвы отъ товарищей, и заявилъ, что онъ лично принесетъ повинную директору. Такъ онъ и сдѣлалъ. М. А. часа два изводилъ его „жалкими словами“, прослезился нѣсколько разъ самъ, его довелъ до слезъ, но этимъ и ограничился. Никакому наказанію Е—въ подвергнуть не былъ. Такой случай въ достаточной степени характеризуетъ добрый, не незлобивый характеръ Михаила Алексѣевича. Едвали другой на его мѣстѣ ограничился бы столь легкимъ наказаніемъ за проступокъ, гдѣ задѣвалось личное самолюбіе.

Иногда Мих. Алексѣевичу въ голову приходили разные фантастическіе проэктъ, которыми онъ находилъ нужнымъ дѣлиться съ учениками, даже младшихъ классовъ. Однажды, помню, онъ, по случаю назначенія его попечителемъ Маріинской женской гимназіи, придя къ намъ въ третій классъ на урокъ латинскаго языка, сталъ развивать проэктъ о сліянніи мужской и женской гимназій. — „Милые, дорогіе, золотые мои юноши,—такъ началъ свою рѣчь Михаилъ Алексѣевичъ, ничего не можетъ быть вреднѣе и опаснѣе старинныхъ, ни на чемъ не основанныхъ предразсудковъ и предубѣжденій. Къ одному изъ такихъ—вредныхъ предразсудковъ принадлежитъ, глубоко не вѣрная въ своей основѣ мысль, будто необходимо раздѣльное воспитаніе мальчиковъ и дѣвочекъ. Завѣтною моею мечтою было облагородить и умягчить ваши души и сердца благотворнымъ и

нѣжнымъ вліяніемъ женскаго общества. Теперь моя мечта близка къ осуществленію. Объяснивъ, почему она вступила въ такой благопріятный фазисъ, М. А. продолжалъ далѣе разъяснять осуществленіе на дѣлѣ своего проэкта. Изъ этого разъясненія мы узнали, что онъ предполагаетъ соединить зданія мужской и женской гимназіи крытымъ корридоромъ*) или галлереею; вдоль этого корридора устроить садъ, разбить въ немъ цвѣтники, причемъ гимназисты и гимназистки будутъ сажать цвѣточки и совмѣстно ухаживать за ними и поливать ихъ. вмѣсто теперешнихъ шумныхъ игръ и дракъ, гимназисты будутъ въ парахъ съ гимназистками прогуливаться по корридору и вести благопристойные разговоры. Много еще разныхъ идиллическихъ картинъ рисовалъ М. А., но я, къ сожалѣнію, ихъ не помню. Когда онъ ушелъ, ученики принялись горячо обсуждать высказанный передъ ними проэктъ, и большинство его одобрили, особенно изъ тѣхъ великовозрастныхъ (отъ 15 до 17 лѣтъ, а одинъ былъ даже 20 лѣтъ), которые среди гимназистокъ имѣли многихъ знакомыхъ дѣвицъ, къ которымъ слегка были не равнодушны. Недостигшіе амурнаго возраста, отнеслись къ проэктору болѣе равнодушно, и только нѣкоторые забіяки высказывали удовольствіе, какъ они будутъ колотить „этихъ дурь дѣвченоекъ“ и обыгрывать ихъ въ перышки. Осуществиться этому идиллическому проэктору, конечно, было не суждено.

Случалось Михаилу Алексѣевичу договариваться до курьезовъ въ своихъ рѣчахъ и внѣ стѣнъ гимназіи.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, къ врожденной экспансивности, примѣшивалось дѣйствіе винныхъ паровъ (М. А. хотя мало, но пилъ) и тогда краснорѣчіе его принимало совсѣмъ бурный характеръ. Такъ, однажды, онъ приутовствовалъ на парадномъ обѣдѣ въ честь пріѣзжаго героя русско-турецкой войны полковника Тхоржевскаго.

Послѣдній учился когда то въ Саратовской гимназіи, изъ которой вышелъ, кажется, не кончивъ курса. На войнѣ онъ прославился, главнымъ образомъ, при взятіи Карса, на неприступныя стѣны котораго онъ взшелъ однимъ изъ первыхъ. М. А., достаточно воодушевленный виномъ, сталъ говорить привѣтственную рѣчь вин овнику торжества,

*) Надо замѣтить, что женская гимназія отъ мужской находилась на разстояніи около 3 кварталовъ.

постепенно приходилъ въ пафосъ и закончилъ совѣмъ оригинально: . . . „итакъ, господа, вы сами видите, что Тхоржевскій тутъ не причемъ, не его надо чествовать и прославлять, а того, кто воспиталъ въ немъ геройскій духъ и отвагу; кто внушилъ ему беззавѣтную любовь къ родинѣ и къ славѣ. Человѣкъ этотъ передъ вами, человѣкъ этотъ—я. Да-съ, это я, статскій совѣтникъ Михаилъ Алексѣевичъ Лакомтѣ взялъ Карсъ! Эту фразу М. А. выкрикнулъ нѣсколько разъ, гордо выпрямляясь и бѣя себя въ грудь рукою. Ему не стали противорѣчить, а всѣ закричали ура и потянулись съ нимъ чокаться.

Тутъ кстати припомнить, что много лѣтъ спустя послѣ этого, М. А. взялъ такимъ же образомъ Абиссинію, потому что знаменитый завоеватель ея казакъ Ашиновъ, также при немъ учился въ Саратовской гимназій.

Забавный еще случай произошелъ съ М. А. на одномъ изъ клубныхъ маскарадовъ. Гимназисты знали, что онъ любитъ посѣщать маскарады, и не прочь иногда поужинать съ хорошенькой маской. Сговорившаяся компанія гимназистовъ отправилась на маскарадъ (всѣ, конечно, переодѣтые и загримированные), имѣя съ собою ученика 6 класса, переодѣтаго и загримированнаго дамою. Ученикъ этотъ отличался своею женоподобностью, и его, въ домино и въ маскѣ, легко было принять за даму.

П. дойдя къ М. А., эта маска стала его интриговать и такъ заинтересовала, что онъ пригласилъ ее въ кабинетъ и сталъ угнѣздать ужиномъ съ обильными возліянiями. Маска ѣла и пила за двоихъ, ни отъ чего не отказываясь, и только ни за что не соглашалась снять маску; очемъ усиленно просилъ М. А. Наконецъ послѣдній не вытерпѣлъ и сорвалъ ее самъ. Пріятное изумленіе М. А. можно себѣ представить, особенно послѣ того какъ раздался дружный взрывъ хохота переодѣтыхъ шалопаевъ, наблюдавшихъ въ щели портьеры за происходившемъ въ кабинетѣ.

Изъ Саратова М. А. былъ переведенъ на должность преподавателя французскаго языка въ одну изъ Московскихъ гимназій и умеръ въ глубокой старости нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Перехожу теперь къ другимъ преподавателямъ 3 го класса. Изъ нихъ наиболѣе яркій слѣдъ въ моей памяти оста-

виль преподаватель математики Петръ Романовичъ Полетика. Онъ при мнѣ только что поступилъ въ гимназію, и, кажется, прямо со школьной скамьи; за это я, впрочемъ, не ругаюсь, и предполагаю только потому что онъ былъ еще молодымъ человѣкомъ, и мало опытнымъ въ преподаваньи. Судя по фамилии, онъ былъ изъ малороссовъ, но по выговору, по характеру и по манерамъ, онъ небылъ похожъ на этихъ добродушныхъ, лѣнивыхъ дѣтей юга. По наружности онъ болѣе походилъ на цыгана, чѣмъ на хохла. Это былъ худощавый, сильный брюнетъ, высокаго роста, очень костистый. Лицо у него было интеллигентное, и довольно красивое. Глаза были раскосые, причемъ одинъ глазъ былъ сильно близорукій, другой дальнорукій; ввиду этого, онъ носилъ особые очки съ совершенно разными номерами стеколъ. Отъ косоглазія эти очки мало помогали, и потому П. Р., разговаривая съ кѣмъ либо на близкомъ разстояньи, не смотрѣлъ прямо въ глаза, а какъ то вкось. П. Р. былъ энергичный, подвижный человѣкъ, который не могъ долго оставаться на одномъ мѣстѣ, а также по долгу сосредоточиваться на одномъ предметѣ. По натурѣ это былъ, безусловно, талантливый человѣкъ, съ разносторонними способностями, но безъ выдержки, почему во всякой области, за которую брался, былъ только диллетантомъ, не исключая своей спеціальности—математики.

Между тѣмъ его слабостью было считать себя большимъ знатокомъ въ разныхъ отрасляхъ знаній и искусствъ. Такъ, онъ очень любилъ музыку и пѣнье; игралъ на нѣсколькихъ инструментахъ, но, по отзыву понимающихъ людей, болѣе чѣмъ неважно, и даже фальшивая. Пѣлъ въ хору, считалъ себя прекраснымъ басомъ, съ чѣмъ никто изъ пѣвчихъ не соглашался, и за глаза его басъ называли „благимъ матомъ“, считалъ себя великолѣпнымъ спортсменомъ по гребному спорту, и самъ устроилъ какую то моторную лодку, которую называлъ пароходомъ. Онъ очень интересовался механикой и также считалъ себя специалистомъ по паровымъ машинамъ. Словомъ, трудно перечислить все то, въ чемъ считалъ себя специалистомъ П. Р. Иногда съ нимъ происходили довольно забавные случаи на почвѣ такого самообольщенія своими талантами. Такъ, однажды, въ Саратовѣ пріѣхалъ давать концертъ знаменитый піанистъ Рейзенауэръ. Зайдя

утромъ въ музыкальный магазинъ Ульрихъ, Рейзенауэръ встрѣтился тамъ съ Полетикою.

Послѣдній, не зная съ кѣмъ имѣеть дѣло, позволилъ себѣ сдѣлать какое то замѣчаніе Рейзенауэру, послѣ того какъ тотъ сыгралъ въ его присутствіи какую то піэсу. Полетика указалъ ему на допущенныя, по его мнѣнію, неправильности въ игрѣ. Рейзенауэръ вѣжливо попросилъ его сѣсть за рояль и показать ему, какъ надо эту піэсу играть правильно. Полетика не заставилъ себя долго просить, и, сѣвъ, сыгралъ... какъ сапожникъ. Артистъ ничего ему не сказалъ, раскланялся вѣжливо и ушелъ. Вечеромъ этого-же дня судьба опять свела этихъ людей у того-же Ульрихъ, но на квартирѣ, за картами. Тутъ ихъ познакомили другъ съ другомъ. Рейзенауэръ и въ карты игралъ артистически, какъ на рояли. П. Р. считалъ себя специалистомъ и по картамъ. Во время игры у нихъ произошло столкновење и пререканіе изъ за розыгрыша, и Полетика опять принялся учить Рейзенауэра, какъ надо играть въ карты. Разсерженный артистъ не вытерпѣлъ и сказалъ ему: „я вижу теперь, г. Полетика, что вы въ карты играете такъ-же хорошо, какъ на рояли. Если вы такъ-же хорошо знаете математику, то я не завидую вашимъ ученикамъ“.

Какъ преподаватель, П. Р. оставлялъ желать много лучшаго. Онъ всегда слишкомъ былъ занятъ собою, всегда рисовался, и эта рисовка мѣшала ему преподавать. Объяснялъ-ли онъ, спрашивалъ-ли урокъ, онъ всегда заботился, что-бы производить выгодное и эффектное впечатлѣніе и для этого неослабно наблюдалъ за собою, за своими манерами, жестами, интонаціею. Все это расхолаживающимъ образомъ дѣйствовало на учениковъ, и заставляло ихъ болѣе обращать вниманіе на виѣшность учителя, чѣмъ на то, что онъ говоритъ. Объяснялъ онъ, однако, недурно, но какъ-то сухо и официально, точно говорилъ рѣчь на актовомъ торжествѣ. Въ старшихъ классахъ случалось, что онъ иногда зацутывался въ рѣшеніяхъ сложныхъ теоремъ и задачъ. При спрашиваньи уроковъ, онъ не столько обращалъ вниманіе на правильность хода мысли при рѣшеньи какой нибудь задачи, сколько на безошибочность вычисленій и, вообще, на точность цифровыхъ выкладокъ. Эти—безошибочность и точность—были его конекъ, а, между тѣмъ, самъ онъ нерѣдко

допускалъ разныя ошибки въ счетѣ. Еще онъ обращать вниманіе на грамматическую правильность языка и на стилистику рѣчи. Онъ считалъ себя специалистомъ и по русской грамматикѣ и словесности, и не упускалъ случая дать это почувствовать своимъ ученикамъ. Частыя отвлеченія его въ область грамматики, хотя, конечно, и имѣли для насъ свою пользу, но преподаваніе математики отъ этого, безусловно, страдало. Чрезмѣрныя требованія его относительно быстроты, точности и безошибочности въ счетѣ къ развитію въ насъ настоящихъ математическихъ способностей мало содѣйствовали. Обыкновенно П. Р. для упражненія учениковъ въ быстротѣ и точности счета задавалъ письменныя упражненія въ классѣ, съ очень запутанными и сложными вычисленіями; требовать исполненія ихъ въ опредѣленное, всегда короткое время, и затѣмъ за каждую ошибку сбавлять по единицѣ. Благодаря этому ни у одного учителя въ журналѣ не были такъ щедро разсыпаны единицы, какъ у него. Десятки единицъ ставились ежедневно; число ихъ значительно увеличивалось еще оттого, что П. Р. неизмѣнно ставилъ единицу всякому, имѣвшему неосторожность зѣвнуть въ классѣ.

Зато ни одинъ учитель не ставилъ такъ много пятерокъ, какъ онъ, а потому, въ общемъ итогѣ, единицы равномерношивались пятерками.

П. Р. былъ въ нашемъ классѣ класснымъ наставникомъ и оставался такимъ до окончанія курса. Въ занятіяхъ онъ былъ очень доступный и простой человѣкъ. Охотно обо всемъ бесѣдовалъ, дѣлился своими знаніями, давалъ полезныя совѣты. Въ случаяхъ какихъ либо недоразумѣній и конфликтовъ учениковъ съ другими учителями, являлся умѣлымъ посредникомъ и часто принималъ сторону учениковъ, отстаивая ихъ справедливыя интересы.

Въ общемъ, онъ былъ очень добрый и отзывчивый человѣкъ. Нуждающимся ученикамъ старшихъ классовъ онъ всегда помогать находить уроки. На выпускныхъ экзаменахъ онъ иногда безъ стѣсненія помогать слабымъ ученикамъ, давая имъ списывать хорошія работы.

Я помню на выпускномъ экзаменѣ, мы были разсажены по одному на партѣ, и на такомъ разстоянн, что никакъ нельзя было списать у сосѣда. П. Р. ходилъ вдоль партъ, бралъ въ руки

15130

работы, просматривалъ ихъ и говорилъ у кого онѣ были невѣрныя.

Подойдя къ моему сосѣду и просмотрѣвъ его работу, онъ сердито покачалъ головою, и потомъ перейдя ко мнѣ, взявъ мой черновикъ, и увидавъ, что задачи рѣшены вѣрно, отдалъ мой черновикъ сосѣду, сказавъ „на списывай, дурня“. Знаю я даже, что П. Р. иногда послѣ экзамена призывалъ къ себѣ на домъ или (вечеромъ) въ гимназію какого нибудь ученика, написавшаго неправильное рѣшеніе и заставлялъ переписывать свою работу, конечно „вновь исправленную и дополненную“. Я слыхалъ, что впоследствии П. Р. измѣнился много къ худшему, дурно и пристрастно относился къ ученикамъ, покровительствовалъ богатымъ и притѣснялъ бѣдныхъ; если это вѣрно, то объяснить это я могу только крайне тяжелымъ семейнымъ и матеріальнымъ положеніемъ П. Р., въ которомъ онъ находился вслѣдствіи продолжительной, неизлѣчимой болѣзни его жены.

Всѣ средства уходили на лѣченіе, и онъ сильно бѣдствовалъ, а кромѣ того ему приходилось не мало помогать своимъ бѣднымъ роднымъ. При такихъ условіяхъ возможно, что у него могъ испортиться и характеръ, и появилась неразборчивость въ добываньи средствъ къ существованію. Изъ Саратова П. Р. былъ переведенъ въ Казань, и тамъ, какъ я слышалъ, умеръ отъ чахотки. Въ большинствѣ учениковъ П. Р. оставилъ по себѣ добрую память.

Преподававшій въ третьемъ классѣ греческій языкъ Иванъ Федотовичъ Лебедевъ былъ интереснымъ типомъ „человѣка въ футлярѣ“. По наружности, это былъ невысокаго роста блондинъ, съ круглымъ, румянымъ, женоподобнымъ лицомъ, снабженнымъ самою скудною растительностью. Все въ немъ было какъ то мягко и округленно. Говорилъ онъ тихо и однотонно. Никогда не возвышалъ голоса и не сердился. Въ предметъ свой былъ безконечно влюбленъ, и никакъ не могъ представить, что-бы кто либо способенъ былъ имъ неинтересоваться. Система преподаванія Ивана Федотовича, даже по тому времени, удивляла своею нерациональностью.

Ученики его ничему не выучивались, за что жестоко платились, когда попадали къ другому, строгому преподавателю.

Система классовых занятий у него, разъ на всегда, распредѣлялась слѣдующимъ образомъ. Въ началѣ урока всегда вызывался одинъ и тотъ-же ученикъ, который, какъ трещетка, повторялъ старый урокъ. У насъ въ 6-мъ классѣ почему то такая почетная роль выпала на долю ученика Немировича-Данченко, за что товарищи въ шутку звали его „старьевщикомъ“. Каждый урокъ Иванъ Федотовичъ, уместившись на каѳедрѣ, и расправивъ фалдочки своего фрака, неизмѣнно произносилъ: „ну, ужъ, Немировичъ-Данченко, повторить старое“. Тотъ уже зналъ свою обязанность, вскакивалъ, читалъ какъ сорока греческій текстъ, весь до конца, а потомъ сразу же русскій текстъ (переводъ) и садился. Затѣмъ Иванъ Федотовичъ говорилъ такъ же неизмѣнное: „ну, ужъ, спрячьте ваши тетрадки“ (со словами). Всѣ тетрадки сразу переселялись съ верхней доски парты на нижнюю, конечно, въ открытомъ видѣ. Иванъ Федотовичъ начиналъ медленно (онъ еще слегка заикался) спрашивать въ разбивку слова, относящіяся къ уроку. Скажетъ медленно русское или греческое слово и поводитъ по классу глазами, выбирая, кого бы спросить. Всякій за это время успѣвалъ найти въ тетрадкѣ нужное слово, и Иванъ Федотовичъ всегда получалъ удовлетворительный отвѣтъ. Весьма часто случалось, что кто раньше успѣвалъ посмотреть въ тетрадкѣ требуемое слово, то ему стоило только пристально посмотреть въ глаза Ивану Федотовичу, и тотъ непременно его спрашивалъ. Несомнѣнно, что это была своего рода гипнотизація школьнаго пронехождения. Иногда при спрашиваньи словъ происходили довольно курьезныя сценки; курьезы получались оттого, что ученики взяли себѣ въ привычку послѣ каждаго отвѣта на вопросъ прибавлять имя и отчество Ивана Федотовича, а Иванъ Федотовичъ имѣлъ привычку послѣ вѣрнаго отвѣта обязательно тянуть: „у-ужъ вѣрно“.

Такъ, напримѣръ, Иванъ Федотовичъ спрашиваетъ:

„А ужъ какъ будетъ по гречески человекъ? Ивановъ!“

— „Антропосъ.—Иванъ Федотовичъ“ —

„Ужъ вѣрно.“

— „А, ужъ, что значить по русски махомай?“

— „Сражаюсь, Иванъ Федотовичъ.“

— „Ужъ вѣрно“.

— „А, ужъ, что значить по русски аноэтосъ?“

— „Дуракъ, Иванъ Федотовичъ.“

— „Ужъ вѣрно.“

Спросивъ такимъ образомъ слова и составивъ себѣ совершенно превратное представленіе о прекрасномъ знаньи ихъ учениками, Иванъ Федотовичъ вызывалъ давно неспрашиваемаго ученика, и тотъ на манеръ Немировича-Данченко отбарабанивалъ новый урокъ (конечно при содѣйствіи вложенной въ книгу шаргалки). Ученикъ сажался, и ему ставилась отмѣтка. Послѣ этого начинался грамматическій разборъ сдѣланнаго перевода, и по такой же системѣ, какъ спрашиванье словъ, т. е. въ разбивку. Умѣющіе отвѣтить на вопросъ, пускали въ ходъ свою „гипнотическую силу“, а остальные беззаботно предавались шалостямъ, чтенію романовъ или приготовленію къ слѣдующимъ урокамъ. Иванъ Федотовичъ былъ нѣсколько туговатъ на ухо, что давало возможность блестяще исполнять свои обязанности класснымъ суфлерамъ. Иногда Иванъ Федотовичъ, не дослыша, одобрялъ совсѣмъ невѣрные отвѣты. Когда ему особенно нравился отвѣтъ, онъ говорилъ: „вотъ, ужъ, именно, такъ и будетъ“. Однажды онъ ухитрился выразить свое удовольствіе за слова, ничего не имѣвшія общаго съ отвѣтомъ, чѣмъ сильно всѣхъ насмѣшилъ. Рабиралось какое то грамматическое правило въ примѣненьи къ трудному переводу. Иванъ Федотовичъ задалъ вопросъ, на который никто не могъ отвѣтить. Въ это время встаетъ одинъ долговязый ученикъ, нѣкто Ш—въ, отличавшійся тѣмъ, что онъ изъ скромности, никогда не говорилъ просто: „позвольте выйти“, а всегда: „дозвольте сходить водицы испить“—и говорить тихо свою стереотипную фразу о водицѣ. Ивану Федотовичу какимъ то образомъ почудился въ ней отвѣтъ на его вопросъ и онъ радостно отвѣтилъ: „вотъ, ужъ именно, такъ и будетъ“.

Дружный хохотъ всего класса сильно сконфузилъ и учителя и „удачно“ отвѣтившаго ученика.

Иванъ Федотовичъ отличался чрезвычайною скромностью и цѣломудренностью. Отъ всякаго легкаго намека на что либо амурное онъ быстро краснѣлъ, какъ институтка. Когда въ Одиссеѣ, которую мы переводили въ пятомъ и въ шестомъ классахъ, попадались не совсѣмъ скромныя мѣста, въ родѣ, напри- мѣръ того, что какой либо герой съ богиней или нимфой удалялись въ гротъ любви, Иванъ Федотовичъ густо краснѣлъ

и приказывалъ это мѣсто пропустить, говоря: „ахъ, ужъ оставьте это!“ Бывали случаи, что нѣкоторые ученики, не страдающіе такою застѣнчивостью, и скромностью, какъ ихъ учитель, пытались вступать съ нимъ въ споръ, отстаивая свое право на переводъ пикантныхъ мѣстъ, но Иванъ Федотовичъ никогда не сдавался, и на вопросъ: „да почему же, вѣдь это пропущено даже цензурою?“ отвѣчалъ неизмѣнно: „ахъ, ужъ оставьте, оставьте.“ Недогадливость Ивана Федотовича при обманываньи его учениками, была прямо изумительна. Такъ, напримѣръ, въ восьмомъ классѣ, при переводѣ Иліады, всѣ пользовались одною старинною книгою, гдѣ лѣвыя половины страницъ содержали греческій текстъ а правыя—русскій переводъ стихами. Многіе не давали даже себѣ труда перекладывать стихи на прозу, а прямо „жарили“ рифмованными стихами, и Иванъ Федотовичъ этого не замѣчалъ, равно какъ не замѣчалъ, что всѣ отвѣчали по одной и той же книгѣ, которая открыто переходила изъ рукъ въ руки. Къ особенностямъ характера Ивана Федотовича относились упрямство и резонерство. Если ученикъ въ началѣ года получалъ у него дурную отмѣтку, то какъ бы онъ послѣ ни старался, какія бы хорошія знанія и усердіе ни обнаруживалъ, хорошей отмѣтки ему было не получить. Такой ученикъ долженъ былъ благодарить Бога за тройку. Если же, наоборотъ, Иванъ Федотовичъ достаивалъ хорошей отмѣтки въ началѣ первой четверти, то эта отмѣтка почти всегда сохранялась на цѣлый годъ. Вообще у него замѣчалась какая то необычайная консервативность въ надѣленьи баллами; отчасти это объяснялось тѣмъ, что онъ, вообще, при своей системѣ преподаванія, не могъ имѣть ни какого представленія о знаніяхъ своихъ учениковъ. Отвѣчали почти всѣ одинаково, и потому у него небыло никакихъ критеріевъ для различной оцѣнки отвѣтовъ, и онъ всегда руководствовался прежними отмѣтками. „Первоначальные же отмѣтки онъ ставилъ просто по вдохновенію или по настроенію.

Характера онъ былъ тихаго, не возмутимаго; разсердить или взволновать его чѣмъ либо было трудно, почти невозможно. Я помню разъ былъ такой случай. Въ третьемъ классѣ, въ большую перемѣну, поднялась страшная возня. Грязная мокрая тряпка, какъ бомба летала по всему классу; въ пылу битвы не замѣтили, что уже пробить

третій звонокъ и преподаватели расходились по классамъ. Едва Иванъ Федотовичъ переступилъ порогъ, какъ ему въ лицо смачно попала грязная тряпка и запачкала все лицо. Рѣдкій человѣкъ удержался бы при такомъ пассажѣ, чтобы не разсердиться, но Иванъ Федотовичъ только отеръ лицо носовымъ платкомъ и сказалъ свое обычное: „ахъ, ужъ это оставьте!“ Только однажды, я знаю былъ случай, что Иванъ Федотовичъ вскипѣлъ до того, что побѣжалъ прямо изъ класса жаловаться директору, и виновника постигла тяжелая кара—исключеніе изъ гимназіи. Дѣло было такъ: однажды Иванъ Федотовичъ принесъ тетрадки съ экстемпораліями, и, раздавая ихъ, сказалъ ученику С—ву, что онъ неправильно по гречески написалъ названіе мѣсяца. Особенно важнаго въ этой ошибкѣ ничего не было, тѣмъ болѣе что древне-греческій календарь мало имѣлъ общаго съ русскимъ, и ошибка, собственно, не столько относилась къ греческому языку, сколько къ системѣ эллинскаго измѣренія времени, однако, Иванъ Федотовичъ почему то обратилъ особенное вниманіе на эту ошибку, и, привязавшись съ нею къ С—ву. Проходя нѣсколько разъ мимо него, онъ повторялъ съ укоризною: „ужъ это вамъ должно быть очень стыдно—не знать греческихъ календъ“ (спеціальное названіе частей года). Послѣ этого Иванъ Федотовичъ сталъ объяснять, какъ должны высчитываться календы, и когда ему понадобилось сложить семь да восемь, то онъ это сдѣлалъ на пальцахъ (Иванъ Федотовичъ, какъ многіе филологи, былъ плохимъ математикомъ). Послѣ этого, когда онъ въ третій или четвертый разъ подошелъ къ С—ву все съ тѣми же словами о стыдѣ незнанія календъ, то С—въ, человѣкъ очень вспыльчивый и дерзкій на языкъ, не вытерпѣлъ, вскочилъ и отлилъ ему такую „пулю“: „не знать вашихъ дурацкихъ календъ вовсе не стыдно, а вотъ считать по пальцамъ семь да восемь стыдно, и еслибы меня кто нибудь за это называлъ круглымъ идиотомъ, то я, клянуся честью, необидѣлся бы“. Иванъ Федотовичъ побагровѣлъ, ничего не сказалъ и выбѣжалъ изъ класса жаловаться директору. Вечеромъ этого дня былъ совѣтъ, на которомъ С—ва, отличавшагося и ранѣе дурнымъ поведеніемъ, рѣшено было исключить. Противъ С—ва Иванъ Федотовичъ имѣлъ раньше зубъ за

его шутовскую выходку послѣ женитьбы Ивана Федотовича на дочери одного мѣтнаго купца-винооторговца. Въ первый же приходъ въ классъ Ивана Федотовича послѣ свадьбы, С—въ вылетѣлъ на средину класса, состроилъ глупую рожу, и, якобы отъ имени всего класса принесъ торжественное поздравленіе: „честь имѣю проздравить васъ и ея степенство вашу супругу съ вступленіемъ въ законнѣйшій бракъ. Дай вамъ Богъ совѣтъ да любовь! Многая лѣта молодымъ супругамъ, ура!“ Иванъ Федотовичъ покраснѣлъ какъ вареный ракъ, и вмѣсто благодарности пробермоталъ: „ахъ, ужъ оставьте, это къ греческому языку никоимъ образомъ не относится“ Говорилъ Иванъ Федотовичъ слегка заикаясь, и, будучи изъ семинаристовъ, пересыпалъ свою рѣчь словами „поелику, потолику“, „такимъ образомъ“, „никоимъ образомъ“ „ужъ именно“ и т. п. Рѣчи онъ произносилъ очень рѣдко, преимущественно только въ тѣхъ случаяхъ, когда очень настойчивому ученику надо было доказать, что отвѣтъ его не заслуживаетъ вышлага балла. За все время я слыхалъ одну только настоящую его рѣчь, которую онъ произнесъ въ шестомъ классѣ передъ началомъ занятій.

Рѣчь была посвящена необходимости и пользѣ изученія греческаго языка. Произнесъ онъ ее, вѣроятно, по приказу свыше, т. к. самому ему врядъ-ли могла придти мысль, чтобы кто либо сомнѣвался въ пользѣ и необходимости изученія греческаго языка. Рѣчь была испещрена неизбѣжными: „потолику, поколику, такимъ образомъ, никоимъ образомъ, ужъ именно“, и т. п. По содержанію она была чрезвычайно суха, не интересна и необѣдительна. Большинство подъ убаюкивающіи монотонный голосъ оратора задремали и только очнулись, когда онъ съ нѣкоторымъ подъемомъ закончилъ ее метафорой, вѣроятно, казавшейся ему самому очень красивой: „такимъ образомъ, господа, вы видите, что всѣ науки, искусства и литература основаны на изученіи греческаго языка, и что даже вся европейская литература летитъ, ужъ именно, на хвостъ греческой!“ Последняя фраза вѣзмъ очень понравилась, и немедленно по уходѣ изъ класса Ивана Федотовича, нашъ классный художникъ М—онъ изобразилъ на доскѣ парящаго въ облакахъ Ивана Федотовича, олицетворяющаго греческую литературу, а на хвостъ его, видѣвъ развѣвающихся фалдъ вицмундира, прицѣпившагося вер-

хомъ, скрючившагося, учителя словесности—олицетвореніе европейской литературы. Сходство лицъ было поразительное. Картину эту рѣшили не стирать до прихода въ классъ Ивана Федотовича, что-бы посмотрѣть, какое она произведетъ на него впечатлѣніе. Эффектъ получился незначительный. Иванъ Федотовичъ даже не улыбнулся, а только мимоходомъ, проходя къ каедрѣ, сказалъ: „ахъ, ужъ это сотрите.“

Кончилъ Иванъ Федотовичъ печально. Онъ сошелъ съ ума, и его родные отвезли въ Петербургъ, гдѣ помѣстили въ какую то частную лѣчебницу для душевно больныхъ. Обнаружилось его сумашествіе внезапно и довольно оригинальнымъ образомъ. Онъ явился въ 10 час. вечера въ почтово-телеграфную контору и подалъ телеграмму на имя Министра Народнаго Просвѣщенья, гдѣ прямо были написаны стихи изъ либретто модной въ то время въ Саратовѣ оперетки Боккачіо: „жена моя бранится, прошу ее унять“. Когда телеграмму не хотѣли принимать, считая ее за неумѣстную шутку, то онъ такъ началъ буйствовать, что поняли, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, и поспѣшили отправить его домой. Года черезъ два онъ былъ выпущенъ изъ лѣчебницы, и, какъ вылѣчившійся, снова былъ принятъ на службу, но черезъ нѣкоторое время снова захворалъ острымъ помѣшательствомъ, и помѣщенный вторично въ психіатрическую лѣчебницу, тамъ умеръ.

По нѣкоторымъ странностямъ въ характерѣ Ивана Федотовича и по внѣшнимъ его даннымъ, можно предполагать, что онъ былъ дегенератъ-неврастенникъ, и вполнѣ нормальною психикою никогда не обладалъ. Такъ какъ греческій языкъ въ то время былъ почти самымъ важнымъ предметомъ, то неуспѣхи по нему, зависѣвшіе отъ капризовъ упрямаго полубольного человѣка, стоили карьеры многимъ молодымъ людямъ.

Въ четвертомъ классѣ прибавилось два новыхъ учителя: русскаго языка Василій Макаровичъ Домбровскій, и греческаго Николай Селиверстовичъ Нечаевъ.

Домбровскій параллельно съ русскимъ языкомъ преподавалъ церковно-славянскій. Несмотря на сходство и сродство славянскаго языка съ русскимъ,—онъ многимъ казался труднѣе всѣхъ иностранныхъ языковъ. Я лично былъ того же мнѣнія, и хотя сознавалъ необходимость

изученія славянскаго языка, какъ первоисточника русскаго, но изучаль его неохотно и съ трудомъ.

Про Домбровскаго говорили, что онъ замѣчательный лингвистъ, написалъ выдающееся изслѣдованіе о корняхъ славянскихъ нарѣчій, и что какая то только случайность помѣшала ему занять каѳедру профессора въ университетѣ. Это, можетъ быть, было и вѣрно, но мы его учености оцѣнить не умѣли и не любили его за чрезвычайную строгость и требовательность, какъ преподавателя. О міровомъ значеніи славянскаго языка онъ, по видимому, былъ столь же востороженно-преувеличеннаго мнѣнія, какъ Иванъ Федотовичъ о греческомъ. О значеніи, пользѣ и необходимости изученія славянскаго языка онъ распространялся почти на каждомъ урокѣ и имѣлъ основаніе думать, что мы этимъ сознаниемъ всѣ также прониклись до мозга костей; однако въ концѣ года ему пришлось въ этомъ разочароваться, и надо было видѣть его гнѣвъ и возмущеніе по этому поводу. Однажды, во время урока, совѣмъ не кстати, одинъ ученикъ Т—въ, отличавшійся флегматичностью, поднялся съ своего мѣста и невозмутимо наивнымъ тономъ спросилъ:— „Василій Макаровичъ, для чего мы учимъ славянскій языкъ?“ Разорвавшаяся передъ глазами Василія Макаровича бомба не произвела бы, кажется, большого эффекта, чѣмъ этотъ неумѣстный, наивный вопросъ. Василій Макаровичъ, и безъ того всегда находившійся въ какомъ то взбодраженномъ состояннн, вскипѣлъ и закричалъ: „для того-съ чтобы не быть дураками,-съ чтобы не задавать такихъ глупыхъ вопросовъ-съ, которые вы задаете! Вотъ-съ, для чего!“

Опѣшившій Т—въ сѣлъ на свое мѣсто подъ хохотъ товарищей.

Въ классъ Василій Макаровичъ влеталъ всегда какъ вихрь. Не подходя къ каѳедрѣ, прямо кидался къ какому нибудь ученику, и выпаливалъ вопросъ, въ родѣ: „нусъ, что такое юсъ большой етированный?“ Такъ какъ особенно на первыхъ урокахъ,—онъ часто задавалъ этотъ вопросъ, то его прозвали „юсъ большой етированный,“ этотъ юсъ въ Саратовской гимназіи былъ недолго. Его пригласили на каѳедру славянскихъ нарѣчій,—кажется въ Новоросійскій Университетъ, и черезъ нѣсколько лѣтъ профессор-

ства, онъ, по слухамъ, впалъ въ помѣшательство, и, — будучи помѣщенъ въ сумашедшій домъ, тамъ умеръ.

Другой новый учитель Николай Селиверстовичъ Нечаевъ былъ типъ семинариста, грубаго и неотесаннаго. Кто зналъ его близко, отзывался о немъ съ хорошей стороны, какъ о человѣкѣ очень интеллигентномъ, развитомъ и честномъ. Однако грубость его, мрачность и нелюдимость создали ему не мало враговъ, которые впоследствии сильно ему повредили. Какъ преподаватель, Нечаевъ былъ очень строгій, серьезный и дѣльный. Если у кого занимались какъ слѣдуетъ, и знали греческій языкъ, то именно у него. Достигалъ онъ хорошихъ результатовъ самой простой системой, заключавшейся въ томъ, что онъ не гнался за тѣмъ, чтобы спросить какъ можно болѣе учениковъ, а старался съ каждымъ побесѣдовать какъ можно дольше, чтобы имѣть представленіе о степени его знанія и о слабыхъ сторонахъ его. Иногда онъ спрашивалъ ученика въ теченіи цѣлаго часа, при чемъ старался довольно терпѣливо объяснить ему всѣ ошибки, и разъяснить все непонятное. Вызывалъ онъ учениковъ безъ всякой системы, которую можно было бы подмѣтить ученикамъ, для того, чтобы хотя приблизительно угадывать время, когда—они будутъ спрошены. Такая сакраментальность вызововъ дѣлала совершенно невозможнымъ непріготовленіе уроковъ, хотя бы въ дни ближайшіе послѣ вызововъ. Иногда случалось, что Н. С. вызывалъ по два и по три дня подъ рядъ. Нѣкоторые ученики даже предполагали, что Нечаевъ, или какъ его называли „грекъ“, вызывалъ по жеребью, который онъ наканунѣ вынималъ дома. Хотя за строгія требованія и за грубость ученики не особенно его долюбивали, но всѣ чувствовали къ нему уваженіе за его справедливость и за разумность въ преподаваньи. Только не желающіе учиться, форменные лѣнтыя, чувствовали въ немъ своего непримиримаго врага и ничего хорошаго въ немъ не находили. Съ лѣнвыми господами онъ не перемонился, и многимъ изъ нихъ пришлось проститься съ гимназіею изъ за греческаго языка. Одинъ изъ нихъ, нѣкто В., которому грозило оставленіе на второй годъ изъ за греческаго языка, варварски отомстилъ Нечаеву. Онъ воткнулъ остріемъ вверху большую иглу на стулъ передъ кафедрой, и Нечаевъ, имѣвшій обыкновеніе

быстро взбѣгать на кафедру и сразу опускаться на стуль, незамѣтилъ предательскаго острія, грузно шлепнулся на сидѣнье и глубоко вонзилъ себѣ въ тѣло иголку. За этотъ безобразный поступокъ В. былъ исключенъ изъ гимназіи.

Закончилъ въ Саратовѣ свою карьеру Нечаевъ очень печально: онъ попалъ подъ судъ за поджогъ собственнаго, застрахованнаго имущества. Дѣло произошло такъ. Лѣтомъ Нечаевъ жилъ на дачѣ, куда перевезъ все свое имущество, которое предварительнѣ застраховалъ. Однажды, онъ на нѣсколько дней отлучился съ дачи, и во время его отсутствія, на дачѣ произошелъ пожаръ, потушенный въ самомъ началѣ сбѣжавшими сосѣдями. При осмотрѣ квартиры Нечаева было обнаружено, что въ ней имѣются разныя приспособленія, которыя обыкновенно, употребляются въ подобныхъ случаяхъ: разныя удобовоспламеняющіеся вещи были политы керосиномъ и къ нимъ проведены шнуры. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ найдены были огарки восковыхъ свѣчей. Вообще вся обстановка указывала на преступныя намѣренія хозяина имущества. Было произведено слѣдствіе, и Нечаевъ былъ привлеченъ къ обвиненію. На судѣ Нечаевъ не призналъ себя виновнымъ и отчаянно защищался. Участъ его была на волоскѣ. Много зависѣло отъ характеристики его личности свидѣтелями. Большинство аттестовало его съ хорошей стороны, утверждая, что онъ не способенъ на приписываемое ему преступленіе, но нѣкоторые аттестовали его съ дурной стороны. Особенно директоръ Лакомтѣ и Полетика росписали его въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Несмотря на это, Нечаевъ всетаки былъ оправданъ. Хотя онъ послѣ этого и былъ снова принятъ на службу, и переведенъ куда то даже съ повышеніемъ, но перенесенныя имъ нравственныя потрясенія такъ сильно подорвали его здоровье, что онъ, раньше еще имѣвшій склонность къ туберкулезу, захворалъ чахоткой, отъ которой черезъ нѣсколько лѣтъ умеръ. Впослѣдствіи я слыхалъ, будто невинность Нечаева была фактически установлена, такъ какъ было найдено лицо, учинившее поджогъ безъ вѣдома Нечаева. Лицо это, —будто бы созналось. За достоверность этого слуха я, однако, не ручаюсь. Слѣдствіе о поджогѣ велось судебнымъ слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ, подъ спеціальнымъ наблюденіемъ прокурорскаго

надзора, и трудно поэтому допустить, чтобы власти впали въ грубую ошибку.

Изъ новыхъ учителей въ старшихъ классахъ самымъ оригинальнымъ былъ преподаватель латинскаго языка Карлъ Карловичъ Коссманъ. Онъ въ Саратовѣ занималъ должность пастора и преподавалъ въ гимназiи приватно. Изъ саратовцевъ, вѣроятно, еще многіе помнятъ мощную фигуру Карла Карловича, добродушнаго, веселаго, красноречиваго нѣмца. Онъ былъ средняго роста, очень полный круглый, чрезвычайно подвижной и всегда жизнерадостный. Онъ неподобно зналъ латинскій языкъ, на всю жизнь былъ имъ очарованъ и наивно думалъ, что изученіе его вѣкъ должно доставлять неизъяснимое блаженство. Особенно онъ любилъ экстемпоралiи; случалось, что онъ заставлялъ писать экстемпоралiи гимназистовъ, приходившихъ въ гости къ его дочерямъ. Во всякое время и на всякомъ мѣстѣ готовъ онъ былъ писать экстемпоралiи.

Послѣднее въ его глазахъ было настоящее священнодѣйствіе, обставленное разными сложными правилами, соблюденіе коихъ онъ неукоснительно требовалъ. Прежде всего требовалось, чтобы на страницѣ было ни больше, ни меньше опредѣленнаго числа строкъ; поля должны были быть строго опредѣленнаго размѣра, чернила извѣстнаго цвѣта, бумага извѣстнаго номера. Курьезнѣе всего было то, что каждую лишнюю прошивъ ординара строку онъ считалъ за такое количество ошибокъ, какое число словъ на ней было написано, и каждое слово на лишней строкѣ подчеркивалъ, какъ ошибку; если же нехватало одной или нѣсколькихъ строкъ, то это онъ считалъ за столько ошибокъ, сколько словъ могло помѣститься на недописанныхъ строкахъ. Также онъ поступалъ по отношенію къ неправильнымъ полямъ. Можно себѣ представить, сколько ему было хлопотъ съ подобными ошибками!

Благодаря такой системѣ случалось, что онъ въ нѣкоторыхъ экстемпоралiяхъ насчитывалъ сотни и болѣе ошибокъ. Кромѣ этого онъ велъ статистику ошибокъ по отношенію къ каждому ученику за недѣлю, за мѣсяцъ и за годъ. Что за цифры получались при подобной системѣ, можно себѣ представить! Если у какого либо ученика за недѣлю убавлялось десятка на два, на три ошибокъ онъ радовался какъ

рбеноекъ. Однажды, во время большой перемѣны, въ корридорѣ ко мнѣ подбѣжалъ сіяющій Карлъ Карловичъ, сжалъ мнѣ обѣ руки и восторженно воскликнулъ: „Очень, очень благодарю васъ: вашъ ушеникъ Д—ъ въ прошломъ мѣсяцѣ сдѣлалъ 400 ошипка, а въ этомъ только 350 ошипка,—это хорошо, я очень, очень радъ!“ Русскій языкъ совсѣмъ не давался Карлу Карловичу, несмотря на то что онъ, кажется, родился и выросъ въ Россіи. Карлъ Карловичъ, также какъ и Пичъ, любилъ выбирать для перевода наиболѣе подходящія слова, а такъ какъ онъ плохо зналъ русскій языкъ, то съ нимъ какъ и съ Пичемъ, ученики продѣлывали разныя шутки, выбирая неупотребительныя, вульгарныя, а иногда и прямо неприличныя выраженія. Такъ, напр., знаменитую фразу: „*quo usque tandem, Catilina, abutris patientia nostra*“ (доколѣ же, Катилина, будешь ты злоупотреблять нашимъ терпѣніемъ) одинъ, для вящей силы выраженія, перевелъ такъ: „доколѣ же ты, Катилина, чортъ тебя раздери, будешь злоупотреблять нашимъ терпѣніемъ“. Иногда случалось, что ученики, чтобы поозорничать, принимались увѣрять Карла Карловича, будто они хорошенько не понимаютъ того или другого латинскаго слова. Такъ, однажды, попалось слово *irrupto* (врываюсь). „*irrupto, irrupi, irruptum, irruptere*—смачно проспрягалъ самъ Карлъ Карловичъ и объяснилъ, что это слово значитъ „врываться“. Ученики притворялись, будто не понимаютъ. Тогда Карлъ Карловичъ, всегда очень горячій и подвижный, чтобы наглядно объяснить значеніе слова, выбѣжалъ изъ класса, затворилъ за собою дверь и крикнулъ ученикамъ, чтобы они держали дверь, а онъ будетъ *irruptere*—„врываться“, а когда онъ крикнетъ *irrupi*—„ворвался“, чтобы они дверь пустили. Ученики, наиболѣе дюжіе, приперли плечами дверь (отворяющуюся въ классъ) и не пускали Карла Карловича. Онъ тоже нажималъ снаружи дверь плечами, и довольный кричалъ: „такъ, такъ, я *irrupto*, а вы не пускайте, а когда я крикну *irrupi*—ворвался,—вы пускайте“. Однако ученики продолжали держать дверь и послѣ *irrupi*.

Карлъ Карловичъ кричалъ изо всѣхъ силъ: „*irrupi, irrupi*, я ворвался, пускайте меня!“ Дверь не поддавалась. Тогда Карлъ Карловичъ, уже разсерженный, отойдя немного, съ разбѣгу своимъ богатырскимъ плечомъ ударился въ дверь;

последняя, по сигналу сразу оставленная своими защитниками, распахнулась, и Карль Карлович кубаремъ „ворвался“ въ классъ. Раздался дружный хохотъ, и ученики закричали: „теперь мы поняли К. К., что вы иггирі—ворвалпсь. Не смотря на чувствительные ушибы, добродушнѣйшій К. К. не разсердился, а самъ смѣясь, сказалъ: „это карошо, что ви теперь понимаетъ; русскій больше глазамъ понимаетъ, чѣмъ умомъ“.

Иначе совсѣмъ отнесся Карль Карловичъ, когда одинъ ученикъ позволилъ себѣ сказать въ глаза, что онъ не признаетъ латинскаго языка и „плевать на него хочетъ“. К. К. былъ охваченъ неопикуемымъ гнѣвомъ.

Изъ настоящихъ учениковъ, конечно, никто бы не позволилъ сказать Карлу Карловичу такую дерзость, но сказавшій это уже небылъ ученикомъ, о чемъ Карлу Карловичу не было извѣстно. Вышло это такъ. Ученикъ 7-го класса А—въ рѣшилъ выйти изъ гимназіи, чтобы поступить на военную службу. Онъ подалъ прошеніе, получилъ свои документы и зачислился въ вольноопредѣляющіеся.

Добродушный старичекъ письмоводитель выдалъ ему частнымъ образомъ документы еще раньше, чѣмъ получилъ объ этомъ официальное предписаніе. Поэтому А—въ продолжалъ нѣкоторое время числиться въ спискахъ учениковъ, уже по своему увольненіи. Черезъ нѣсколько дней послѣ выборки своихъ документовъ, онъ, еще въ гимназической формѣ, зашелъ въ гимназію, и ему пришла фантазія заглянуть на урокъ Карла Карловича и отмочить какое нибудь колѣнцо. Случай представился сразу. К. К., не зная, что А—въ уже вышелъ изъ гимназіи, вызвалъ его отвѣчать урокъ, какой то переводъ изъ Энеиды. А—въ всталъ и съ серьезнымъ видомъ отвѣтилъ, что онъ нежелаетъ отвѣчать. К. К. страшно изумился и спросилъ: „какъ ви, А—въ, не желайте отвѣчать латинскій урокъ, Боже мой, Боже мой!“ — Да, не желаю К. К., отвѣчалъ А—въ, больно ужъ не люблю я вашъ латинскій языкъ, глупый онъ и безтолковый!“ — „О Боже мой, Боже мой, латинскій языкъ глупый и безтолковый, ви сами глупый и безтолковый, я сейчасъ пойду и пожалуюсь директору.“ — „Можете, кому хотите, а я плевать хочу на вашъ латинскій языкъ и совсѣмъ даже уйду“ доконалъ А—въ и съ послѣдними словами вышелъ изъ класса. К. К. кинулся

было его догонять, но тутъ ученики, едва удерживавшіеся отъ смѣха, объяснили ему въ чемъ дѣло, и онъ успокоился.

Карль Карловичъ хотя считался грозойъ ввиду своихъ строгихъ требованій, и вслѣдствіе его вспыльчиваго характера трудно было у него учиться, но его всеъ любили за его открытый, благородный характеръ, за его простое, человѣческое отношеніе къ ученикамъ. Кромѣ того, онъ всемъ нравился своимъ живымъ, веселымъ характеромъ и добродушнымъ, чисто нѣмецкимъ, юморомъ.

Объ остальныхъ, бывшихъ въ мое время преподавателяхъ, у меня не сохранилось почти никакихъ воспоминаній, отчасти потому, что у нѣкоторыхъ изъ нихъ я не учился, отчасти потому, что они были ужъ очень безцвѣтны. Могу, впрочемъ, еще упомянуть про преподавателя математики Ивана Ивановича Зелинскаго. Самъ я у него не учился, но отъ товарищей слыхалъ, что это былъ глубокой математикъ и безукоризненный преподаватель, но какъ человѣкъ очень сухой, черствый, несимпатичный и, вдобавокъ, насмѣшливый. Всеъ учившіеся у него прекрасно знали математику, и многіе изъ нихъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ избрали своею спеціальностью математическія науки.

Разскажу теперь, какіе инциденты и курьезы бывали въ доброе старое время на выпускныхъ экзаменахъ. Необычайная, торжественная обстановка экзаменовъ, въ связи съ сознаніемъ экзаменуемыхъ, что это дѣлается ими послѣдняя ставка на будущую карьеру, нервировала учащихся до послѣдней степени, а у нѣкоторыхъ совершенно отшибала всякую память и соображеніе. Ничѣмъ инымъ нельзя объяснить такіе курьезы, которые, отъ времени до времени, случались то на письменныхъ, то на устныхъ экзаменахъ.

За годъ до моего выпуска, на экзаменѣ словесности была задана одна изъ самыхъ легкихъ и благодарныхъ темъ: „Значеніе открытія Америки“. На одного изъ учениковъ напало затмѣніе памяти, и онъ никакъ не могъ вспомнить имени знаменитаго мореплавателя, открывшаго Америку. Онъ рѣшилъ за помощью обратиться къ сосѣду, который, никакъ не предполагая, что товарищъ его могъ забыть такое великое имя, подумалъ, что онъ его спрашиваетъ, кто прорылъ Америку и отвѣтилъ: „Лессепсъ“ (инженеръ, прорывшій панамскій каналъ). Велико должно

было быть ободѣніе потерявшаго внезапно память, что онъ такъ вездѣ въ сочиненіи и написалъ, что Америку открылъ Лессецъ. Одинъ ученикъ на экзаменѣ по исторіи на вопросъ, съ кѣмъ была битва при Полтавѣ, отвѣтилъ, что съ французами, причемъ еще пояснилъ, что французскими войсками командовалъ самъ Наполеонъ. Другому ученику достался билетъ о Петрѣ Великомъ, и онъ долго молчалъ, а потомъ заявилъ, что онъ о Петрѣ Великомъ ничего не знаетъ. Одинъ ученикъ на выпускномъ экзаменѣ написалъ Европу черезъ „ять“. Помощникъ попечителя округа Малиновскій за эту ошибку разнесъ нашего преподавателя Павловскаго; послѣдній сталъ оправдываться, говоря что то о необыкновенныхъ способностяхъ ученика по другимъ предметамъ, увлекся и выразился, будто ученикъ этотъ даже современемъ можетъ самъ стать Европейскою знаменитостью. Малиновскій сухо перебилъ его, сказавъ, что онъ уже и теперь сталъ Европейскою знаменитостью.

При мнѣ на выпускномъ экзаменѣ по словесности была дана тѣма: „городъ и деревня въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.“ Тѣма была благодарная, и большинство подали прекрасныя работы, но одинъ ученикъ, всетаки, отъ ободѣнія подаль пустой листъ бумаги, и ему послѣ была дана другая тѣма. На выпускномъ экзаменѣ по математикѣ изъ округа была прислана задача по тригонометріи, которая удивила всѣхъ своею простотою и легкостью. Ее всѣ быстро рѣшили, и у всѣхъ получился одинаковый отвѣтъ. Нашъ преподаватель Полетика также рѣшилъ ее, и у него получился такой же результатъ, какъ у всѣхъ. Ввиду этого мы были очень довольны, что самый страшный экзаменъ кончился такъ благополучно. Но не успѣли мы еще разойтись, какъ разнеслась тревожная вѣсть, что задача эта вовсе не такъ проста, и что всѣ рѣшили ее невѣрно. Доказательство этого было на лицо: гипотенуза въ прямоугольномъ треугольникѣ оказалась равной катету, чего, конечно, быть не могло. Ошибку эту замѣтилъ, кажется, самъ Полетика, но чѣмъ она вызывалась, не могъ понять; не могъ понять и никто изъ насъ, и на всѣхъ напало уныніе. Только одинъ изъ всего класса В—ъ, хорошій вообще математикъ, и отличавшійся большою пунктуальностью, долго копавшійся съ этою простою задачею, рѣшилъ ее

такъ, что у него оказалась разница въ длинѣ гипотенузы и катета. Разница была небольшая и замѣтна была потому, что онъ одинъ вычислялъ по семизначнымъ логарифмамъ, а всѣ остальные по пятизначнымъ. Когда это выяснилось, всѣ облегченно вздохнули и довольны были, что своевременно не замѣтили ошибки, ибо иначе, не догадавшись въ чемъ дѣло, вмѣсто простого и правильного рѣшенія, пустились бы въ какія либо мудрствованія и, навѣрное, написали бы ерунду. Незнаю случайно или умышленно прислали изъ округа такую задачу съ „подковыркой“ (какъ выражаются гимназисты), но скорѣе можно предполагать, что умышленно, т. к. я слыхалъ, что въ прежнее время было въ обычаѣ присылать на выпускной экзаменъ одну, двѣ задачи съ „подковыркою“, и дѣлалось это съ пѣлью узнать, какой процентъ изъ оканчивающихъ курсъ имѣютъ наилучшія способности по математикѣ.

Типы учениковъ.

За мое десятилѣтнее пребываніе въ гимназіи мнѣ пришлось имѣть много товарищей, среди которыхъ были нѣкоторые настолько оригинальные, что о нихъ стоитъ вспомнить особо. Однако, раньше чѣмъ перейти къ воспоминаніямъ объ отдѣльных лицахъ, постараюсь сдѣлать общую характеристику бывшихъ товарищей по личнымъ, классовымъ и національнымъ признакамъ.

Въ приготовительномъ классѣ при мнѣ было около 40 человѣкъ, изъ которыхъ со мною одновременно кончили курсъ не больше пяти человѣкъ. Человѣкъ семь кончили въ разное со мною время, а остальные, по разнымъ причинамъ, преимущественно по малоуспѣшности, выбыли изъ гимназіи, не кончивъ курса. Наибольшій % оставилъ гимназію въ младшихъ классахъ. По національностямъ, какъ въ приготовительномъ классѣ, такъ и во всѣхъ остальныхъ, преобладающее число было, конечно, русскихъ, и въ каждомъ классѣ не болѣе 3—4 евреевъ и столько же нѣмцевъ (преимущественно колонистовъ). По сословіямъ всего болѣе было дѣтей чиновниковъ и, вообще, разночинцевъ, немного дворянъ, и еще менѣе лицъ податного состоянія—крестьянъ и мѣщанъ. Значительный % былъ лицъ духовнаго званія. Учившіеся со мною еврей не отличались особенными способ-

ностями, если не считать изумительной у нѣкоторыхъ изъ нихъ памяти. Нѣмцы, наоборотъ, особенно въ младшихъ классахъ, были лучшими учениками. Не обладая бойкимъ и сообразительнымъ умомъ, нѣмцы—ученики брали своею врожденною дисциплинированностью, внимательностью, терпѣніемъ и серьезнымъ, добросовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу.

Что касается русскихъ, то это было смѣшеніе всякихъ добродѣтелей и пороковъ, блестящихъ способностей и бездарностей, удивительнаго трудолюбія и непролазной лѣнности. У евреевъ и нѣмцевъ какъ-то незамѣтно было такого смѣшенія типовъ, они производили впечатлѣніе болѣе однородной массы; какъ-то не замѣчалось у нихъ особенныхъ крайностей въ темпераментахъ и способностяхъ.

Окидывая мысленно ряды товарищей, съ которыми я учился, я не могу подмѣтить какихъ либо особенныхъ, характерныхъ признаковъ, отличающихъ съ вѣшной и внутренней стороны учениковъ, принадлежавшихъ къ разнымъ слоямъ общества. Блестящія способности и бездарность, трудолюбіе и лѣнность встрѣчались одинаково въ представителяхъ всѣхъ классовъ общества. Только въ старшихъ классахъ можно было замѣтить вѣшнюю разницу учениковъ изъ привилегированныхъ сословій сравнительно съ сыновьями крестьянъ и мѣщанъ. Первые одѣвались всегда изысканно, лучше держались въ обществѣ и имѣли, вообще, лучшія манеры. Эта вѣшная разница нисколько не мѣшала дружественнымъ, товарищескимъ отношеніямъ между гимназистами вплоть до послѣдняго класса. Проявить какое либо презрѣніе къ товарищу, ввиду его низкаго происхожденія или бѣдности, считалось великою подлостью. Когда въ седьмомъ классѣ одинъ ученикъ не отвѣтилъ на поклонъ своего товарища на улицѣ только потому, что тотъ былъ въ изорванныхъ сапогахъ и н, вообще, плохо одѣтъ—это вызвало взрывъ негодованія всего класса, и этого субъекта едва не побили.

Относительно учениковъ изъ крестьянскаго сословія мною было подмѣчено, что большинство изъ нихъ проявляло прекрасныя способности въ раннемъ возрастѣ, многіе блестяще учились въ младшихъ классахъ, но чѣмъ болѣе входили въ возрастъ, тѣмъ способности ихъ, какъ будто, притуплялись, и многіе изъ нихъ въ старшихъ классахъ

учились посредственно и даже плохо, а нѣкоторые, по малодушевнойности, должны были покинуть гимназію до окончанія курса.

Въ отношеніи характера и способностей, учениковъ можно было раздѣлить на слѣдующія главныя категоріи: 1) даровитыя натуры, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прилежныя и уравновѣшенныя 2) не менѣе даровитыя и прилежныя, но не уравновѣшенныя 3) Даровитыя въ высокой степени, но лѣнныя и неуровновѣшенныя 4) прилежныя, но со средними способностями 5) лѣнныя, неуровновѣшенныя, съ плохими способностями, такъ называемыя, бездарныя натуры. На сколько я подмѣтилъ и помню, наиболѣе успѣшно проходили курсъ въ гимназіи первая и четвертая категоріи. Категорія неуровновѣшенныхъ чаще всего дѣлалась жертвою не приспособленности своего къ сухому формализму гимназическаго режима, или, вѣрнѣе сказать, обратно, неприспособленности гимназическаго режима къ способнымъ, но неуровновѣшеннымъ натурамъ; что касается послѣдней категоріи, то она, конечно, представляла изъ себя главный контингентъ кандидатовъ на исключеніе.

Перехожу теперь къ воспоминаніямъ о наиболѣе оригинальныхъ типахъ моихъ школьныхъ товарищей. Я стараюсь, на сколько возможно, безпристрастиѣ очертить положительныя и отрицательныя стороны этихъ лицъ.

Вотъ маленькій румяный карапузъ А*) „приготовишка“. Онъ всегда серьезень и важень; чрезвычайно внимателенъ въ классѣ, разсудителенъ, отвѣты даетъ всегда подумавши. Блестяще прошелъ весь гимназическій курсъ. Никогда ни съ кѣмъ изъ товарищей близко не сходился, былъ со всѣми холодно вѣжливъ, никогда не принималъ никакого участія въ шалостяхъ и проказахъ. Все время своего пребыванія въ гимназіи удивлялъ товарищей необычайною заботливостію о своемъ здоровьѣ. Онъ старался тщательно соблюдать всѣ малѣйшія требованія гігіены и санитаріи. Страшно боялся малѣйшей простуды.

У всѣхъ въ классѣ съ нимъ пронесодили безконечныя стѣчки изъ за форточекъ и открытыхъ оконъ, даже въ теплое, сравнительно, время. Про его заботы о здоровьѣ

*) Инициалы не соответствуютъ начальнымъ буквамъ фамиліи, а взяты прямо въ алфавитномъ порядкѣ.

ходили между товарищами разные анекдоты, напр., будто онъ додумался до того, что самое полезное положеніе спящаго человѣка—это вверхъ ногами, и потому онъ, будто, спалъ на кровати съ особыми приспособленіями, отъ которыхъ туловище принимало выгнутое положеніе, а ноги были значительно выше головы. Не смотря на всѣ такія заботы о здоровьѣ, доходящія до маньячества А, хотя и имѣлъ вѣншній цвѣшущій видъ, но дѣйствительнаго здоровья не приобрѣлъ. Былъ, какъ говорится, рыхлый, слабосильный, и въ одномъ изъ старшихъ классовъ такъ разнемогся, что не въ состоянн былъ держать экзаменовъ.

Совершенною противоположностью ему былъ ученикъ Б. Это былъ высокій, костлявый и чрезвычайно крѣпкій и выносливый юноша. О своемъ здоровьѣ нисколько не заботился, бравировавъ имъ до послѣдней степени, а оно само шло за нимъ; зимою и осенью онъ во всякую погоду ходилъ безъ галошъ, въ подбитомъ вѣтромъ пальто, и никогда не простужался. На крещенье, не смотря ни на какой морозъ, онъ купался въ Волгѣ. Былъ необычайный любитель пожаровъ; безъ него въ Саратовѣ не обходился ни одинъ пожаръ. Какъ-бы онъ далеко не былъ отъ него, онъ ухитрялся прибѣгать однимъ изъ первыхъ и принималъ самое дѣятельное участіе, дѣйствуя совершенно на правахъ брандмейстера. Между прочимъ, онъ отличался необычайною дальнозоркостью. Напримѣръ, стоя, свободно читалъ черезъ нѣсколько партъ мелкій текстъ, и случалось, что вызванный къ самой каѳедрѣ, читалъ преспокойно урокъ по книжкѣ, разложенной на передней партѣ. Учителямъ не могло придти въ голову, что на такомъ разстоянн можно читать книгу, и имъ оставалось только удивляться его необычайной памяти. Б имѣлъ хорошія способности, но былъ съ большой лѣнцою, и этотъ недостатокъ, въ связи съ увлеченіями его свѣтской жизнью, въ старшихъ классахъ воспрепятствовалъ ему окончить курсъ гимназіи. Онъ считался въ городѣ однимъ изъ лучшихъ танцоровъ, и не было ни одного танцевальнаго вечера, который-бы онъ пропустилъ. Неутомимость его въ танцахъ была прямо изумительна: протанцевать сплошь 6—7 часовъ для него ничего не значило. При этомъ надо имѣть ввиду, что въ то время танцы были гораздо утомительнѣе теперешнихъ: полька, полька-мазурка, галошь, вальсъ въ два па требовали

непрерывныхъ, быстрыхъ движеній, особенно послѣдній та-
нецъ; онъ, кромѣ усталости, вызывалъ головокруженіе и
сердцебиеніе. Кромѣ того, В. былъ спортсменъ и однажды,
во время сильной бури на Волгѣ, спасъ, рискуя жизнью,
утопавшаго артиста, за что былъ награжденъ серебряною
медалью.

Ученикъ В. худой, болѣзненный, малокровный юноша.
Чрезвычайно слабо учился. Никто никогда не предпола-
галъ, что-бы онъ могъ кончить курсъ, но онъ блестяще до-
казалъ, что терпѣніе и трудъ все перетрутъ. Онъ, хотя два-
дцати пяти лѣтъ, но кончилъ курсъ въ гимназіи. Года свои
онъ всегда конфузливо скрывалъ, и такъ какъ видъ у него
былъ какой то младенческой, то это ему было не трудно
дѣлать. Только разъ, въ пятомъ классѣ учитель латинскаго
языка заставилъ всѣхъ написать по латыни свои года, и
В. написалъ: *unus et viginti* (двадцать одинъ). Учитель, ду-
мая, что онъ неправильно обозначилъ такое число вмѣсто
14 или 15-ти, началъ было уже его стыдить, что онъ даже
свои года не можетъ правильно обозначить по латыни, но
В. покраснѣлъ и пролепеталъ: „я написалъ вѣрно.“ В. от-
личался тихимъ, кроткимъ характеромъ, и былъ прекрас-
нымъ товарищемъ. Благодаря безобидному характеру и нѣ-
которымъ странностямъ, онъ былъ постояннымъ предметомъ
шутокъ и насмѣшекъ своихъ товарищей, а иногда и учите-
лей. Главная странность его заключалась въ томъ, что онъ
обладалъ слишкомъ большою вѣрою въ свои способности
(въ дѣйствительности, очень скромныя) и терпѣніемъ старалъ-
ся достигнуть въ нѣкоторыхъ случаяхъ такихъ результатовъ,
которыхъ ни одинъ благомыслящій человѣкъ предполагать
не могъ. В. имѣлъ слабость къ всякимъ самоучителямъ и,
вообще, стремился къ самообразованію и саморазвитію безъ
помощи учителей. Такъ, онъ изучалъ по самоучителямъ вы-
шую математику, французскій языкъ, англійскій, танцы, свѣт-
скія манеры и даже пѣніе.

Проучивши по самоучителю нѣсколько лѣтъ англійскій
языкъ, онъ попросилъ одного изъ товарищей, хорошо зна-
ющихъ этотъ языкъ, — проэкзаменовать его. Послѣ намъ то-
варищъ разсказывалъ, что надорвалъ животъ, смѣявшись
надъ его англійскимъ произношеніемъ. Хореографическое
искусство по самоучителю дало не лучшіе результаты. В.

рѣшилъ первый разъ познакомить насъ съ результатами своихъ изученій этого искусства на танцевальномъ вечерѣ въ институтѣ. Когда онъ началъ выдѣлывать среди залы свои смѣлые перуэты, вычитанные изъ книги, другіе перестали танцевать и только смотрѣли, что за удивительныя колѣна онъ выкидываетъ. Кончилось тѣмъ, что дама его переконфуженная убѣжала отъ него, а начальница велѣла передать, что просить его никогда мазурки въ институтѣ не танцовать.

Однажды у В. заболѣла любимая собака. Онъ сейчасъ же отправился въ магазинъ, купилъ дорогую и толстую книгу по ветеринаріи и принялся изучать ее. Послѣ, когда его спрашивали, жива-ли его собака, онъ съ грустью отвѣчалъ: „представьте себѣ, какая жалость, издохла, раньше чѣмъ я успѣлъ дочитать книгу, и совсѣмъ немного оставалось...“

Былъ у него какой то самоучитель и по высшей математикѣ, который онъ также усердно штудировалъ. Результатомъ этихъ трудовъ явилось даже особое изслѣдованіе его объ условіяхъ полета шара тяжелѣе воздуха. Шаръ, этотъ онъ проэктивировалъ наполнить цинкомъ и рассчитывалъ присоединеніемъ какихъ то химическихъ элементовъ заставить его летать въ воздухѣ. Свой трудъ съ очень хитрыми и сложными математическими вычисленіями онъ торжественно презентовалъ вышеупомянутому математику Ивану Ивановичу Зелинскому. Послѣдній, познакомившись съ геніальнымъ открытіемъ, покачалъ головой и сказалъ: залко*) залко мнѣ васъ г. В. „Что-же, Иванъ Ивановичъ, развѣ мой шаръ не можетъ летѣть?“ робко спросилъ В. „можетъ, можетъ летѣть, но только внизъ, а вы можете изъ гимназіи полетѣть за васе невѣзство по математикѣ“.—отрѣзалъ сухой Иванъ Ивановичъ.

В., несмотря на свою скромность и коффузливость, былъ очень влюбчивъ и настойчивъ въ ухаживаніяхъ за барышнями. Особенно ему нравились институтки, и онъ придумалъ довольно оригинальный способъ заведенія съ ними знакомства.

Онъ являлся въ пріемные дни въ институтъ и просилъ вызвать какую нибудь ученицу, называясь ея двоюроднымъ братомъ. Институтки, что-бы не нажить себѣ какой либо

*) Зелинскій вмѣсто ж—выговаривалъ з.

непріятности, или не подвергнуться насмѣшкамъ подругъ, не выдавали его самозванства; этому еще способствовало то, что В., въ качествѣ галантнаго кавалера, всегда являлся съ коробкой прекраснѣйшихъ конфетъ. Долго это, конечно, не могло продолжаться, и въ одинъ злополучный день, когда В. сидѣлъ въ пріемной залѣ и ворковалъ съ хорошенькой „кузиною“, явилась ея подлинная маман, и увидавъ свою дочь въ обществѣ самозваннаго кузена, пришла въ неописуемую ярость и чуть не въ шею выгнала его изъ залы. Послѣ этого двери гостепріимнаго института навсегда закрылись для злополучнаго любителя кузинъ. Тогда онъ обратилъ свое благосклонное вниманіе на гимназистокъ, что было болѣе безопасно.

Ученикъ Г. худощавый, подвижный, очень интеллигентный юноша, обладающій отъ природы блестящими способностями, особенно памятью. Отличался прекраснѣйшимъ соображеніемъ, смѣлымъ, доходящимъ до дерзости, языкомъ. Физическаго сложенія былъ слабаго и здоровья очень посредственнаго. Вообще онъ не оправдывалъ афоризма, что здоровый духъ можетъ быть только въ здоровомъ тѣлѣ. Г. былъ одинъ изъ немногихъ учениковъ, который всѣ девять классовъ гимназіи прошелъ, нигдѣ не оставаясь на второй годъ; ввиду этого онъ кончилъ очень молодымъ, 17-ти лѣтъ. Учился онъ во всѣхъ классахъ блестяще, и окончить съ медалью ему помѣшала простая случайность. Г. обладалъ замѣчательно хорошою памятью, но исключительно, такъ называемую, разсудочную. Въ этомъ отношеніи онъ можетъ служить хорошимъ примѣромъ къ доказательству того положенія, что не ко всѣмъ дѣтямъ можно предъявлять требованіе о механическомъ заучиваніи стиховъ, молитвъ, цитать и т. п. Г. совершенно не могъ заучивать наизусть ни стиховъ, ни молитвъ, а когда дѣло дошло до катехизиса, то изученіе въ немъ цитать изъ священнаго писанія повергло его въ полнѣйшее уныніе. Онъ пытался всегда буквальную передачу ихъ замѣнить своими словами, на что никакъ не могъ согласиться о. законоучитель, и, однажды, разсерженный перевертаніемъ Г. текста, поставилъ ему (въ восьмомъ классѣ) единицу. Случай для старшаго класса совершенно небывалый! Своими же словами Г. рассказывалъ великолѣпно все, что онъ только ни читалъ или слышалъ.

Удивительно у него была развита память на названія, всевозможныхъ центральныхъ вѣдомствъ въ Петербургѣ, департаментовъ ихъ, отдѣленій, соединеній, комитетовъ, комиссій и тому под., а также на фамиліи всевозможныхъ должностныхъ лицъ, стоящихъ во главѣ разныхъ отдѣловъ. Объяснялось это, вѣроятно, его исключительнымъ интересомъ, который онъ имѣлъ ко всѣмъ вопросамъ административнаго устройства, и, вообще, государственнаго механизма. Въ пятомъ классѣ его любимую газетою былъ Правительственный Вѣстникъ, въ которомъ онъ внимательно прочитывалъ о всѣхъ новыхъ назначеніяхъ, о всѣхъ наградахъ и перемѣщеніяхъ по службѣ. Все это у него оставалось въ памяти, и въ любой моментъ онъ могъ изъ нея извлечь какую угодно справку о должностномъ лицѣ, о которомъ хоть годъ тому назадъ было что нибудь напечатано въ отдѣлѣ приказовъ. Крайне сложныя и запутанныя функции и разнообразныя соединенія департаментовъ Сената не представляли для него никакихъ затрудненій, и онъ въ нихъ разбирался, какъ у себя дома.

Параллельно съ этимъ въ немъ чрезвычайно рано зародилась любознательность къ разнымъ вопросамъ гражданскаго права и гражданскаго судопроизводства. По окончаньи курса въ гимназій Г., конечно, избралъ юридическій факультетъ, окончилъ его съ отличіемъ и сдѣлалъ блестящую карьеру по судебному вѣдомству.

На ряду съ блестящею памятью Г. обладалъ исключительно способностью къ сосредоточенности и вниманію. Благодаря этому онъ чрезвычайно рѣдко впадалъ въ какія либо ошибки, происходящія отъ разсѣянности или невнимательности. При рѣшеньи задачъ, какія бы сложныя и трудныя вычисленія не приходилось дѣлать, онъ, дѣйствительно, никогда не ошибался. Онъ очень гордился такимъ рѣдкостнымъ качествомъ и говорилъ про себя: „я человекъ, никогда не ошибающійся“. Товарищи въ шутку прозвали его также и часто кричали ему: „эй ты, господинъ, никогда не ошибающійся, поди ка сюда!“ или: „эй ты, безошибочный господинъ, иди сюда!“

Г. былъ очень добродушный, веселый и остроумный человекъ, но только пока его чѣмъ либо не затрогивали; задѣтый за живое, онъ никогда въ долгу не оставался, причемъ за

словомъ въ карманъ не лѣзь. Онъ становился совсѣмъ не-
сдержаннымъ на языкъ, если только кто либо пытался
уличить его въ какой либо ошибкѣ. Эту странность въ ха-
рактерѣ онъ сохранилъ и въ зрѣломъ возрастѣ, и, однажды,
за такую любовь къ безошибочности потерялъ въ универ-
ситетѣ лишній годъ. Дѣло было такъ. На экзаменѣ по полити-
ческой экономіи профессоръ вызывалъ сразу по пяти чело-
вѣкъ, изъ которыхъ одинъ отвѣчалъ, а четверо въ это
время приготовлялись по своимъ билетамъ. Когда отвѣчав-
шій уходилъ, вызывался слѣдующій изъ готовящихся, въ
алфавитномъ порядкѣ фамилій. Случилось такъ, что, когда
Г. сидѣлъ въ числѣ готовившихся, профессоръ по ошибкѣ
позвалъ отвѣчать его вмѣсто другого, при чемъ сдѣлалъ
это въ довольно грубой формѣ (профессоръ отличался без-
содержательностью своихъ лекцій и грубостью): „эй, какъ
васъ тамъ, господинъ, уснувшій у печки, что не идете
отвѣчать, ваша очередь!“ Г. всталъ и отрѣзалъ профессору:
„во первыхъ, г профессоръ, я не сплю, такъ какъ доста-
точно выспался уже на вашихъ лекціяхъ, а во вторыхъ, я
никогда не ошибаюсь, и очередь идти отвѣчать не моя, въ
чемъ вы можете убѣдиться, если потрудитесь внимательно
посмотрѣть въ лежащій передъ вами списокъ экзаменую-
щихся.“ Профессоръ заглянулъ въ списокъ и увидалъ, что
онъ, дѣйствительно, ошибся. Быстро отпустивъ очередного,
профессоръ яростно принялся отомщать Г., гоняя его по
всему курсу, и, придравшись къ какой то ничтожной ошибкѣ,
поставилъ ему двойку. Г. принужденъ былъ остаться
на второй годъ на первомъ курсѣ. Другой разъ Г., уже по
окончаньи курса, позволилъ себѣ публично поспорить съ
министромъ, уличивъ его въ какой то ошибкѣ, и всѣ ду-
мали, что министръ (очень строгій) не спуститъ ему такой
дерзости, но случилось на оборотъ: министру очень понравил-
ось такое смѣлое выступленіе и отстаиваніе своихъ
взглядовъ молодымъ юристомъ, и онъ тутъ же далъ ему
повышеніе по службѣ. Г. отличался еще необычайною
мелочностью, которую онъ называлъ аккуратностью и пре-
данностью принципамъ. Такъ, напр., онъ взялъ себѣ за
принципъ, при встрѣчѣ съ прохожими на улицѣ, всегда
обходить ихъ съ правой стороны, и если случалось, что
какой либо прохожій обходилъ его тоже съ правой стороны,

то онъ возвращался назадъ, шелъ на встрѣчу этому прохожему и обходилъ его, всетаки, съ правой стороны. Когда случалось кому либо по ошибкѣ повѣсить на его вѣшалку пальто, онъ неизмѣнно скидывалъ его на полъ, и когда съ нимъ изъ за этого бранились, доказывая, что это „свинство“, что онъ могъ-бы перевѣсить пальто на сосѣднюю пустую вѣшалку, онъ неизмѣнно отвѣчалъ, что такъ поступая, онъ потакалъ бы человѣческой небрежности и невнимательности, что противорѣчить его принципу о необходимости внѣдрять въ людей аккуратность и внимательность. За это товарищи, когда пальто, сброшенное на полъ, оказывалась испачканнымъ или затоптаннымъ, внѣдряли въ него тумаками идеи о необходимости бережнаго обращенія съ чужимъ добромъ.

Ученикъ Д. полный, румяный, жизнерадостный юноша. Отличался необычайно близорукостью. Прославился, какъ замѣчательный классикъ. Несомнѣнно, что ни до него, ни послѣ Саратовская гимназія въ своихъ стѣнахъ не видала такого знатока древнихъ языковъ, какъ Д. Про него рассказывали, что его любимымъ развлеченіемъ было читать объемистые словари греческіе и латинскіе. Замѣчательно, что лингвистическія способности не затемняли въ немъ способностей къ другимъ предметамъ, и въ особенности къ математикѣ. Самъ строжайшій Иванъ Ивановичъ Зелинскій на выпускномъ экзаменѣ поставилъ ему круглыя пять. Интересно то, что до 4-го класса Д. учился очень слабо и почти былъ кандидатомъ на изгнаніе, и только съ 4-го класса, какъ говорится, взялся за умъ и сразу удивилъ своихъ учителей, какъ своими блестящими способностями, такъ своимъ благонаравіемъ и трудолюбіемъ. Шутники увѣряли, будто съ нимъ произошла такая быстрая и рѣзкая переменна послѣ того, какъ одинъ его родственникъ, серьезный и не любящій шутить господинъ, заманилъ его къ себѣ въ домъ и основательно высѣкъ, пообѣщавъ и въ будущемъ неоднократно это повторить, если онъ не исправится. Это, конечно, шутка; никто его не сѣкъ, но вѣрно, кажется, то что на Д. мало обращали въ дѣтствѣ вниманія его родители, и онъ распустился, а родственникъ, про котораго говорили, будто онъ его высѣкъ, принялъ участіе въ судьбѣ нѣсколько заброшеннаго мальчика и такъ съу-

мѣль благотворно на него повліять, пробудивъ въ немъ самосознаніе и самолюбіе, что въ томъ сдѣлалась сразу рѣзкая пере мѣна въ хорошую сторону.

Никогда въ гимназіи небыло такого примѣра, чтобы ученики младшихъ классовъ помогали ученикамъ старшихъ классовъ писать переводы по древнимъ языкамъ, а про Д. говорили, что онъ, будучи только въ 4-мъ классѣ, писалъ упражненія для учениковъ 8-го класса.

Своею спеціальностью въ университетѣ Д., конечно, избралъ древніе языки. По окончаніи курса, пробывъ нѣсколько лѣтъ преподавателемъ древнихъ языковъ въ гимназіи, онъ издалъ какое то замѣчательное изслѣдованіе о греческомъ языкѣ, чѣмъ обратилъ на себя вниманіе въ высшихъ учебныхъ кругахъ и черезъ это сдѣлалъ быструю и блестящую карьеру на педагогическомъ поприщѣ. Я слышалъ, что онъ въ настоящее время считается однимъ изъ лучшихъ знатоковъ древнихъ языковъ въ Россіи.

Ученикъ Е. здоровенный дѣтина, огромнаго роста, отличался тѣмъ что въ каждомъ классѣ сидѣлъ по два года, и, просидѣвъ въ гимназіи шестнадцать лѣтъ, вышелъ, не окончивъ курса (изъ 7-го класса). Въ шестомъ классѣ онъ давалъ такія представленія: становился среди класса, нѣсколько разставивъ ноги, и товарищи его, которые были пониже ростомъ, проходили у него между ногъ, лишь слегка нагибаясь. Онъ прославился на всю гимназію своею страстью къ иностраннымъ словамъ. Говорятъ, что онъ все свободное время посвящалъ изученію словаря иностранныхъ словъ. Въ гимназіи часто товарищи приставали къ нему, чтобы онъ сказалъ какую нибудь рѣчь изъ иностранныхъ словъ, и онъ рѣдко отказывался. Становился въ позу и импровизировалъ какую либо безсмыслицу, въ родѣ напр. слѣдующей: „глубоко-уважаемые коллеги и компатріоты! Будучи абитуриентомъ саратовскаго колледжа, я всегда стремился къ прогрессу въ области потевиціальной эмоціи и считаю ретроградями и импозантными индивидуумами веѣхъ тѣхъ, которые игнорируютъ тривіальную трансформацию идеализированной субстанціи міровой протоплазмы. Регрессъ, атавизмъ и индеферентность соціальныхъ проблемъ всегда служили коэффициентами психо-метафизическихъ аггредиен-

товъ въ сферѣ импульсивныхъ атрибутовъ локализованной дѣйствительности и т. д. въ этомъ родѣ до безконечности.

Дружный хохотъ и рукоплесканія награждали оратора за его импровизацію. Курьезно было то, что Е. до такой степени пропитался иностранными словами, что даже въ обыкновенныхъ разговорахъ не могъ удержаться отъ нагроможденія бессмысленныхъ словъ, и безъ смѣха его нельзя было слушать. Однажды на гимназическомъ вечерѣ въ коммерческомъ клубѣ, во время концертнаго отдѣленія, я вижу, какъ Е., взволнованный, протискивается черезъ толпу гимназистовъ къ надзирателю, стоявшему рядомъ со мной, и шепчетъ: „вы представьте себѣ такую ситуацію: я ему начинаю констатировать фактъ, а онъ, не дождавшись резолютивнаго абсолюта, эмигрируетъ меня кулакомъ по уху“. Оказалось, что Е. въ буфетѣ поссорился съ неизвѣстнымъ пьянымъ господиномъ, который, обидившись на какія то иностранныя слова, показавшіяся ему оскорбительными, ударилъ Е. кулакомъ по уху. Отвѣты свои въ классѣ Е. также пересыпалъ иностранными словами, и никакія двойки и единицы не могли его удержать отъ этой слабости. Сочиненія его состояли изъ набора иностранныхъ, самыхъ трехъэтажныхъ словъ. Такъ, кажется, изъ за этой глупой слабости Е. принужденъ былъ выйти изъ гимназій.

Ученикъ Ж., высокій, худощавый брюнетъ изъ нѣмцевъ-колонистовъ, прекрасно учился, прошелъ все девять классовъ гимназій, нигдѣ не оставаясь на второй годъ. Замѣчательнень былъ своею аккуратностью, педантичностью и упрямствомъ. Однажды, я помню, съ нимъ въ седьмомъ классѣ на экзаменѣ по математикѣ произошелъ такой казусъ. Онъ сталъ рѣшать алгебраическую задачу, весьма обыкновеннаго типа, какимъ то новымъ, изобрѣтеннымъ имъ способомъ. Учитель Полетика, посмотрѣвъ его работу, сказалъ, чтобы онъ рѣшалъ старымъ способомъ, такъ какъ придуманный имъ новый пріемъ совершенно непримѣнимъ, и, вообще, неправиленъ. Ж. отвѣтилъ, что онъ докажетъ ему, что новый способъ вполнѣ примѣнимъ и правиленъ, и продолжалъ рѣшать задачу своимъ способомъ. Задачи онъ не рѣшилъ, получилъ единицу и долженъ былъ держать переэкзаменовку. За все девять лѣтъ Ж. не пропустилъ ни одного

урока. Никакая сила, кромѣ стихійно—непреодолимой, не могла заставить его пропустить классныя занятія. За всѣ девять лѣтъ небыло ни одного случая, чтобы Ж. явился въ классъ, не приготовивъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ всѣ уроки. По окончаніи гимназіи Ж. поступилъ на медицинскій факультетъ и впослѣдствіи сдѣлался земскимъ врачомъ, и, какъ я слыхалъ, считается въ уѣздѣ, гдѣ онъ служитъ, однимъ изъ самыхъ лучшихъ, добросовѣстныхъ и знающихъ врачей.

Какъ на школьной скамьѣ, такъ и на поприщѣ служенія больному человѣчеству, Ж. остался вѣренъ себѣ, ставя долгъ и обязанности выше личныхъ интересовъ и расчетовъ. Ж. пользуется всеобщимъ уваженіемъ и громадною популярностью въ своемъ районѣ. Достоинно замѣчанія, что большинство нѣмцевъ-колонистовъ, получающихъ высшее образованіе, на какомъ бы поприщѣ они ни служили, выдѣляются какъ лучшіе, серьезные, добросовѣстные работники, трезвые, честные, и аккуратные.

Маленькую галерею, болѣе или менѣе оригинальныхъ типовъ моихъ школьныхъ товарищей, я закончу воспоминаніемъ о замѣчательно даровитомъ юношѣ З. Онъ проиходилъ изъ крестьянъ. Отецъ его умеръ, когда З. еще былъ маленькій, и онъ остался на попеченіи матери, занимавшейся поденной работой. Сначала онъ учился въ городской школѣ и обратилъ на себя вниманіе выдающимсяъ способностями. Какой-то добрый человѣкъ помогъ его матери помѣстить его въ гимназію. Не смотря на тяжелыя условія, въ которыхъ приходилось жить З., онъ и въ гимназіи продолжалъ прекрасно учиться. Полуголодный, плохо одѣтый, безъ учебниковъ, онъ шелъ первымъ ученикомъ. Уроки онъ готовилъ въ классахъ, урывками, во время перемѣнъ, и, всетаки, блестяще отвѣчалъ. При природныхъ, замѣчательныхъ способностяхъ, З. обладалъ громаднымъ честолюбіемъ и стремился быть первымъ не только въ наукахъ, но рѣшительно во всемъ, даже въ порокахъ. Благодаря ли талантивности своей природы, или своей сильной волѣ З., дѣйствительно, удавалось первенствовать между своими товарищами во всѣхъ отношеніяхъ; съ самаго перваго класса до послѣдняго онъ сохранилъ за собою репутацію „перваго“ во всѣхъ играхъ и забавахъ. Въ младшихъ классахъ онъ лучше всѣхъ игралъ

въ перышки и въ лапу, въ старшихъ классахъ онъ выучился лучше всѣхъ танцовать, играть на билліардѣ и пить водку. При окончаніи курса въ гимназіи, когда громадное большинство гимназистовъ понятія не имѣло о билліардѣ, онъ игралъ, какъ самый лучшій маркеръ. Этому искусству, а равно другому (вѣрнѣе сказать, пороку) — пить водку, онъ научился, главнымъ образомъ, въ шестомъ классѣ, во время уроковъ исторіи. Это можетъ показаться забавнымъ, но это вѣрно. З и нѣскольکو близкихъ его товарищей, лишенныхъ, какъ и онъ, хорошаго домашняго надзора, рано начали вести образъ жизни взрослыхъ людей, посѣщая разныя увеселительныя мѣста, въ родѣ трактировъ, билліардныхъ и т. под., а также предаваясь разгулу и пьянству. Началось это съ шестого класса. Теплая компанія облюбовала уроки исторіи, какъ наиболѣе, по ея мнѣнію, скучныя и бесполезныя, и на время этихъ уроковъ исчезала въ ближайшій трактиръ (знаменитый въ свое время на Царицынской улицѣ „Капернаумъ“) и тамъ предавалась „благородному“ билліардному спорту, иногда съ выпивкой. Страницы класнаго журнала, въ которомъ отмѣчались отсутствующіе на урокахъ, просто выдирались послѣ членами этой компаніи. Такимъ то путемъ З. „на урокахъ“ исторіи достигъ виртуозности въ билліардной игрѣ. Такъ какъ въ сильно пьяномъ видѣ нельзя было возвращаться въ гимназію, то виртуозность въ выпивкѣ достигалась уже вечерними посѣщеніями разныхъ капернаумовъ. Про З. говорили, что онъ могъ выпить больше всѣхъ и оставался трезвѣе всѣхъ. Однажды онъ на пари (какъ одинъ изъ героевъ въ романѣ Толстого „Война и миръ“) выпилъ бутылку коньяку, сидя на окнѣ третьяго этажа, ногами наружу. З. былъ прекрасный товарищъ услужливый, охотно помогавшій обращающимся къ нему за помощію. Солидарность къ товарищамъ проявлялъ во всѣхъ случаяхъ, и даже, когда это задѣвало его честолюбіе. Однажды онъ только вздумалъ поартачиться, но всетаки уступилъ въ концѣ, и вышло это довольно курьезно. Въ седьмомъ классѣ, на урокѣ алгебры, большинство рѣшило отказаться отвѣчать, ввиду трудности урока и просить Петра Романовича еще разъ объяснить заданное (кажется, теорію соединеній или биномъ Ньютона). Петръ Романовичъ былъ не въ духѣ, разсердился

и началъ ставить единицы веѣмъ, кто поднимался съ заявленіемъ объ отказѣ. З. успѣлъ, по обыкновенію въ переѣмъну пробѣжать трудный урокъ, понялъ его и сидѣлъ, не имѣя надобности отказываться. Но сосѣдь его, компаньонъ по посѣщенью капернаумовъ, не зналъ урока, и потребовалъ, чтобы З. изъ солидарности также всталъ и отказался. З. запротестовалъ, не желая зря получать единицу. Сосѣдь его (громаднаго росту) пользуясь моментомъ, когда Петръ Романовичъ смотрѣлъ въ журналъ, поднялъ З. за волосы и заставилъ таки и его отказаться отъ урока.

Слѣдующій часъ былъ урокъ физики, которую преподавалъ тотъ же Петръ Романовичъ. Онъ вызвалъ отвѣчать З. и случайно затронулъ вопросъ о соединеніяхъ (алгебраическихъ,) причѣмъ З., къ большому его удивленію, обнаружилъ прекрасное знаніе того, отъ чего только что передъ этимъ отказался. П. Р. конечно, поинтересовался узнать — какая же причина заставила его отказаться отъ урока, который онъ такъ хорошо зналъ. З. отвѣтилъ прямо, что отказался изъ солидарности съ товарищами. Мы, зная, какая это была „солидарность“, всѣ раземѣялись, и П. Р., узнавъ причину смѣха, пришелъ въ веселое настроеніе и зачеркнулъ всѣ поставленныя передъ этимъ единицы.

ГЛАВА II.

Петербургскій Университетъ.

По окончаніи курса въ гимназіи, я поступилъ на юридическій факультетъ Петербургскаго Университета. Послѣдній я выбралъ потому, что въ Петербургѣ жилъ мой родственникъ, у котораго я могъ поселиться; что же касается выбора факультета, то таковой былъ сдѣланъ случайно, безъ всякихъ соображеній о его выгодѣ или соотвѣтствіи способностямъ. Почему то мнѣ, просто, показались другіе факультеты трудными, и я выбралъ наилегчайшій. Впослѣдствіи я убѣдился, что сдѣлалъ крупную ошибку, но поправлять ее было поздно.

Какъ самый городъ Петербургъ, такъ и зданіе университета первое впечатлѣніе произвели на меня не благоприятное. Пріѣхалъ я въ дождливую погоду, и всѣ громадныя дома—ящички имѣли какой то угрюмо зловѣщій видъ; массы ихъ производили давящее впечатлѣніе. Университетъ, съ своимъ длиннымъ узкимъ корридормомъ, и клѣтушками аудиторіями совершенно не соотвѣтствовалъ тому величественному представленію о храмѣ науки, которое сложилось у меня объ немъ ранѣе. Я предполагалъ, что зданіе университета одно изъ самыхъ величественныхъ и красивыхъ въ столицѣ, а въ дѣйствительности, увидалъ, что оно чуть ли не одно изъ самыхъ плохихъ общественныхъ зданій.

Непріятно поразила меня, при первомъ же посѣщеніи университета, встрѣча съ чиновниками-бюрократами, возсѣдавшими въ канцеляріи. Холодно вѣжливое и вмѣстѣ сурово надменное отношеніе чиновниковъ-канцеляристовъ производило расхолаживающее впечатлѣніе. Прежде всего, я, понятно, поинтересовался узнать—были ли получены въ канцеляріи мои прошенія и документы, и принять ли я, вообще., въ университетъ. Точно стоворившись, всѣ, къ

которымъ я обращался, не наводя никакихъ справокъ, отвѣчали неизмѣнно: „разъ бумаги посланы—значить получены.“ Я не вытерпѣлъ и послѣдному, сказавшему мнѣ эту фразу—чиновнику, съ типичной петербургской геморроидальной физиономіей, особенно мнѣ не понравившейся, сказалъ: „бумага не ядро, которое изъ пушки выпалать и оно всегда долетитъ куда слѣдуетъ; бумаги могутъ пропасть въ дорогѣ, на почтѣ.“ Чиновникъ посмотрѣлъ на меня своими рыбьими глазами и невозмутимо отвѣтилъ: „я въ артиллеріи не служилъ и . . . извините меня: очень занятъ.“

Такъ и не добился я никакого толку, усвоивъ только новый афоризмъ: „разъ послано—значить получено“.

Ректоромъ университета въ то время былъ Андреевскій, профессоръ полицейскаго права. Это былъ талантливый лекторъ, блестящій ораторъ, симпатичнѣйшій человѣкъ и прекрасный администраторъ. Кромѣ того, при большомъ умѣ, онъ обладалъ громаднымъ тактомъ и умѣлъ необычайно искусно улаживать всякіе конфликты между студентами и профессорами и сглаживать всякія тренія съ вышей учебной администраціею. Онъ пользовался громадною любовью и популярностію среди студентовъ. Одно появленіе его всегда успокоительно дѣйствовало на взволнованную чѣмъ либо молодежь. Въсѣтъ съ тѣмъ, онъ самъ нисколько не шелъ на ветрѣчу такой популярности, не заискивалъ у молодежи и непотворствовалъ ей ни въ чемъ. Онъ носилъ въ себѣ особый даръ покорять сердца людей только обаяніемъ своей высоко-правдивой, чистой личности. Въ обращеніи онъ былъ необычайно простъ и доступенъ. Студенты шли къ нему со всякой доукою, и для всѣхъ онъ находилъ ласковое, ободряющее слово.

Составъ профессоровъ юридическаго факультета пестрѣлъ громкими именами, извѣтными не только у насъ, въ Россіи, но и за границую. Изъ нихъ могу назвать: Градовскій, профессоръ государственнаго права, Мартенсъ—международнаго права, Фойницкій—уголовнаго права, Янсонъ—статистики, Горчаковъ—церковнаго права, Сергеевичъ—русскаго права. Всѣ перечисленныя лица—были не только выдающіеся профессора, но и знаменитые ученые, съ именами которыхъ, какъ съ родоначальниками, связаны самые предметы, которые они читали. Списокъ этотъ слѣдуетъ дополнить еще профессоромъ Кор-

куновымъ, который при мнѣ только начиналъ свою профессорскую дѣятельность и впоследствии, если не сталъ знаменитостью, равною вышеперечисленнымъ, то во всякомъ случаѣ считался однимъ изъ выдающихся ученыхъ русскихъ криминалистовъ. Ректоръ Андреевскій считался родоначальникомъ полицейскаго права, которое онъ первый ввелъ въ Россіи.

Остальные профессора, какъ говорится, не портили общаго ансамбля, за немногими исключеніями. Изъ нихъ самый большой диссонансъ въ ученую семью вносилъ, блаженной памяти, профессоръ Вреденъ, про котораго студенты острили, что онъ „не столь вреденъ, сколь бесполезенъ“. Острота очень удачная; именно онъ былъ бесполезенъ, ибо научнаго въ себѣ рѣшительно ничего не заключалъ. Происходилъ онъ изъ финляндцевъ. Въ молодости написалъ на своемъ родномъ языкѣ курсъ политической экономіи, и не имѣя никакого дѣйствительнаго призванія къ наукѣ, больше къ ней не возвращался, а обладая хорошимъ состояніемъ, занимался исключительно биржевыми спекуляціями, на которыхъ и прогорѣлъ. Друзья-пріятели его вспомнили, что онъ когда то написалъ курсъ политической экономіи и надоумили его попроситься въ профессора. Связи нашлись, книжку перевели съ чухонскаго языка на русскій, и Вреденъ сдѣлался профессоромъ. Кто переводилъ книжку на русскій языкъ я не знаю, можетъ быть и самъ Вреденъ, но врядъ-ли, такъ какъ она была переполнена самыми возмутительными, безтолковыми, безграмотными ошибками. Вѣроятно переводъ сдѣлалъ какой либо малограмотный чухонецъ, иначе трудно объяснить такія выраженія, какія попадались въ книгѣ напр.: „стущенный трудъ въ столѣтнемъ деревѣ“. Попадались иногда цѣлыя страницы, гдѣ никакъ нельзя было—уловить смысла. Содержаніе книги, конечно, было отчаянно устарѣвшее. Всѣ упоминавшіеся ученые составляли археологическую древность.

Этою-то премудростью, безъ всякихъ измѣненій, Вреденъ угощалъ студентовъ изъ года въ годъ. На лекціяхъ его (состоявшихъ въ чтеніи этой допотопной книги), студенты буквально спали и только просыпались, когда профессоръ былъ въ ударѣ и начиналъ рассказывать анекдоты. Последніе онъ рассказывалъ безподобно. Сюжетомъ ихъ служили безчисленныя приключенія, случавшіеся съ нимъ

во время его заграничныхъ путешествій. Анекдоты бывали иногда слегка игриваго свойства. Иногда анекдоты выбирались изъ жизни петербургскихъ чиновно финансовыхъ сферъ.

Сверхъ курса, профессоръ знакомилъ студентовъ съ тѣмъ, что онъ, въ дѣйствительности только и зналъ,—съ банковскими и биржевыми операціями, съ фондами, траттами, мессами и т. под. аггредіентами банкирскихъ операцій; знакомилъ онъ до тонкости съ устройствомъ биржъ въ Парижѣ, въ Берлинѣ и въ особенности въ Лондонѣ. Лондонская биржа была его конекъ. Горе было студенту на экзаменѣ, который позабылъ бы какое нибудь техническое названіе одного изъ отдѣловъ лондонской биржи.

Нѣкоторыя названія даже требовалось произносить по англійски. Однажды одинъ студентъ на экзаменѣ вмѣсто какого то слова, въ родѣ „хоусъ-галле“ сказалъ нѣмецкое „біеръ-халле“ (пивная), за что получилъ единицу. Всѣ эти свѣдѣнія, нужныя развѣ только для банковскихъ чиновниковъ, сообщавшіеся Вреденомъ на лекціяхъ, записывались студентами, и къ концу года изъ нихъ составлялся, такъ называемый, Вреденовскій катехизисъ. Каждый студентъ передъ экзаменомъ выучивалъ его на зубокъ и успѣхъ экзамена, главнымъ образомъ, зависѣлъ отъ знанія этого катехизиса. Иногда Вреденъ на экзаменъ приносилъ съ собою номера газетъ и заставлялъ студентовъ объяснять значеніе всѣхъ названій въ отдѣлѣ биржевыхъ бюллетеней. Изъ своего допотопнаго курса онъ спрашивалъ очень мало, обыкновенно только начальныя фразы билета. Это было истиннымъ благодѣяніемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда, дальше первыхъ, обыкновенно громкихъ фразъ, шла какая нибудь чепуха, которую нельзя было понять, а потому и запомнить. Много зависѣло отъ апломба, съ которымъ студентъ произносилъ первую фразу. Если апломба было много, это нравилось Вредену, и онъ обыкновенно, прямо переходилъ на катехизисъ. Неувѣренное начало вселяло въ него подозрѣніе, и онъ мрачно молчалъ, предоставляя экзаменуемому дальше обнаруживать свои познанія ископаемаго курса.

Если студентъ имѣлъ несчастье попасть на безтолковое мѣсто,—онъ пропадалъ; иногда, впрочемъ, спасало знаніе

катехизиса. Я имѣлъ несчастье попасть именно на такое безтолковое мѣсто. Меня выручило лишь то, что первая фраза была очень громкая и выпалилъ я ее со всеѣмъ, доступнымъ для меня апломбомъ. Начало билета именно гласило: „природа для человѣка не всегда бываетъ доброю матерью, но иногда злою мачихою“; дальше я только помнилъ, что говорилось о какой то мозаикѣ, и такъ безтолково, что я сути не могъ понять и потому не могъ передать и содержанія. Едва я кончилъ свое блестящее вступленіе, какъ тушеобразная фигура Вредена заколыхалась отъ добродушнаго смѣха, и онъ милостиво удостоилъ меня похвалить (забывши, вѣроятно, что я повторяю только его слова): „очень хорошо и остроумно сказано, именно злая мачиха“. Чтобы еще больше гарантировать свое спасеніе отъ предстоящей дальнѣйшей чепухи, я поспѣшилъ отказаться отъ приписаннаго мнѣ остроумія въ пользу настоящаго автора и сказалъ: „это, г. профессоръ, я повторяю только ваши слова“. „Очень хорошо, благодарю за прекрасный отвѣтъ, можете идти.“ И такъ, я былъ спасенъ. Справедливость требуетъ добавить, что строго судить Вредена за такіе „коротенькіе“ экзамены было нельзя. На экзаменъ къ нему записалось около 600 человѣкъ, которыхъ надо было проэкзаменовать въ 6 дней, т. е. по 100 ч. въ день. Надо было имѣть воловье здоровье, чтобы не развинтиться отъ такой напряженной работы. Вреденъ такимъ здоровьемъ и обладалъ. Это былъ мужчина высокаго роста, чрезвычайно крѣпкаго сложенія; лицо у него было мѣдно-краснаго цвѣта, голова вся полусѣвшая. Во время экзаменовъ онъ, для подкрѣпленія силъ, пилъ водку, которую передъ нимъ ставили на кафедрѣ въ зельтерской бутылкѣ. Послѣ изрядной стаканной порціи онъ еще болѣе багровѣлъ, и видъ имѣлъ прямо страшный.

Экзаменъ по политической экономіи почему то всегда назначался первымъ. Благодаря вышеописаннымъ экзаменаторскимъ приѣмамъ Вредена, сводившимъ испытанія къ чистѣйшимъ случайностямъ, ряды экзаменующихся уже къ слѣдующему экзамену значительно рѣдѣли. Слѣдующій экзаменъ былъ по философіи права, которую читалъ профессоръ Бершадскій. Впослѣдствіи мнѣ пришлось слышать, будто это былъ выдающійся по уму и по способностямъ человѣкъ, энциклопедически образованный, но къмъ то не

понятый, кѣмъ то гонимый. Специальность его была какая то другая, и философію права онъ читалъ по необходимости, въ родѣ актера, исполняющаго экспромтомъ чужую роль своего заболѣвшаго товарища. Можетъ быть то, что я впоследствии слышалъ объ этомъ профессорѣ, и было правильно, но въ то время, онъ, какъ своей особой, такъ и своими лекціями столь лестнаго мнѣнія о себѣ не заслуживалъ. Его лекціи, по содержанию, были ниже всякой критики.

Онѣ изъ себя представляли крошку философскихъ системъ отъ древнѣйшихъ временъ до послѣднихъ дней. Ни анализа, ни критики, сколько нибудь приличной, этихъ системъ не было. Всѣ системы были сжаты не по смыслу, а механически, совершенно такъ, какъ едѣлалъ это Писаревъ, которому одинъ профессоръ предложилъ „сжать“ какого то нѣмецкаго философа, и онъ сжалъ каждую отдѣльную фразу, не заботясь объ общей связи и объ общей мысли. Почти весь курсъ состоялъ изъ перечисленія неходныхъ точекъ и отправныхъ пунктовъ разныхъ философовъ. Точки и пункты задалбливались передъ экзаменомъ наизусть, безъ всякаго толка и смысла. Общее впечатлѣніе отъ всего курса получалось такое, будто это была сокращенная хронологическая запись бредовыхъ или безумныхъ идей цѣлаго ряда сумасшедшихъ представителей человѣчества, не умѣвшихъ объяснить до чего они додумались, или чего они желаютъ. Не мало, конечно, способствовало такому впечатлѣнію полная неподготовленность слушателей къ воспріятію отвлеченныхъ идей, облекаемыхъ въ совершенно непонятныя формулы, съ массой техническихъ, иностраннаго происхожденія, словъ. Я совершенно не понимаю, какъ можно только было додуматься до того, чтобы включить философскую науку на первый курсъ, гдѣ слушателями являются иногда мальчики семнадцати лѣтъ. Здравый смыслъ подсказываетъ, что въ каждомъ дѣлѣ обученіе должно идти отъ простаго къ сложному, а почему рѣшили, что для юристовъ это должно быть на оборотъ.—никакъ понять невозможно. Какъ лекторъ, Бершадскій былъ также плоховатъ; читалъ онъ почему то всегда стоя, раскачиваясь изъ стороны въ сторону, какъ маятникъ; голосъ имѣлъ какой то однотонный, усыпляющій; рѣчь его всегда носила характеръ какого то скучнаго доклада въ скучномъ обществѣ, или, вѣрнѣе, чте-

нія длиннаго и скучнаго обвинительнаго акта. Справедливость требуетъ сказать, что Бершадскій, какъ человѣкъ, былъ безусловно симпатиченъ; на экзаменахъ это былъ самый корректный и гуманнѣйшій профессоръ. Относился онъ ко всемъ ровно и спокойно; при оцѣнкѣ отвѣтовъ былъ чрезвычайно снисходителенъ. Студенты, въ общемъ, его любили, и, хорошо подготовленные, шли къ нему на экзаменъ безъ всякаго страха, увѣренные, что не сдѣлаются жертвами несчастной случайности.

Исторію русскаго права на первомъ курсѣ читалъ заслуженный профессоръ Сергѣевичъ. Это былъ въ полномъ смыслѣ заслуженный профессоръ.

Человѣкъ исключительно преданный наукѣ, изумительной работоспособности. Все его лекціи и сочиненія носятъ печать необычайной вдумчивости. Ни одной не проверенной мысли, ни одного не провереннаго положенія не встрѣтите вы въ его многотомныхъ научныхъ трудахъ. Все писавшіе о немъ критики сходились на признаньи за нимъ неопредѣлимыхъ заслугъ по изслѣдованію источниковъ русскаго государственнаго права. Читавшійся имъ курсъ былъ громаднѣйшій, но благодаря легкому, художественному языку, изученіе его не представляло большихъ трудностей. На экзаменахъ Сергѣевичъ былъ очень нетребователенъ, радовался малѣйшему проблеску знанія, много самъ говорилъ, вступалъ въ собесѣдованія со студентами, иногда даже въ споры. Все это дѣлалъ чрезвычайно вѣжливо, мягко, деликатно. Студенты, даже не получившіе удовлетворительной отмѣтки (что случалось чрезвычайно рѣдко), уходили очарованные его обращеніемъ, и съ полнымъ сознаніемъ своей абсолютной виновности въ неудачѣ экзамена.

Въ мое время, на первомъ же курсѣ читалась энциклопедія права. По содержанію этотъ предметъ близко подходилъ къ исторіи философіи права, и ему мѣсто, конечно, было бы на послѣднемъ, а не на первомъ курсѣ. Совершенно неподготовленные къ философскому мышленію и незнакомые съ специальной философскою терминологіей, — вчерашніе гимназисты тщетно старались что нибудь понять въ лекціяхъ талантливаго, но говорящаго скороговоркою профессора. Коркуновъ не говорилъ, а просто выпаливалъ фразы, безъ малѣйшей запинки, заминки и задоринки.

Никакія трудныя мысли, никакія сложныя фразы, никакія термины не могли ни на секунду замедлить потока бурнаго краснорѣчія. Это былъ какой то безудержный каскадъ словъ и фразъ, въ изящной и красивой отдѣлкѣ.

Къ концу курса, однако, многіе освоились съ предметомъ и не безъ пользы для себя слушали лекціи Коркунова. Послѣднія, по содержанию, представляли полную противоположность лекціямъ Бершадекаго. Стройно развитыя философскія системы были сжато, но въ высшей степени понятно и просто изложены прекраснымъ, литературнымъ языкомъ; критика на каждую систему поражала своею логичностью и обоснованностью. Особенно хорошо обработанъ былъ отдѣлъ о свободѣ воли. Такого простого, яснаго, толковаго объясненія всего касающагося этого обширнаго вопроса — мнѣ послѣ нигдѣ не приходилось читать. На экзаменахъ Коркуновъ предъявлялъ строгія требованія, но „рѣзакомъ“ не былъ, и всякій, знавшій предметъ, шелъ экзаменоваться спокойно. Еще на первомъ курсѣ читалась профессоромъ Дорномъ догма римскаго права. Предметъ этотъ, по моему мнѣнію, совершенно схоластическій, не дающій ничего ни уму ни сердцу и способный въ юристахъ развивать развѣ одну наклонность къ крючкотворству. Какъ сухъ и безжизненъ былъ этотъ предметъ, также сухъ и безжизненъ былъ преподававшій его профессоръ.

На экзаменахъ онъ душилъ студентовъ латинскими цитатами, и малѣйшее перевираніе ихъ вело иногда къ печальнымъ послѣдствіямъ. Большинство студентовъ питало отвращеніе какъ къ догмѣ, этой самой, такъ и къ ея насадителю. Впослѣдствіи отъ своихъ товарищей, едѣлавшихся изрядными цивилистами, я слыхалъ, что изученіе догмы римскаго права чрезвычайно способствуетъ развитію вообще юридическаго мышленія и потому оно, дѣйствительно, составляетъ необходимый фундаментъ гражданскаго права; однако изучавшіе этотъ фундаментъ по Дорну, послѣднему особенной благодарности не выказывали.

На второмъ курсѣ читались русское государственное право, статистика, церковное право, полицейское право, и государственное право иностранныхъ державъ.

Первый и послѣдній предметы читалъ знаменитый профессоръ А. Д. Градовскій. Это былъ глубокій знатокъ своего

предмета, блестящій лекторъ, увлекающій ораторъ. Его курсъ русскаго государственнаго права считался образцовымъ, какъ со стороны содержанія, такъ и по формѣ. Точно научный, изящный и художественный языкъ дѣлали его курсъ доступнымъ всеобщему пониманію. Особая способность придавать сухому, мертвенному матеріалу какую-то жизненность дѣлали его курсъ интереснымъ не только для юристовъ и законовѣдовъ, но и для широкихъ слоевъ интеллигенціи. Что касается его блестящихъ, ораторскихъ способностей, то здѣсь слѣдуетъ сдѣлать оговорку двоякаго рода. Блестящимъ ораторомъ Градовскаго можно было признать не по формѣ его рѣчей и не по манерѣ говорить, а по содержанію рѣчей, по тѣмъ глубокимъ и остроумнымъ мыслямъ, которыя онъ въ нихъ вкладывалъ. Говорилъ-же вообще Градовскій не гладко, съ заминками для подысканія подходящихъ словъ или выраженій. Кромѣ того Градовскій блестяще говорилъ, когда находился въ ударѣ, въ настроеніи. Тогда у него замѣчался подъемъ духа заразительно дѣйствующій на слушателей, голосъ принималъ, смотря по оборотамъ мысли, то нѣжную пѣвучесть, то вдохновенную мощь, то дѣлался шипящимъ, при обличительныхъ сарказмахъ; когда же Градовскій былъ не въ духѣ, рѣчь его становилась вялою, тусклою, безцвѣтною, наводящею скуку на слушателей. Рѣзкія перемѣны въ его настроеніяхъ, какъ я слышала, зависѣли отъ хронической болѣзни печени, которою онъ страдалъ. Эта болѣзнь знаменитаго профессора была истиннымъ бичемъ для студентовъ на экзаменахъ. Подъ вліяніемъ усталости болѣзнь обострялась, и Градовскій, по временамъ, становился совершенно невозможнымъ экзаменаторомъ. Во время приступовъ болѣзни у профессора являлось какое то не-обыкновенно злобное и саркастическое настроеніе. Колы и двойки сыпались какъ изъ рога изобилія за малѣйшую ошибку или перевираніе слова. Случалось иногда, что послѣ нѣсколькихъ рядовыхъ коловъ, не находилось желающихъ экзаменоваться, и всѣ сидѣли не двигаясь въ аудиторіи, въ состояніи паники. Слышно было только какъ вздыхаетъ тяжело и отрывисто больной профессоръ.

Вдругъ найдется какойнибудь смѣльчакъ и выйдетъ отвѣчать. Случалось, что не успѣетъ онъ, буквально, сказать двухъ

трехъ словъ, какъ Градовскій ставить ему пятерку, благодарить за блестящій отвѣтъ и жметъ руку. За смѣльчакомъ сейчасъ же выходитъ слѣдующій, но не успѣетъ онъ также сказать двухъ, трехъ словъ, какъ получаетъ единицу. Опять паника и бѣгство изъ аудиторіи. Иногда такая игра въ кошки и мышки продолжалась часами, пока не возвращалось къ Градовскому здоровое настроеніе.

Одною изъ странностей Градовскаго была его ужасная нелюбовь къ евреямъ, доходящая до явнаго пристрастія и нетерпимости. Даже, когда онъ бывалъ въ хорошемъ настроеніи, достаточно было какому нибудь студенту-еврею вмѣсто слова „спикеръ“ сказать „шкиперъ“, какъ готова была единица. Однажды на экзаменѣ одинъ еврей, желая угодить Градовскому знакомствомъ съ его учеными трудами, ввернулъ такую фразу: „какъ вы г. профессоръ изволили выразиться въ своемъ сочиненіи.“

„Какъ, что, гдѣ я изволилъ такъ выразиться?“ насторожился Градовскій.

Студентъ сказалъ названіе книги (принадлежавшей, какъ оказалось, однофамильцу Градовскаго, его литературному и научному врагу).

„— Если-бы я позволилъ себѣ такъ выразиться, я не имѣлъ бы чести васъ теперь экзаменовать, такъ какъ не-былъ бы профессоромъ“ — съ ехидствомъ прошипѣлъ Градовскій, и, не спрашивая дальше, поставилъ студенту единицу.

Профессоромъ полицейскаго права, какъ сказано было выше, былъ самъ ректоръ Андреевскій. Параллельно съ нимъ тотъ же курсъ читалъ зять Андреевскаго, профессоръ Ведровъ. Андреевскій читалъ первую половину курса, — Ведровъ вторую. Говорили, что Ведрову не хватило кафедры по его специальности, и Андреевскій уступилъ ему половину своего курса. Курсъ Андреевскаго былъ чрезвычайно устарѣлый и безсодержательный, и имѣющагося въ немъ матеріала и на одного лектора хватало бы съ избыткомъ, а не то что на двоихъ. Такое странное чтеніе одного и того-же курса одновременно съ начала и съ конца вышучивалось студентами и они, смѣясь, говорили, что Андреевскій и Ведровъ „дуютъ бѣлку въ хвостъ и въ гриву“. Относительно самаго предмета „Полицейское право“ слѣдуетъ

сказать, что оно совершенно не соответствовало своему назначению. Гораздо правильнее его было бы назвать социологиею. По первоначальному проекту, кажется, что этот предмет такъ и назывался, но въ послѣдній моментъ названіе было признано неудобнымъ и замѣнено болѣе благонамѣреннымъ. При введеніи этого курса въ университетъ, заглавіе его ввело въ заблужденіе полицейскія власти столицы, и градоначальникъ просилъ разрѣшенія посылать на лекціи чиновъ полиціи—приставовъ, помощниковъ ихъ и околоточныхъ. Разрѣшеніе было дано, но разочарованіе послѣдовало полное, ибо о функціяхъ полиціи, въ собственномъ смыслѣ, въ лекціяхъ всего менѣе упоминалось. Изъ полицейскихъ правилъ чины столичной полиціи могли только узнать, что въ кавказскихъ горахъ нельзя пасти козъ, и что излавливаемая въ Волгѣ стерлядь, длиною больше аршина, должна представляться къ царскому столу. Главнымъ содержаніемъ полицейскаго права служила исторія образованія всевозможныхъ союзовъ, обществъ и кооперативовъ, какъ у насъ, такъ и на западѣ. Руководящею идею курса была мысль о томъ, что единичными, раздробленными силами ничего нельзя достигнуть ни въ какой области, что вообще—сила въ единеніи. Мысль эта такъ часто повторялась, почти на каждой страницѣ, что, наконецъ, надоѣдала, и студенты въ шутку говорили, что вся мудрость полицейскаго права сводилась только къ тому что, „одному что невозможно, то весьма легко вдвоемъ.“ Въ мое время въ Петербургѣ, ввидѣ анекдота, рассказывали, будто одинъ старый профессоръ, читавшій полицейское право, повѣсилъ только потому, что убѣдился слишкомъ поздно, что никакого въ сущности полицейскаго права, какъ отдѣльной науки, не существуетъ, и потому онъ всю жизнь протолокъ въ ступѣ воду.

Профессоръ церковнаго права, протоіерей Горчаковъ, былъ извѣстный ученый, рано обратившій на себя вниманіе своими замѣчательными трудами по изслѣдованію всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ исторіею церкви и имѣющихъ отношеніе къ догматическому богословію. Онъ считался знатокомъ каноническаго права всѣхъ христіанскихъ религій. Его научные труды были переведены на многіе иностранные языки. Въ Россіи авторитетъ его, какъ перваго знатока богословія и церковнаго права, ни кѣмъ не оспаривался.

Въ совершенномъ противорѣчїи со сказаннымъ слѣдуетъ признать тотъ фактъ, что курсъ церковнаго права, который онъ читалъ студентамъ, не только не отличался никакими научными достоинствами, но прямо поражалъ скудостью своихъ научныхъ идей, крайнею сухостью изложенія, и, вообще, безъ-интересностью. Въ своемъ курсѣ, громадномъ по объему, профессоръ точно нарочно выпустилъ все то, что составляетъ душу всякой научной книги—концепцію идей, живую логическую мысль, критическое отношеніе къ передаваемому. Весь курсъ его состоялъ изъ сухого перечня всѣхъ существующихъ церковныхъ учреждений и должностей, съ подробнѣйшимъ, по пунктамъ, перечисленіемъ всѣхъ правъ и обязанностей этихъ мѣстъ и лицъ. Первоначальная часть курса была посвящена самымъ схоластическимъ опредѣленіямъ правовыхъ терминовъ, напр. права въ субъективномъ, объективномъ смыслѣ и т. п. Хотя почти во всѣхъ курсахъ права въ началѣ имѣются такіа опредѣленія, но нигдѣ эти опредѣленія не достигали такихъ колоссальныхъ размѣровъ, какъ у Горчакова. Иногда формулы опредѣленій состояли изъ періода, тянущагося на нѣсколькихъ страницахъ

Періоды эти состояли изъ массы пунктовъ. Вообще Горчаковъ имѣлъ какую то особенную слабость къ пунктамъ, рубрикомъ, подраздѣленіямъ, перечисленіямъ. На экзаменѣ требовалось всѣ эти опредѣленія знать наизусть и обязательно въ порядкѣ пунктовъ. Вообще требовалось на экзаменѣ все отвѣчать въ порядкѣ пунктовъ, хотя бы они ни въ какой связи между собою не находились, и даже имѣли характеръ примѣрнаго перечисленія. Когда студентъ начиналъ перечислять какіе нибудь пункты, напр обязанности благочиннаго, профессоръ послѣдовательно загибалъ пальцы на обѣихъ рукахъ, а пропущенные пункты оставались ввидѣ незагнутыхъ, торчащихъ пальцевъ, и когда студентъ кончалъ перечисленіе, Горчаковъ указывалъ торчащіе пальцы и спрашивалъ: „а эти пункты?“

Вообще у Горчакова любовь къ точности, пунктуальности и регламентаціи доходила до послѣднихъ предѣловъ. Проистекало это, весьма возможно, изъ самыхъ симпатичныхъ стремленій его къ справедливости вообще, но иногда студентамъ приходилось тяжело отъ такой справед-

ливости. Особенно это сказывалось во время экзаменовъ. При мнѣ у всего курса выпило недоразумѣніе съ Горчаковымъ еще до экзамена. На послѣдней лекціи онъ намъ объявилъ, что придетъ на экзамень въ 7 ч. утра. Всѣ экзамены у насъ начинались не раньше девяти часовъ, и никто на слова профессора не обратилъ особаго вниманія; одинъ подумалъ, что онъ ослышался,—другой, что Горчаковъ оговорился, третій вовсе не слыхалъ. Собираясь студенты начали къ 9 ч. утра. Прождали до десяти, и, зная аккуратность Горчакова, очень удивились, что и въ 11 часовъ его все не было. Рѣшили, что онъ захворалъ, и были откомандированы выборные къ нему на квартиру справиться о его здоровьѣ. Выборные застали почтеннаго профессора въ вождельнномъ здравіи, причемъ онъ имъ объяснилъ, что ровно въ 7 ч. утра онъ былъ въ аудиторіи и никого тамъ не засталъ, почему и ушелъ домой. Экзамень онъ считаетъ несостоявшимся по винѣ студентовъ. Выборные стали просить его переложить гнѣвъ на милость и пожаловать на экзамень, но Горчаковъ категорически заявилъ, что на экзамень онъ придетъ только ровно черезъ годъ, т. к. не въ его правилахъ измѣнять разъ принятыя рѣшенія. На всѣ доводы уполномоченныхъ, что было-бы абсурдомъ и жестокостью обречь 600 человекъ на второгоднее сидѣнье на первомъ курсѣ изъ за пустого недоразумѣнія, Горчаковъ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ, причемъ развилъ мысль, что нарушеніе принциповъ аккуратности и точности онъ считаетъ зломъ неменьшимъ, чѣмъ сидѣнье на второй годъ хотя бы и 600 человекъ. Однако выборные и остальные студенты съ этимъ не согласились и отправились просить добрѣйшаго ректора Ивана Ефимовича (Андреевскаго) быть за нихъ ходатаемъ передъ строгимъ профессоромъ. Иванъ Ефимовичъ немедленно отправился къ Горчакову и со свойственнымъ ему даромъ все сглаживать, умиротворять и убѣждать, убѣдилъ чудака явиться на экзамень.

Прежде чѣмъ приступить къ экзаменамъ, Горчаковъ прочиталъ намъ цѣлую лекцію о правилахъ и обязанностяхъ экзаменуемыхъ, причемъ фигурировали неизмѣнные пункты.

Пунктъ первый гласилъ, что студенты будутъ экзаменоваться до такого то часа опредѣленнаго дня, послѣ котораго онъ никого экзаменовать не будетъ. 2-й пунктъ гла-

силъ, что студентъ имѣеть право экзаменоваться въ любой изъ назначенныхъ дней, 3-й пунктъ регламентировалъ порядокъ вызововъ студентовъ по списку въ алфавитномъ порядкѣ. Этотъ пунктъ былъ очень сложный, такъ какъ состоялъ изъ подробнѣйшаго перечисленія правъ и преимуществъ экзаменующихся студентовъ, въ связи съ первоначальными буквами ихъ фамилій, и въ связи со временемъ ихъ записи въ списки, и со временемъ фактическаго появленія въ аудиторіи и т. п. Предусмотрѣны были всевозможныя мелкія случайности, когда напр. у студента была двойная фамилія, или двѣ фамиліи, или фамилія писалась разными буквами. Далѣе слѣдовало, также пунктуальное, перечисленіе принциповъ, положенныхъ въ основаніе оцѣнки отвѣтовъ. За знаніе полнаго билета полагалась пятерка, но потомъ изъ нея вычитались части за неправильные отвѣты на отдѣльные вопросы. Послѣдніе, по важности своей, дѣлились на категоріи. Каждый студентъ имѣлъ право на определенное число отвѣтовъ. Для полученія въ окончательномъ выводѣ пятерки надо было отвѣтить на всѣ вопросы.

Когда я экзаменовался, то имѣлъ счастье удачно отвѣтить и по билету и на всѣ вопросы, съ которыми онъ меня гонялъ по всему курсу. Видя мою, такъ сказать, неуязвимость и уставши гоняться за мною, Горчаковъ сказалъ: „я вамъ могу поставить четыре, но вы имѣете право требовать еще одинъ вопросъ, на который, если отвѣтите, я долженъ буду вамъ поставить пять. Вотъ, расскажите содержаніе номоканона Іоанна Схоластика, и получите высшій баллъ. Мѣсто это было одно изъ самыхъ трудныхъ въ курсѣ, и я поспѣшилъ ретироваться, отказавшись отъ своихъ дальнѣйшихъ правъ на пятерку.

Такъ какъ во всемъ курсѣ не было билетовъ, въ которыхъ содержаніе не заключало бы въ себѣ перечисленія какихъ либо многочисленныхъ пунктовъ, что было трудно для запоминанія, то почти всѣ билеты считались одинаково трудными. Исключеніе составлялъ единственный только билетъ, имѣвшій своимъ содержаніемъ изслѣдованіе института брака. Этотъ билетъ студенты называли оазисомъ среди сухой пустыни, ибо въ немъ, въ удивительный контрастъ всему прочему, небыло никакихъ пунктовъ, и содержаніемъ его служило написанное въ лирическомъ тонѣ, психологи-

чески вѣрное, изображеніе первой любви. Это мѣсто легко запоминалось, да и въ случаѣ забвенія, каждый молодой человѣкъ могъ легко для пополненія черпнуть изъ собственнаго психологическаго запаса этого чувства. Однако Горчаковъ скоро замѣтилъ, какое радостное волненіе охватывало счастливецъ, вынужшихъ этотъ билетъ, и не давалъ говорить дальше первой фразы, которою начинался билетъ: „бракъ есть институтъ широкій, глубокій и высокій (дальше слѣдовало, всетаки, маленькое пунктуальное перечисленіе признаковъ, придающихъ ему такія свойства). Послѣ слова „высокій“ предлагалось взять другой билетъ, и фізіономія студента моментально вытягивалась. Вѣхъ ужасно удивляло, какъ такой сухой, черствый человѣкъ, какъ Горчаковъ,—сухая балаболка, какъ его называли—могъ вклеить столь поэтическое описаніе первой любви въ синодикъ всякихъ правъ, обязанностей и номоканоновъ. По этому поводу среди студентовъ ходила легенда, которую я передамъ, не ручаясь, однако, за ея достовѣрность. Рассказывали, что когда Горчаковъ былъ молодъ, у него была красавица жена, которую онъ сильно любилъ. По рѣдкой для Петербурга случайности, жену его ужалила какая то ядовитая сибирская муха, и жена его умерла, оставивъ ему малолѣтнихъ дѣтей. Горчаковъ долго тосковалъ, но молодость взяла свое, и онъ опять полюбилъ прекрасную дѣвушку, отвѣтившую ему полною взаимностью. Горчаковъ сталъ хлопотать передъ синодомъ о разрѣшеніи ему вступить во вторичный бракъ. Синодъ не разрѣшилъ, и тогда Горчаковъ затосковалъ, и, чтобы заглушить безысходное горе, весь отдался наукѣ, высохъ на ней, какъ говорится, и приобрѣлъ тѣ странности, о которыхъ сказано выше. При составленіи же курса, когда онъ дошелъ до института брака, на него нахлынули съ такой силой воспоминанія о несчастной первой любви, что сердце его временно оттаяло, и изъ подъ пера вылились поэтическія строки, которыя уже послѣ у него, вѣроятно, не хватило духа вычеркнуть.

Свое обѣщаніе окончить экзамены въ опредѣленный часъ Горчаковъ точно исполнилъ, и хотя оставались еще нѣкоторые студенты не экзаменовавшіеся (по своей винѣ), онъ торжественно удалился изъ аудиторіи. Одинъ изъ

обездоленныхъ, нѣкто Я—въ, пропустившій срокъ только потому, что не рѣшался выйти, надѣясь укрѣпиться болѣе въ знаніяхъ, слушая отвѣты экзаменуемыхъ товарищей, съ отчаянною рѣшимостью бросился догонять профессора и умолялъ проэкзаменовать его. Между студентомъ и профессоромъ произошла горячая полемика, но отчаяніе придавало силы Я—ву, и ему удалось убѣдить суроваго экзаменатора, что онъ долженъ проэкзаменовать его. Конецъ разговора происходилъ какъ разъ около двери В. К., гдѣ Горчаковъ расположился, и стоя сталъ экзаменовывать студента, ничуть не смущаясь проходившей взадъ и впередъ публикой, смотрившей съ крайнимъ удивленіемъ на столь необычную обстановку экзамена. Я—ву тоже было не до конфузливости и даже онъ, какъ передавалъ намъ послѣ, радъ былъ, что экзаменъ происходитъ въ столь оригинальномъ мѣстѣ, разчитывая, что профессоръ самъ поторопится, ограничившись нѣсколькими пустыми вопросами. Однако Я—въ жестоко ошибся. Горчаковъ, проэкзаменовалъ его по всеѣмъ правиламъ искусства, со всякими пунктами, отдѣлами, подотдѣлами, подраздѣленіями и проч. и, въ результатъ, поставилъ ему двойку.

Товарищи Я—ва послѣ въ шутку называли этотъ, исключительный по мѣсту, экзаменъ; „боемъ у пирамидъ“. Неукоснительную строгость и справедливость Горчаковъ проявлялъ на экзаменахъ по отношенію и къ постороннимъ лицамъ, пріѣзжавшимъ уже по окончаніи университета, черезъ нѣсколько лѣтъ, передерживать экзаменъ для получения степени кандидата правъ. Въ то время допускался такой порядокъ, что если кому не хватало только одной единицы до средняго вывода въ $4\frac{1}{2}$, дававшего званіе „кандидата правъ“, то можно было, даже черезъ нѣсколько лѣтъ, пріѣзжать и передерживать экзаменъ по какому угодно предмету, по которому раньше была выставлена тройка. Однажды изъ какого то южнаго города пріѣхалъ бывший петербургскій студентъ, прослужившій нѣсколько лѣтъ секретаремъ въ консисторіи и записался на дополнительный экзаменъ по церковному праву, основательно разчитывая, что пріобрѣтенныя на службѣ познанія будутъ способствовать его „блистательному“ отвѣту, и безъ изученія курса. Однако онъ жестоко ошибся. Горчаковъ задалъ ему такіе

вопросы: „скажите, какія права и обязанности звонаря?“ Секретарь растерялся отъ такого вопроса, и не подумавъ хорошенько, отвѣтилъ, что правъ звонарь никакихъ не имѣеть, а обязанность имѣеть только одну: „клепати *)“ во колокола! Отвѣтъ оказался неудовлетворительный, такъ какъ по закону звонарь имѣеть различныя права, перечисленныя въ пяти или шести пунктахъ, и во столькихъ же пунктахъ, если не больше, были перечислены его обязанности. Послѣ этого Горчаковъ спросилъ его о политическихъ правахъ архіереевъ въ Россіи. Этотъ пунктъ такъ отдѣльно и значился въ экзаменаціонной программѣ: „Политическія права архіереевъ въ Россіи“. Тутъ секретарь обрадовался и думая отличиться, началъ бойко перечислять все, что ему приходило въ голову о какихъ бы то ни было правахъ архіереевъ по управленію епархіею и при засѣданіи въ Синодѣ. Когда уже весь запасъ истощился, и онъ замолчалъ, Горчаковъ невозмутимо спросилъ: „а еще какихъ нѣтъ?“ Секретарь даже обидѣлся и сказалъ: „можетъ быть еще есть нѣкоторыя, не значительныя, о которыхъ я сейчасъ не вспомню, но, господинъ профессоръ, я уже такъ много перечислилъ и притомъ самыхъ существенныхъ“. . . . „Въ Россіи у архіереевъ никакихъ политическихъ правъ нѣтъ“, послѣ уже этого заявилъ Горчаковъ. Холодный потъ прошибъ бѣднягу секретаря. Добилъ же его окончательно вопросъ о папскомъ молоточкѣ. Изъ какого матеріала дѣлается молотокъ, которымъ трижды ударяють въ голову усопшаго папу—спросилъ Горчаковъ. „По всей вѣроятности изъ кипарисоваго дерева“ отвѣчалъ секретарь, думая, что его спрашиваютъ объ этомъ ввидѣ его мнѣнія, и не зная, что въ курсѣ точно сказано, что молоточекъ готовится изъ серебра. „Почему-же не изъ металла?“—Задалъ „наводящій“ вопросъ Горчаковъ. Потому, вѣроятно, отвѣчалъ совѣмъ уже опѣшившій секретарь, что металлическимъ молоточкомъ можно пробить голову.

Въ результатѣ кандидатство улыбнулось секретарю и онъ вернулся въ свою консисторію „дѣйствительнымъ студентомъ“.

Горчаковъ отличался необыкновенною памятью и наблюдательностью. Онъ помнилъ въ лицо всѣхъ студентовъ, зналъ

*) т. е. звонить.

ихъ по имени и фамиліи и помнить о чемъ каждый отвѣчать на экзаменѣ. Бывали случаи, что черезъ нѣсколько лѣтъ по окончаніи курса, бывшіе студенты, при встрѣчѣ съ Горчаковымъ, вступали съ нимъ въ бесѣду, и онъ всегда безошибочно называлъ каждаго по имени и отчеству и припоминалъ № билета и содержаніе—который доставался на экзаменѣ бывшему студенту. Неудивительно, что при такой колоссальной памяти, ему вовсе не казалось труднымъ для студентовъ преодоленіе его грандіознаго курса, съ безчисленными пунктами и подраздѣленіями. Даръ наблюдательности его выражался въ томъ, что онъ во время экзамена тщательно изучалъ сидящаго передъ нимъ студента, стараясь по чертамъ лица, по выраженію глазъ, по интонаціи голоса и по содержанію отвѣтовъ опредѣлить нравственную его физіономію и сдѣлать наиболѣе вѣроятное предсказаніе его будущей карьеры. Результаты своихъ наблюденій онъ записывалъ въ лежащую передъ нимъ записную книжку, въ самыхъ лаконическихъ и иногда вульгарныхъ (конечно потому, что они предназначались только для него одного) выраженіяхъ, напр. въ родѣ: „шельма—будетъ адвокатомъ“ подхалимъ—будетъ взяточникомъ. „Дуракъ“—возьметъ большое приданое, будетъ виднымъ общественнымъ дѣятелемъ. Нахаль и подлець—будетъ имѣть въ жизни громадный успѣхъ и т. под. Такія записи случайно подсмотрѣли студенты въ записной книжкѣ профессора. Говорятъ, что Горчаковъ, по возможности, слѣдилъ за карьерой своихъ бывшихъ учениковъ и любилъ свѣрять свои предсказанія съ дѣйствительностью. Предсказанія его часто сбывались. Оригинальною чертою симпатичнаго въ общемъ профессора было еще непреодолимое желаніе его быть во чтобы то ни стало блестящимъ ораторомъ. Между тѣмъ природа какъ разъ наградила его качествами, противоположными этому таланту. Голосъ онъ имѣлъ рѣзкій, неприятный, дикціи никакой, слегка заикался, а самый главный недостатокъ его рѣчи происходилъ отъ того, что онъ стремился къ идеально точному выраженію своихъ мыслей, но никогда сразу точнаго выраженія подобрать не могъ; замѣнялъ поминутно сказанное слово другимъ и часто даже цѣлое выраженіе, и въ результатѣ получалось вмѣсто ораторской рѣчи какое то бормотаніе плохо выученнаго урока.

Между тѣмъ намъ было извѣстно, что онъ спеціально передъ каждой лекціею дома къ ней готовился, при чемъ произносилъ ее вслухъ, стоя передъ зеркаломъ, жестикулируя и выдѣлывая всевозможную мимику на своемъ лицѣ. Всѣ усилія его были тщетны и ораторскіе приемы его вызывали лишь улыбки у студентовъ. Его фигура уже одна не способствовала позамъ оратора. Горчаковъ былъ невысокаго роста, сухопарый, даже совѣмъ костлявый субъектъ, съ лицомъ умнымъ, но очень некрасивымъ. Ряса на немъ болталась какъ на вѣшалкѣ. Движенія были рѣзкія и угловатая. Когда онъ поднималъ руки для ораторскихъ жестовъ, выходило особенно забавно, такъ какъ широкіе рукава рясы при этомъ болтались, будто черныя большія крылья у птицы, и Горчаковъ, самъ черный и весь въ черномъ, походилъ на какую то большую неуклюжую птицу, собирающуюся взлетѣть.

Студенты, не смотря на строгости и разныя чудачества Горчакова, очень его любили и относились къ нему съ такимъ глубокимъ уваженіемъ котораго онъ заслуживалъ, какъ человѣкъ и ученый. Курсомъ его, правда, большинство было недовольно, но не обижались, относя такое „перепроизводство“ всякой сухоты и пунктовъ въ курсѣ къ одному изъ чудачествъ Горчакова. Дѣйствительно интересовавшіеся вопросами церкви и богословія читали спеціальныя труды Горчакова и тамъ находили настоящую науку.

Однимъ изъ важныхъ предметовъ второго курса была статистика, которую читалъ знаменитый профессоръ Янсонъ, считавшійся отцомъ этой науки въ Россіи. Слава Янсона, какъ статистика, гремѣла на всю Россію, и труды его въ этой области цѣнились даже и за границею. Однако съ курсомъ его, который онъ читалъ студентамъ случилось тоже, что и съ курсомъ Горчакова. Янсонъ почему то не считалъ нужнымъ знакомить студентовъ съ статистикою въ обширномъ, научномъ смыслѣ этого слова, а ограничивался только передачею свѣдѣній о техническихъ приемахъ по собиранію статистическихъ данныхъ и обработкѣ ихъ. Весь курсъ, подобно Горчаковскому, состоялъ изъ пунктовъ и перечисленій. Пунктировались и перечислялись всѣ вопросы которые задаются счетчиками въ

главнѣйшихъ государствахъ Европы при производствѣ общихъ и частичныхъ переписей. На экзаменѣ всѣ эти пункты требовалось знать наизусть, именно въ томъ порядкѣ, въ которомъ они были изложены. Получалось такое впечатлѣніе, будто экзаменующіеся по статистикѣ студенты должны развѣхаться послѣ экзамена по разнымъ государствамъ Европы и тамъ поступить въ счетчики, при чемъ бюллетени, которыя они будутъ раздавать населенію, они обязаны будутъ на память заполнить подлежащими вопросными пунктами, и, обязательно, въ извѣстномъ порядкѣ. Сводка статистическаго матеріала требовала въ нѣкоторыхъ случаяхъ примѣненія формулъ высшей математики. Тѣ страницы курса, гдѣ говорилось о такой сводкѣ, представляли сплошную „непонятность“. Къ затрудненіямъ отъ незнанія высшей математики тутъ еще примѣшивались грубыя ошибки составителей лекцій: ошибки, которыя Янсонъ оставлялъ безъ поправокъ потому, что онъ самъ, очевидно, не знакомъ былъ какъ слѣдуетъ съ тѣми отдѣлами математики, которые фигурировали въ его курсѣ. Что это именно было такъ, вытекало изъ того, что при чтеніи лекцій, когда доходило дѣло до математическихъ формулъ, онъ приглашалъ какого-нибудь знакомаго студента математика послѣдняго курса, и тотъ при немъ на доскѣ посвящалъ насъ въ тайны высшихъ алгебраическихъ и геометрическихъ вычисленій. Янсонъ въ это время сходилъ съ кафедры, присаживался на парту къ студентамъ и вмѣстѣ съ ними изображалъ изъ себя ученика. Такое демонстрированіе вырванныхъ и разрозненныхъ кусочковъ высшей математики не приносило никакой пользы, и студенты къ экзаменамъ „непонятныя“ страницы или вовсе пропускали, или, у кого была хорошая память, выучивали наизусть. Такъ, одинъ мой знакомый студентъ К—о, еврей, имѣвшій великолѣпную память, выучилъ сомнительныя мѣста наизусть, и когда ему, какъ разъ, попалось такое мѣсто (гдѣ толковалась невообразимая чепуха о какой то Эйлеровой палаткѣ) онъ, безъ запинки, духомъ отрапортовалъ двѣ страницы, слово въ слово.

На лицѣ Янсона изобразилось крайнее изумленіе, онъ пожалъ плечами и проговорилъ: „что за чепуха, ничего не понимаю!“ К—о поспѣшилъ объяснить, что онъ своего ничего не внесъ, а повторилъ дословно, что есть въ курсѣ.

Тогда Янсонъ задалъ ему нѣсколько отдѣльныхъ вопросовъ, на которые К—о удачно отвѣтилъ, и онъ его съ миромъ отпустилъ. Отпуская, Янсонъ, однако, оказалъ ему въ назиданіе: „надо, господинъ К—о, обдумывать то, что вы говорите“. „А что пишешь—обдумывать не нужно“, сердито проворчалъ К—о, отойдя на приличное разстояніе отъ кафедры.

На третьемъ курсѣ мнѣ пришлось познакомиться также со знаменитостью, Мартенсомъ, профессоромъ международнаго права. Онъ также, какъ Янсонъ и Горчаковъ, считался въ Россіи отцомъ недавно, сравнительно, народившейся отрасли права — международнаго. Въ противоположность своимъ коллегамъ, Мартенсъ считалъ нужнымъ знакомить своихъ слушателей со всѣми научными идеями и законами, разработкѣ которыхъ онъ себя посвятилъ, какъ ученый. Собраніе его лекцій было именно ученый трудъ, вполне отвѣчающій своему заглавію, исчерпывающій всѣ главные вопросы изслѣдуемаго предмета. Отдѣльные научные труды Мартенса, хотя и высокой цѣнности, посвящены были разработкѣ отдѣльныхъ второстепенныхъ вопросовъ международнаго права, и знакомство съ ними важно было только для специалистовъ, преимущественно для дипломатовъ. Курсъ же его „международное право“, который онъ читалъ студентамъ, совершенно достаточно знакомилъ со всѣми основными вопросами, и каждый, хотя бы только разъ прочитавшій его, не могъ сказать, что онъ не знаетъ международнаго права. Написанъ курсъ былъ прекраснымъ литературнымъ языкомъ, яснымъ, простымъ, чрезвычайно удобнымъ для быстраго усвоенія. Многіе неюристы читали курсъ Мартенса съ громаднымъ интересомъ. Самъ Мартенсъ былъ прекраснымъ лекторомъ. Читалъ онъ всегда стоя, устремляя глаза въ одну какую нибудь точку.

Онъ обладалъ прекрасной, отчетливой дикціею. Каждое слово — онъ какъ бы отчеканивалъ. Тембръ голоса имѣлъ металлическій. Со стороны содержанія и фразировки рѣчи его была безукоризненна. Единственнымъ недостаткомъ рѣчи была монотонность, утомляющая слушателей. Мимика лица оставляла также желать много лучшаго. Мартенсъ, подобно Горчакову, отличался феноменальною памятью. Онъ также помнилъ имена и фамиліи всѣхъ экзаменовавшихся у него студентовъ, и черезъ нѣсколько лѣтъ при встрѣчѣ напоми-

наль о чемъ бывшій студентъ отвѣчалъ ему на экзаменѣ. Мартенсъ ухитрился помнить, какія именно изъ его лекцій пропустилъ каждый студентъ. Случалось, что иногда на экзаменѣ студентъ не могъ отвѣтить на какойнибудь вопросъ потому, что не былъ на той лекціи, гдѣ Мартенсъ сообщалъ что либо, не вошедшее въ печатный курсъ. Въ этихъ случаяхъ Мартенсъ прямо объявлялъ студенту, что онъ на такой то лекціи не былъ. Иногда и помимо этого, Мартенсъ перечислялъ экзаменуящемуся, на какихъ онъ лекціяхъ не былъ, и послѣ, по справкамъ, это всегда подтверждалось. Манкировку лекцій Мартенсъ очень не долюбивалъ и потому студенты, зная его необыкновенную способность запоминать присутствующихъ на лекціи, старались ихъ неукоснительно посѣщать. Удивительнымъ было то, — когда Мартенсъ ухитрился успѣвать запоминать лица студентовъ, смотря все время лекціи въ одну точку.

Характерною особенностью этого знаменитаго профессора была такая же нетерпимость къ евреямъ, какъ у Градовскаго. Онъ къ нимъ относился гораздо придирчивѣе на экзаменахъ, чѣмъ ко всѣмъ остальнымъ. Разъ я помню былъ такой случай: для зачета полугодія Мартенсъ далъ намъ письменную работу. Зачетъ былъ простою формальностью, и всѣ представили нѣсколько, списанныхъ изъ его же курса, страницъ. У меня небыло тогда его книги, и я списалъ у своего товарища, вышеупомянутаго К—о, — еврея. Онъ тоже у кого то списалъ, причемъ, допустилъ нѣсколько ошибокъ въ собственныхъ именахъ. Я скопировалъ тѣ же ошибки. К—о получилъ за свою работу двойку, а я четверку.

На третьемъ же курсѣ я познакомился съ неменѣе Мартенса извѣстнымъ профессоромъ уголовного права Фойницкимъ; онъ читалъ на третьемъ курсѣ тюрьмовѣдѣніе и на четвертомъ — уголовное судопроизводство. И тотъ и другой предметъ онъ читалъ живо и увлекательно. Лекціи его всегда были переполнены слушателями. О достоинствахъ его лекцій по содержанию и изложенію нѣтъ надобности распространяться. Онъ считается выдающимся криминалистомъ въ Россіи, и за границу имя его пользуется громаднымъ авторитетомъ. Его дѣятельность какъ ученаго и юриста-практика оцѣнена по достоинству

лучшими, какъ русскими, такъ и иностранными критиками и мое слабое перо ничего не можетъ прибавить къ его извѣстности. Въ своихъ воспоминаніяхъ о славномъ учителѣ и могу высказать только дань глубокаго уваженія къ нему и благодарность за его благотворное вліяніе. Никто изъ профессоровъ не одарилъ такъ богато знаніями своихъ слушателей, какъ Фойницкій, и никто такъ не способствовалъ развитію лучшихъ, благороднѣйшихъ идей, вложенныхъ незабвенными творцами въ судебные уставы шестьдесятъ-четвертаго года—какъ онъ, Фойницкій. Какъ экзаменаторъ, Ф. былъ очень строгъ и требователенъ. Для преодоленія его громаднаго курса судопроизводства требовалось усиленное напряженіе памяти. Благодаря другому профессору уголовного права Сергіевскому, сръзавшему меня по своему предмету, мнѣ пришлось дважды держать всѣ выпускные экзамены и въ томъ числѣ по судопроизводству у Фойницкаго. Первый разъ онъ нашель мой отвѣтъ очень хорошимъ и поставилъ пять. Когда же черезъ полгода мнѣ снова пришлось у него экзаменоваться, то я рѣшилъ лучше получить хоть тройку, но безъ экзамена (что иногда допускалось), о чемъ и пошелъ его просить. Но онъ сказалъ мнѣ, что помнитъ мой прекрасный отвѣтъ, вполне увѣренъ въ моихъ знаніяхъ, и что мнѣ нѣтъ никакихъ основаній беспокоиться. Однако, какъ на несчастье, я вынулъ такой билетъ, на которомъ уже многіе студенты порѣзались, потому что въ печатномъ текстѣ были какія то ошибки, которыя онъ исправлялъ на лекціяхъ и не терпѣлъ, кто ихъ (исправленій) не зналъ. Я не зналъ этихъ исправленій, и, какъ говорится, влопался. Фойницкій разразился грозной филиппикой противъ меня и сказалъ, что ставить удовлетворительную отмѣтку только ввиду моего блестящаго отвѣта весною (вторично я экзаменовался осенью).

Другой профессоръ уголовного права, Сергіевскій, хотя тоже былъ извѣстностью, но далеко не такую, какъ Фойницкій. Выдвинулся онъ на ученомъ поприщѣ не столько талантами, сколько своимъ трудолюбіемъ и настойчивостью. Онъ, кажется, былъ изъ семинаристовъ, и въ манерахъ и въ обращеніи его было что то грубоватое. Курсъ его оставялъ желать много лучшаго; онъ былъ написанъ неизящнымъ, тяжеловѣстнымъ языкомъ, по содержанію тенденціозенъ и устарѣвшій по высказываемымъ мыслямъ. Къ до-

стоинствамъ его курса надо было отнести стройность и логичность мыслей; поэтому, имѣющее наибольшую связь съ логикою, ученіе о законахъ уголовной причинной связи, было лучшимъ и самымъ интереснымъ мѣстомъ въ его курсѣ. Оно же было и труднѣйшимъ мѣстомъ, т. к. вообще изслѣдованіе законовъ причинной связи вещь очень трудная и сложная. Тяжелый слогъ Сергіевскаго усиливаль трудность усвоенія этого отдѣла курса. Громадное большинство студентовъ ввиду недостаточнаго времени, даннаго на подготовку, рѣшили пропустить этотъ отдѣлъ, чтобы имѣть возможность хорошенько выучить то, что полегче. Они оказались въ выигрышѣ, т. к. Сергіевскій мало приставаль на экзаменѣ съ этою „причинною теоріею“, а больше „гонялъ“ по особенной части, гдѣ удобнѣе было задавать отдѣльные вопросы. Немногіе же, въ томъ числѣ и я, заинтересовались именно этимъ труднымъ отдѣломъ. Употребивши на изученіе его не мало времени, я не успѣлъ докончить — особенную часть, и всего только нѣсколько страницъ. Надо было случиться такому же несчастью, что я вытащилъ именно билетъ изъ самаго конца особенной части. Зная вообще хорошо уголовное право, я бы выпутался какъ нибудь изъ бѣды, если бы содержаніемъ билета было хоть что нибудь теоретическое или отвлеченное, но тамъ преимущественно были голые тексты статей закона, а, незная ихъ, я никакими измышленіями и разсужденіями ихъ замѣнить не могъ. Въ результатъ мнѣ было предложено явиться на экзаменъ черезъ полгода. Отчаянію моему небыло границъ! Во первыхъ, это былъ самый послѣдній экзаменъ, сдаль который я дѣлался свободнымъ гражданиномъ, во вторыхъ оканчивалась стипендія которую я получалъ, въ третьихъ снова надо было передерживать всѣ самые трудные экзамены по другимъ предметамъ, и въ четвертыхъ, всего досаднѣе было провалиться по предмету, который зналъ гораздо лучше многихъ другихъ выдержавшихъ студентовъ. Все это побудило меня попробовать переговорить съ Сергіевскимъ — не разрѣшить ли онъ мнѣ теперь же передержать экзаменъ, какъ это онъ нѣкоторымъ разрѣшалъ дѣлать.

Изъ попытки моей ничего не вышло. Будучи сильно взволнованъ, я, необдуманно выражений, подошелъ и сталъ говорить Сергіевскому: „Я хотѣлъ бы съ вами, г. профессоръ,

поговорить какъ съ порядочнымъ человѣкомъ.“. . . „А за кого же меня иначе можно считать, вспылилъ Сергіевскій?“ Я не хотѣлъ вовсе васъ оскорбить, поправился я, а хотѣлъ сказать, что вы совершенно несправедливо поставили мнѣ двойку;—это подлило масло въ огонь. „Позвольте мнѣ судить, что справедливо и что несправедливо“, уже закричалъ Сергіевскій, и грубо добавилъ: „прошу васъ не соваться не въ свое дѣло“. Тутъ ужъ и я не вытерпѣлъ и закричалъ ему: „а я васъ попрошу на меня не кричать и выраженія употреблять болѣе профессорскія!“ однимъ словомъ, вмѣсто благороднаго объясненія вышла перебранка, побѣдителемъ изъ которой, разумѣется, вышелъ Сергіевскій, а я черезъ полгода долженъ былъ держать заново всѣ выпускные экзамены, и благодарить Бога, что на вторичномъ экзаменѣ Сергіевскій не припомнилъ мнѣ „порядочнаго человѣка“.

Гражданское Право читалъ профессоръ Дювернуа. Это былъ самый оригинальный лекторъ, какихъ я только видалъ. Не смотря на сухой сюжетъ его лекцій, онъ до такой степени воодушевлялся, что каждый разъ можно было подумать, что онъ разрѣшаетъ вопросъ о жизни и смерти. Во время лекцій онъ ни одной минуты немогъ находиться въ спокойномъ состояннн: онъ то стремительно нагибался впередъ, то откидывался назадъ; руки его находились въ непрерывномъ движеннн, лицо попеременно изображало, то волненія радости, то удивленія, то безграничнаго горя. Въ особенно патетическихъ мѣстахъ онъ даже вскакивалъ на ступль, и былъ разъ случай, что онъ съ него упалъ. Голосъ у него былъ крикливый, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходилъ до визгу.

Столь горячій экспансивный темпераментъ его соотвѣтственно отражался на содержаннн лекцій. Дювернуа въ живыхъ образахъ передавалъ различные институты гражданского права, для чего употреблялъ весьма оригинальные термины, въ родѣ того: „сдѣлка оживаетъ, сдѣлка умираетъ“. Студенты смѣялись, что скоро у Дювернуа „сдѣлка будетъ выходить замужъ, сдѣлка вдовѣтъ и т. под.“. Большой научной цѣнности курсъ Дювернуа не представлялъ и, вѣроятно, большой потери небыло оттого, что большинство студентовъ прочитывало его ввидѣ развлеченія, а не изучало. Происходило это не отъ недостатка интереса къ самому

предмету или отъ малоцѣнности содержимаго лекцій, а отъ того что Дювернуа былъ въ высшей степени снисходителенъ на экзаменахъ, и, студенты пользуясь этимъ, время, дававшееся на подготовку къ гражданскому праву, употребляли на зубрешку другихъ предметовъ, болѣе строгихъ на экзаменахъ—профессоровъ. Явленіе это, конечно, было ненормальное и очень печальное. Благодаря такому порядку вещей для студентовъ моего времени пропали такіе важные предметы, какъ Гражданское Право, Гражданское Судопроизводство и Финансовое Право. Читавшіе два послѣднихъ предмета профессора Лебедевъ и Адамовичъ, также какъ Дювернуа, были безконечно снисходительны на экзаменахъ, и къ нимъ можно было являться на экзаменъ послѣ однократнаго прочтенія курса, а то и вовсе нечитая. Строго упрекать студентовъ въ недобросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу было нельзя, т. к. чрезмѣрно строгія требованія, предъявлявшіеся нѣкоторыми профессорами на экзаменахъ (напр. вышеупомянутыми Горчаковымъ, Янсономъ, Мартенсомъ и др.) заставляли студентовъ, въ погонѣ за временемъ, прибѣгать къ неблаговиднымъ приемамъ по отношенію къ нестрогимъ профессорамъ. Послѣдніе несомнѣнно знали о продѣлкахъ студентовъ и, по добротѣ или изъ гуманности, смотрѣли сквозь пальцы на собственное надувательство. По отношенію къ нѣкоторымъ „добренькимъ“ профессорамъ установились, какъ-бы по молчаливому соглашенію, приемы надувательства, которые отъ одного поколѣнія студентовъ переходили къ другому. Иногда, благодаря нетактичности нѣкоторыхъ экзаменуемыхъ, и „добренькіе“ профессора превращались въ свирѣпыхъ экзаменаторовъ, но это случалось рѣдко и недолго продолжалось.

Одинъ изъ самыхъ „добренькихъ“ былъ профессоръ богословія о. Рождественскій. Не читая курса, къ нему смѣло шли на экзаменъ потому что программа, представляла изъ себя форменный конспектъ. Достаточно только было знанія одного Евангелія, чтобы запомнить кое какія недостающіе пробѣлы въ этомъ конспектѣ. Евангеліе же, конечно, уже всѣ болѣе или менѣе хорошо знали по курсу гимназіи.

На экзаменахъ у Дювернуа дѣйствовала такая традиціонная система. Каждый къ экзамену приготавлилъ обязательно два билета.

Подойдя къ экзаменаціонному столу, студентъ бралъ билетъ, смотрѣлъ его, и не показывая профессору, клалъ обратно, называя только номеръ. Последній, конечно, назывался не настоящій, а тотъ, который былъ приготовленъ. Два же билета, приготовлялись на тотъ случай, чтобы двое одновременно вызванныхъ, не назвали одного и того же номера билета (что могло бы случиться, еслибы выучивали по одному билету и случайно двое вызванныхъ приготовили одинъ и тотъ же билетъ).

Разъ случился такой казусъ. Одному студенту лѣтъ было выучить два билета, и онъ ограничился однимъ. На его несчастье, вызванный—одновременно съ нимъ, вынимая билеты, раньше его назвалъ какъ разъ тотъ номеръ, который онъ приготовилъ. Неимѣя въ запасѣ другого билета, онъ, посмотрѣвъ на вынутый билетъ, назвалъ тотъ-же номеръ, который сказалъ его товарищъ. Дювернуа предложилъ ему, взять другой билетъ, сказавъ, что онъ, вѣроятно, не разсмотрѣлъ № билета. Студентъ, какъ говорится, заартачился, отказываясь взять другой билетъ, причемъ довольно грубо замѣтилъ Дювернуа, что онъ обязанъ ему на слово вѣрить, такъ какъ тотъ ничѣмъ не можегъ доказать, что онъ назвалъ ему неправильно билетъ. Не смотря на все свое благодущіе, Дювернуа разсердился и, раскрывъ свой портфель, вынулъ оттуда нѣсколько билетовъ, среди которыхъ оказался и тотъ злополучный, который будто взялъ со стола студентъ. Последний получилъ единицу, чуть ли не единственную, поставленную когда либо Дювернуа. У добрѣйшаго Адамовича устраивались такъ: студентъ, вынувъ билетъ, отходилъ съ программой къ окну, гдѣ лежали въ листахъ лекціи, выбиралъ соответственный листъ и готовился по нему. Двоекъ Адамовичъ никогда никому не ставилъ; но однажды поставилъ даже единицу одному субъекту—за его нахальство. Дѣло было такъ. Передъ началомъ экзамена къ Адамовичу подошелъ франтикъ-студентъ, изъ породы пшютовъ, и громогласно сказалъ такую вещь: „такъ какъ Вы, г. профессоръ, никому не ставите меньше трехъ, то я попросилъ бы Васъ, не спрашивая, поставить мнѣ три, ибо я очень тороплюсь по своимъ дѣламъ и мнѣ нѣкогда оставаться на экзаменѣ.“ Адамовичъ страшно обидѣлся, сейчасъ же проэкзаменовалъ нахала, и т. к. тотъ абсолютно ничего не зналъ, то поставилъ ему торжественно

единицу. У профессора судебной медицины Сорокина устраивались такъ. Студенты записывались въ два отдѣльныхъ списка. Въ одинъ списокъ тѣ, которые не претендовали получить болѣе тройки, а въ другой—желавшіе получить четыре и пять. „Троешникамъ“ Сорокинъ производилъ самый поверхностный экзамень, а желавшихъ отличиться экзаменовалъ также строго, какъ студентовъ академіи, гдѣ онъ состоялъ профессоромъ.

Совершенно же въ родѣ этого производился экзамень по новымъ языкамъ, причемъ тутъ очень часто практиковалась подмѣна экзаменующагося подставнымъ лицомъ.

У строгихъ профессоровъ никакія уловки не помогали. Однажды только Градовскій поставилъ пятерку одному абсолютно ничего незнавшему субъекту, но по курьезному поводу. Произошло это такъ. Былъ въ Петербургѣ одинъ „высокопоставленный маменькинъ сынокъ“ и надо ему было для чего то непременно получить дипломъ объ окончаньи курса юридическаго факультета. Всякими правдами и неправдами онъ сдалъ благополучно экзамены у всѣхъ профессоровъ, кромѣ Градовскаго—по Государственному Праву.

Не соглашался Градовскій поставить ему удовлетворительную отмѣтку и баста. Наконецъ кто-то ухитрился уговорить упряма и Градовскій разрѣшилъ маменькиному сынку вторично проэкзаменоваться. Передъ полной аудиторіей экзаменующійся вынулъ билетъ, по которому пришлось ему рассказывать о функціяхъ судебныхъ департаментовъ сената (страницъ 20—въ курсѣ). Онъ долго готовился, потомъ глубокомысленно молчалъ и наконецъ изрекъ (буквально): „они *) судять“ и замолчалъ.

Прекрасно-съ, зашипѣлъ Градовскій, великолѣпный, блестящій отвѣтъ; главное его достоинство: совершенно вѣрный и не затемненъ излишними подробностями. Пять-съ, можете идти.

Обрисовавъ, на сколько позволяла мнѣ память, типъ профессоровъ моего времени, я хотѣлъ-бы въ заключеніе сказать нѣсколько словъ о типахъ студентовъ того добраго стараго времени.

*) т. е. судебные департаменты.

Начну съ внѣшности. При моемъ поступленіи, форма не существовало, и каждый ходилъ, въ чемъ ему нравилось, или позволяли средства. Получалась ужасная смѣсь костюмовъ, начиная отъ изящнѣйшаго смокинга и лакированныхъ ботинокъ до грязной блузы и высокихъ смазныхъ сапоговъ. Большинство одѣвалось болѣе или менѣе прилично, хотя нуждающихся студентовъ было очень много. На улицахъ, ввидѣ рѣдкаго исключенія, попадались студенты стариннаго, базаровскаго типа:—съ длинными волосами, въ пледахъ и съ дубинообразными палками въ рукахъ. Большинство студентовъ были петербуржцы—сыновья чиновниковъ, и потому, вообще, университетъ имѣлъ на себѣ бюрократическій отпечатокъ. Студенты всѣхъ факультетовъ замѣтно раздѣлялись на двѣ главные группы—петербуржцевъ и провинціаловъ. Группы эти мало между собою сближались. Знакомство провинціаловъ съ петербуржцами рѣдко выходило за стѣны университета. За четыре слишкомъ года пребыванія въ университетѣ я былъ знакомъ съ очень многими студентами—петербуржцами, но ни одинъ изъ нихъ никогда не пригласилъ меня къ себѣ домой, не познакомилъ съ своими семейными. Вообще я замѣтилъ, что коренные петербуржцы гостепріимствомъ не отличались. При распредѣленіи студентовъ по факультетамъ наблюдалось, какъ и въ настоящее время, громадное скопленіе на юридическомъ факультетѣ. Слѣдующимъ по количеству былъ естественный факультетъ, потомъ математическій, и самый малолюдный факультетъ восточныхъ языковъ. На филологическомъ факультетѣ тоже было очень немного слушателей. Самые серьезные и дѣльные люди были, по моему мнѣнію, математики и отчасти естественники. Туда всѣ шли и работали во имя науки и знали, что не работая добросовѣстно, не въ состояннн будутъ кончить курса. Всѣ науки тамъ были въ преемственной связи, и каждый курсъ представлялъ одно нераздѣльное цѣлое, въ которомъ нельзя было понимать конца, не зная начала, и, вообще, нельзя было двигаться впередъ, не выучивъ предыдущаго. Совсѣмъ иное дѣло представлялъ юридическій факультетъ. Тамъ наравнѣ со способными, дѣльными и серьезными работниками, была масса легкомысленной молодежи, пошедшей въ университетъ не за наукой, а только за дипломомъ. Преподаваемые

предметы не находились между собою почти ни въ какой связи и даже отдѣльные курсы не представляли изъ себя чего нибудь цѣльнаго, — стройнаго; незнаніе какого либо отдѣла вовсе не обуславливало собою невозможности усвоенія дальнѣйшаго. Изученіе различныхъ „правовъ“ кромѣ памяти ничего не требовало. Степень умственнаго развитія отъ пріобрѣтенныхъ знаній ничѣмъ и никѣмъ не провѣрялась. Студенты юристы, имѣвшіе мало-мальски сносную память, вѣсно занимались только съ начала весны, приготавливаясь къ экзаменамъ, а осень и зиму считали себя — свободными отъ всякихъ занятій. Серьезные и трудолюбивые, конечно, находили себѣ какія нибудь полезныя занятія: изучали источники права, читали спеціальныя сочиненія, писали рефераты и т. под. Большинство же проводило время въ праздности, предаваясь всевозможнымъ удовольствіямъ и развлеченіямъ, которыхъ такъ много въ Петербургѣ. Съ грустью слѣдуетъ отмѣтить, что пьянство во всевозможныхъ видахъ и по всевозможнымъ поводамъ царило надъ всеми развлеченіями, особенно среди студентовъ провинціаловъ, живущихъ на холостой манеръ и лишенныхъ семейныхъ знакомствъ. Иногда самые ничтожные поводы вели къ грандіознымъ выпивкамъ. Напр., я помню, въ коллегіи Полякова, одному изъ живущихъ тамъ прислали изъ дома поросенка, и по этому поводу устроилась пирушка, и компанія человекъ 10—12 пьянствовала нѣсколько дней „спрыскивая этого поросенка“.

Политикой въ то время студенты въ массѣ вовсе не занимались, и потому не было никакихъ политическихъ организацій и партій. Тѣ студенты, которые попадались въ разныхъ политическихъ дѣлахъ, если принадлежали къ какимъ либо нелегальнымъ или тайнымъ обществамъ, то организованнымъ внѣ стѣнъ университета. Изъ нелегальныхъ обществъ въ университетѣ при мнѣ были только землячества, о которыхъ начальство знало, но не преслѣдовало ихъ, т. к. дѣятельность землячествъ ограничивалась исключительно оказаніемъ матеріальной помощи своимъ сочленамъ.

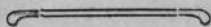
Пріятному ничего недѣланію юристовъ въ промежуткѣ между началомъ ученья и экзаменами одно время поставили препятствіе — ввидѣ необходимости зачета полугодій предъ-ставленіемъ какой либо письменной работы, или сдачи полу-

курсоваго экзамена. Какъ студенты, такъ и профессора отнеслись къ этому отрицательно, и дѣло свелось къ одной формалистикѣ. Случаевъ незачтенія профессорами семестровъ не было. Если одинъ какой либо профессоръ отказывался признать удовлетворительною семестровую работу, студентъ шелъ къ другому профессору и тотъ, ничего не спрашивая, зачитывалъ полугодіе. Выборъ предмета для зачета представлялся студентамъ. О какомъ либо сближеніи или единеніи студентовъ съ профессорами не было и рѣчи. Многіе студенты лекцій нѣкоторыхъ профессоровъ совсѣмъ не знали и даже нѣкоторыхъ профессоровъ не знали въ лицо. Былъ разъ случай, что одинъ студентъ въ концѣ года, не зная въ лицо профессора Ефимова, принялъ его за студента, и спросилъ, не видалъ ли онъ профессора Ефимова. Внутреннею жизнью университета, разными порядками и распорядками студенты мало интересовались; выходило какъ-то что университетъ жилъ особою жизнью, студенты своею особою. Никакихъ особенныхъ столкновеній у студентовъ съ университетскимъ начальствомъ при мнѣ не было. Студенты еще интересовались личностью ректора, а до другихъ начальствующихъ лицъ имъ было мало дѣла. Начальствующія лица ввидѣ инспектора, его помощниковъ и педелей ничѣмъ особеннымъ свою власть не проявляли, и студенты относились къ нимъ болѣе или менѣе безразлично.

Крупныхъ студенческихъ безпорядковъ при мнѣ не было, исключая одного случая, зимою 1887 г., когда университетъ на нѣкоторое время былъ даже закрытъ. Причиной безпорядковъ послужили какія-то столкновенія съ инспекціею. Я въ то время сдавалъ послѣдніе выпускные экзамены, готовился дома и не зналъ, что дѣлалось въ университетѣ. Придя на предпослѣдній экзамень, я сразу попалъ въ водоворотъ безпорядковъ. Тысячная толпа студентовъ, съ крикомъ, гамомъ и свистомъ носилась по длинному корридолу. Нѣкоторые, въ особенномъ экстазѣ, били стекла, другіе рвали какіе-то бумаги и клочками обсыпали всѣхъ, какъ хлопьями снѣга. Мнѣ надо было пройти черезъ весь корридолъ, т. е. черезъ всю эту бушующую толпу, что было дѣломъ очень нелегкимъ и опаснымъ, тѣмъ болѣе, что бунтовавшіе все были студенты первыхъ курсовъ—въ формѣ, и я въ штатскомъ выдѣлялся между ними, и меня легко могъ

замѣтить какой либо изъ педелей и сопричислить къ числу бунтующихъ, а это для меня, при окончаньи курса, грозило не особенно пріятными послѣдствіями. На мою бѣду еще я былъ прижать толпою къ самому градоначальнику Грессеру, котораго толпа оттерла отъ городскихъ, пришедшихъ съ нимъ въ университетъ. По адресу Грессера и вообще полиціи раздавались очень нелестные эпитеты, а особенные забіяки, видимо, не прочь были перейти отъ словъ къ дѣлу, вообще, возбужденіе толпы съ каждою минутою такъ росло, что можно было ожидать всего сквернаго. Я попробовалъ было обращаться со словами убѣжденія къ ближайшимъ товарищамъ, доказывая, какія могутъ быть для нихъ скверныя послѣдствія, если они учинятъ какое либо насиліе надъ градоначальникомъ, но слова мои тонули въ общемъ крикѣ и гамѣ. Грессеръ, видя свое затруднительное положеніе, старался выйти изъ него шутками. Такъ, когда одинъ студентъ, подбѣжавъ, свистнулъ ему подъ самое ухо, онъ вынулъ полицейскій свистокъ и со словами: „что же вы думаете, я тоже не умѣю свистнуть“? сталъ свистать изъ него. Студенты засмѣялись. Такъ, балагурия и шутя со студентами, Грессеръ выбрался изъ толпы, и тогда уже началъ дѣйствовать. Былъ отданъ приказъ ловить и задерживать буйствовавшихъ въ корридорѣ студентовъ. Часть ихъ задержали въ самомъ университетѣ, а часть выбѣжала на улицу, и тамъ я былъ свидѣтелемъ чисто школьническихъ продѣлокъ студентовъ, особенно первокурсниковъ: удирая отъ городскихъ, они останавливались и оборачиваясь дразнили ихъ „фараонами“, высовывали имъ языки и снова бѣжали. Тяжеловѣсные полисмены, въ неуклюжихъ сапогахъ, обремененные пашками, конечно, не могли догнать своихъ рѣзвыхъ обидчиковъ и лишь посылали имъ въ догонку всякія ругательства. Послѣ этого университетъ былъ закрытъ на всѣ зимніе каникулы, а студенты, державшіе выпускные экзамены, получили особые билеты на право входа въ университетъ и имъ разрѣшено было додерживать экзамены.

Я сдалъ послѣдній экзаменъ по гражданскому праву и навсегда покинулъ университетъ, унося въ душѣ своей чувства признательности за все хорошее, доброе и полезное, что далъ мнѣ этотъ храмъ науки.

Того-же автора:

- 1) **ПРАКТИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ** для начинающих судебных слѣдователей, кандидатовъ на судебныя должности и чиновъ полиціи. 1911 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.
- 2) **ТАБЛИЦА ПОДСУДНОСТИ УГОЛОВНЫХЪ ДѢЛЪ.** 1911 г. Цѣна 20 коп.

Продаются во всѣхъ юридическихъ книжныхъ магазинахъ.